

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ПРИМАКОВ

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Центр международной
торговли (Москва)

Издание «Неизвестный Примаков. Воспоминания» осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- **Усманов Алишер Бурханович** – основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- **Минниханов Рустам Нургалиевич** – Республика Татарстан, президент;
- Уральская горно-металлургическая компания «УГМК-холдинг», Генеральный директор **Козицын Андрей Анатольевич**;
- Акционерное общество «Евроцемент групп», Председатель Совета директоров **Гальчев Филарет Ильич**;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», Генеральный директор **Беднов Сергей Сергеевич**;
- Публичное акционерное общество «Центр Международной торговли», Генеральный директор **Страшко Владимир Петрович**;
- Пензенская областная ТПП – Президент ТПП **Подобед Владимир Николаевич**;
- Международный Фонд поддержки правовых инициатив.

Редакционный Совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Фортов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРИМАКОВ

Воспоминания

Москва
2016

Рабочая группа
(концепция, составление, предисловие):

А.М. Рыбаков (руководитель)
Г.А. Бордюгов
В.Л. Малькевич
И.Л. Митрофанов
Е.А. Примаков
А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре Ассоциации исследователей
российского общества (НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку книги – Е.А. Котеленец, Д.Г. Коробков

Художественное оформление, дизайн – С.П. Щербина

Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ;
Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 480 с.; цв. илл. – ISBN 978-
5-91022-344-2.

Своими размышлениями о человеке, политике и ученом делятся лично знавшие его президенты, главы российского правительства, министры иностранных дел, руководители партий и общественных движений, лидеры бизнеса и друзья. Многие из мыслей о Е.М. Примакове впервые станут достоянием отечественной и зарубежной общественности. Большинство фотографий из личных архивов авторов публикуются впервые.

© Авторы, 2016
© ТПП РФ, 2016
© Издательство ПАО Центр международной торговли (Москва), 2016
© Рабочая группа, 2016
© ЗАО Издательство «Российская газета», АИРО-XXI, оформление, 2016

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ12

Раздел 1

ЧЕЛОВЕК – ЭПОХА

Валентина МАТВИЕНКО. Стиль Примакова.....24
Александр ЛУКАШЕНКО. Наставник.....36
Нурсултан НАЗАРБАЕВ. Политик мирового уровня42
Сергей КАТЫРИН. Десять лет на Ильинке46
Минтимер ШАЙМИЕВ. Дорогой наш Учитель56
Александр ДЗАСОХОВ. Мастер дружить66
Андрей ФУРСЕНКО. Он умел влиять на происходящее
своим словом.....84
Константин КОСАЧЕВ. Virtuoz политического
прогнозирования.88
Олег ПОПЦОВ. Шанс России98

Раздел 2

УЧЕНЫЙ И ЖУРНАЛИСТ

Виктор САДОВНИЧИЙ. У него всю жизнь хотелось
чему-то учиться114
Александр ДЫНКИН. Мыслитель.....120
Владислав ФРОНИН. Уроки профессионализма
и ответственности130
Георги БОРОВИК. Он должен остаться для нас
великим человеком138
Георги ЮШКЯВИЧЮС. Здесь был Примаков.....142

Раздел 3

НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

<i>Михаил ФРАДКОВ</i> . Нераскрытые страницы биографии первого директора СВР.....	148
<i>Вячеслав ТРУБНИКОВ</i> . «...и сотвори ему вечную память».....	164
<i>Юрий КОТОВ</i> . Трудные переговоры.....	174
<i>Сергей ИВАНОВ</i> . Как и чему я учился у Евгения Максимовича.....	194
<i>Григорий РАПОТА</i> . В разведке Академика уважали.....	210

Раздел 4

МАСТЕР ВЫСОКОЙ ДИПЛОМАТИИ

<i>Сергей ЛАВРОВ</i> . Учитель и друг.....	221
<i>Игорь ИВАНОВ</i> . Его присутствие побуждало окружающих быть добрее.....	229
<i>Махмуд АББАС</i> . Выдающийся государственный деятель.....	236
<i>Шимон ПЕРЕС</i> . Настоящий арабист.....	242
<i>Генри КИССИНДЖЕР</i> . Незаменимый партнер.....	246
<i>Мадлен ОЛБРАЙТ</i> . Известная история.....	256
<i>Хавьер СОЛАНА</i> . Стремление к взаимопониманию.....	262
<i>Эрве де ШАРЕТТ</i> . Интерес к формированию многополярного мира.....	268
<i>Юбер ВЕДРИН</i> . Неуступчивый, но открытый к диалогу.....	274
<i>Ламберто ДИНИ</i> . Не личные амбиции, а исключительно чувство долга.....	278
<i>Живадин ЙОВАНОВИЧ</i> . Примаков в Белграде пользовался большим доверием.....	286

Раздел 5

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР

<i>Сергей СТЕПАШИН</i> . Историческая личность.....	294
<i>Виктор ЗУБКОВ</i> . Душой болевший за судьбу Отечества.....	304
<i>Виктор ГЕРАЩЕНКО</i> . С ним было очень комфортно работать.....	310

<i>Алла ГРЯЗНОВА</i> . Когда идти по жизни рядом – незабываемое счастье.....	316
<i>Геннадий ЗЮГАНОВ</i> . Лучшая память – следовать его заветам.....	328
<i>Владимир ЖИРИНОВСКИЙ</i> . Он отлично знал нашу страну.....	334
<i>Ирина ЯРОВАЯ</i> . Объединяющее наследие.....	340

Раздел 6

НА СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ В НОВОМ ВЕКЕ

<i>Вячеслав ГОЛИЦЫН</i> . Надежность и защищенность.....	346
<i>Борис ПАСТУХОВ</i> . Шедший напролом.....	356
<i>Владимир ШАМАНОВ</i> . Нас сплотил праздник ВДВ.....	362
<i>Георгий ПЕТРОВ</i> . Ледокол.....	369
<i>Борис ТИТОВ</i> . Теоретик экономического роста.....	376
<i>Иван ГОРЕЛОВСКИЙ</i> . Талантлив во всём.....	382
<i>Андрей КЛЕПАЧ</i> . Опыт Примакова и будущее России.....	388
<i>Юрий ЯКУТИН</i> . Всегда в теме.....	392
<i>Павел ДОРОХИН</i> . Работа с деталями.....	404
<i>Валерий КУЗНЕЦОВ</i> . Национальная идея Примакова.....	408

Раздел 7

ДРУГ

<i>Рафик НИШАНОВ</i> . Долгая дорога вместе.....	414
<i>Мэлор СТУРУА</i> . В подлинной дружбе нет табу о рангах.....	422
<i>Александра ПАХМУТОВА, Николай ДОБРОПРАВОВ</i> . Гражданин.....	430
<i>Иосиф КОБЗОН</i> . Он был душой всех встреч.....	434
<i>Георгий ДАНЕЛИЯ</i> . Драгоценный подарок.....	438
<i>Зураб ЦЕРЕТЕЛИ</i> . Он умел ценить и вдохновлять творческих людей.....	446
<i>Давид ИОСЕЛИАНИ</i> . В нем видели своего лидера, опору.....	450
<i>Архимандрит СЕРГИЙ (Стуров)</i> . Он вернул России величие.....	460

<i>Геннадий БОРДЮГОВ, Александр РЫБАКОВ</i> . Уроки Примакова. Вместо заключения.....	466
---	-----

... Безусловно, это был великий гражданин нашей страны. Евгений Максимович умел спокойно, конструктивно, эффективно – что самое главное, решать самые сложные задачи, добиваясь максимальных результатов на всех постах, где бы он ни работал: и на посту Председателя Правительства Российской Федерации, и Министра иностранных дел, и руководителя Службы внешней разведки, и депутата Государственной Думы. Его отношение к Родине, способность грамотно решать задачи и отстаивать её интересы – это пример подлинного патриотизма и беззаветной преданности Отчизне.

Граждане России знали Евгения Максимовича и уважали его как премьера, который смог вывести страну из тяжелейшего кризиса. Его ответственность и чуткая искренняя забота о людях оставили в наших сердцах неизгладимый след. Таким и был Евгений Максимович: порядочным, благородным человеком.

Эти высокие качества органично сочетались в нём и со статусом крупного учёного, талантливого дипломата. Он внёс огромный вклад в укрепление наших контактов с государствами Ближнего Востока. Вся его многогранная международная деятельность опиралась на глубокие знания внешнего мира, на постоянный анализ геополитических проблем, на богатейший опыт личного общения с лидерами других государств. Всё это работало на укрепление позиций нашей страны, и роль Евгения Максимовича Примакова здесь невозможно переоценить.

Его авторитет за рубежом неоспорим, он всегда был центром притяжения для многих людей; с ним общались, советовались, сверяли свои действия и планы. Могу сказать, в полной мере это касается и меня.

Евгений Максимович мыслил глобально, открыто и смело. Его жизненная позиция, идеи, взгляды и предложения нашли отражение в многочисленных научных и философских трудах, в книгах, которые он написал для нас и для будущих поколений. Евгений Максимович всегда думал о судьбе России, работал и жил ради её развития, ради её процветания.

**Президент России
В.В. Путин**

Предисловие

В 2016 году вышло в свет первое собрание сочинений Е.М. Примакова в десяти томах. Объем и многогранность включенных в него текстов отчасти объясняют, почему годом ранее уход из жизни этого выдающегося ученого, журналиста и политика вызвал такой резонанс и послужил поводом для пристального внимания к его наследию. В этом смысле десятитомник оказался чрезвычайно востребованным. Однако, несмотря на то что в этом издании представлены все основные мемуарно-автобиографические произведения Е.М. Примакова, его личность не раскрывается в них полностью. Да, безусловно, какие-то хрестоматийные, основные вехи его жизни, переплетенные с вехами истории страны и мира, присутствуют в данных сочинениях, но вместе с тем всё равно нельзя говорить об исчерпывающей информационной полноте десятитомника. И дело тут даже вовсе не в каком-то умышленном искажении прошлого или его субъективной подаче – этим, кстати, мемуарист никогда не отличался, и выходявшие в последние годы его работы всегда поражали необычными для такого рода жанров полнотой и дотошностью. Проблема в другом. Во-первых, о каких-то фактах Е.М. Примаков не распространялся просто потому, что это было бы нескромно с его стороны. А во-вторых, о чем-то он мог просто забыть – человеческая память, увы, несовершенна.

**Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей...**

Евгений Примаков

В подобной ситуации восполнить лакуны в его мемуарах могут помочь воспоминания других людей – близких, друзей, знакомых, сослуживцев, партнеров по совместной деятельности. А людей, с которыми пересекался, причем достаточно близко, за всю свою долгую жизнь Е.М. Примаков, огромное количество. В именном указателе в конце каждого из десяти томов присутствуют фамилии министров, корреспондентов, академиков, разведчиков, монархов, которые были не просто упомянуты автором, а очень часто в то или иное время являлись теми, с кем мемуарист тесно общался. Именно такие люди, с разной степенью открытости контактировавшие с Е.М. Примаковым, и способны лучше всего раскрыть детали, которые, как правило, остаются неизвестными читателям мемуаров одного человека – главного героя, – а также официальных справок и статей о его личности. Так появился замысел двухтомника «Неизвестный Примаков», включающего воспоминания о нем и архивные документы.

Естественно, «неизвестность» представляемых в сборнике фактов весьма и весьма условна. Никаких тайн, касающихся жизни Е.М. Примакова, или сведений, остающихся до сих пор под грифом «Секретно», авторы воспоминаний и архивы не раскрывают. Под снятием покрыва «неизвестности» в данном случае следует понимать иное, а именно – уточнение, дополнение, прояснение тех или иных сведений, связанных с фактами, до того получившими – и во многих случаях неоднократно – огласку в открытой печати. То есть речь идет о придании таким фактам более выделанной, более сложной и комплексной огранки.

Конечно, именно такое преодоление прежней «неизвестности» ни в коем случае нельзя считать преднамеренно неполноценным. Это просто один из этапов сотворения сложной ткани наших представлений о прошлом, об истории. Подобных этапов в процессе исторического познания обычно несколько.

Сначала – обнаружение, изымание из неведения представлений об историческом факте как таковом, своего рода «высветление» его, первичное предъявление. Полученный подобным образом факт может поначалу казаться неполным, искаженным, примерным. Но на данном этапе главное – это то, что он вообще возник в нашем историческом сознании.

Следующий этап, собственно, и есть именно тот, когда «сырые», приблизительные представления начинают дополняться, уточняться, «дозреть». После этого, когда складывается в целом исчерпывающее понимание данного факта, когда наши представления о нем и понимание его становятся практически адекватными ему самому (хотя, разумеется, стопроцентного «попадания» здесь нереально добиться никогда), наступает черед для разработки «белых пятен», находящихся «по соседству». А пятен таких – несметное количество, потому-то ремесло историка никогда и не исчерпает само себя.

Возвращаясь от этих общих рассуждений к «Неизвестному Примакову», предваряя проделанный Редакционным советом и Рабочей группой путь, следует показать, как это всё реализуется на практике, а для этого – привести классификацию всех тех оттенков, обертонов, бликов, которые авторы воспоминаний приносят в имеющиеся на сегодняшний день представления о Евгении Максимовиче.

На первое место следует поставить уточнения, способные существенно изменить сложившееся представление не только и даже не столько о главном герое, сколько об эпохе, в которую он жил, о действиях и решениях других лиц, которые эту эпоху формировали. Такая детализация сама, по сути, «тянет» на новое знание, нуждающееся в отдельной разработке и способное стать мостом к освоению других «белых пятен» прошлого. Например, первый президент России неоднократно задавал Е.М. Примакову самые неожиданные

вопросы, причем поражает их практически полное знаковое совпадение – от ситуаций, в каких они задавались, и до самих президентских слов. То, что Б.Н. Ельцин отличался цепкой памятью и крайне субъективным, подверженным резким перепадам отношением к собственному окружению, как и склонностью к разного рода ритуальным и символическим шагам, хорошо известно. На этом фоне есть все основания считать схематичным и упрощенным утвердившееся представление о том, как в мае 1999 г. произошла ротация премьеров.

В книге также содержится исключительно важное сообщение о ситуации накануне назначения Е.М. Примакова председателем правительства: из сведений, при-

водимых одним из мемуаристов, становится ясно, в какой именно момент Кремль остановил свой выбор на Е.М. Примакове как на премьере и какие еще кандидатуры на тот момент рассматривались.

Следующий уровень уточнений – это новые данные уже непосредственно о самом Е.М. Примакове, причем те из них, которые касаются его причастности к важнейшим государственным и политическим начинаниям. Например, о том, как летом 1987 г. (или несколько раньше – из воспоминаний это неясно) он возглавил созданную решением Политбюро группу «по поиску и формулированию национальной идеи». Скорее всего, конечно, словосочетание «национальная идея» тогда не произносилось, так как оно из более поздней постсоветской эпохи и речь, по-видимому, шла о совершенствовании идеологии в развитие решений январского 1987 г. пленума. Но здесь важно другое. То, что Е.М. Примаков в составе разного рода неформальных групп занимался разработкой концепции перестройки, хорошо известно. Но это была работа по макропроектированию именно самых общих принципиальных вопросов. Идеология в круг таких вопросов не входила, но оказывается, Евгений Максимович занимался и ей.

К этому же уровню уточнений можно отнести и описанные сразу в нескольких воспоминаниях, собранных в книге, рабочие будни антикризисного кабинета Е.М. Примакова. Мемуаристы делятся впечатлениями о стилистике работы и принятия решений, о рабочем графике кабинета, благодаря чему потенциал отечественной бюрократической машины той эпохи предстает в совершенно новом свете.

Отдельный уровень уточнений позволяет наглядно и ощутимо понять специфику отношений нового премьера с представителями верхнего эшелона элиты, а иногда и прояснить истоки каких-то особенных и не всегда понятных нюансов в его коммуникациях с ними.

Из этого разряда история о том, как удалось остановить травлю «одного крупного партийного работника Грузии», что вызвало гнев тогдашнего министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. В сопроводительных материалах к десятитомнику подробно разбирается как сама история взаимоотношений Е.М. Примакова и Э.А. Шеварднадзе, так и ее освещение Евгением Максимовичем. Факт, приводимый в «Неизвестном Примакове», вносит важный штрих в эту историю.

Наконец, еще один пласт уточнений затрагивает личностные способности Евгения Максимовича, причем не столько деловые или профессиональные, о которых и без того сказано достаточно, сколько характеризующие широту его натуры и многогранность талантов. Например, многие мемуаристы вспоминают, как ярко он пел, в частности, свою любимую песню «Если я заболею...». Певческие способности он демонстрировал, как описывается в книге, не только в домашнем кругу, но и на международной – в прямом и переносном смыслах слова – арене.

Завершающий уровень уточнений, который хотелось бы выделить, предваряя данное издание, касается отношений Евгения Максимовича с близкими людьми – родными и друзьями. Все, кто об этом говорит, подчеркивают предельное внимание к людям, с которыми его что-то связывало. Причем к этому кругу относились не только его земляки-тбилисцы, но и многие другие люди, с которыми Евгения Максимовича сводила судьба.

Воспоминания о Е.М. Примакове сгруппированы в сборнике по «станциям» его жизненного пути – различным этапам карьеры. Правда, из такой систематизации несколько выбивается первая часть, которая называется «Политик, человек, друг». В ней собраны мемуары лиц из разных биографических периодов Евгения Максимовича. Но задача этой части – скорее задать планку разговора о «неизвестном Примакове», на-

метить основные направления проблемной и хронологической фокусировки остальной книги. Если говорить о временном диапазоне материалов первой части, то он охватывает всю жизнь Е.М. Примакова, но в большей степени касается советской эпохи.

Так, первой «станцией» для выпускника Московского института востоковедения и аспирантуры экономического факультета МГУ стал Ближний Восток, с которым его связала работа сначала в Главном управлении радиовещания (в 1956–1962 гг.), а затем – в газете «Правда» (с 1962 г.), в том числе в качестве собственного корреспондента издания на Ближнем Востоке. Находясь за границей, Е.М. Примаков одновременно с журналистскими обязанностями выполнял ряд задач внешней разведки, и после получения им в 1970 г. должности заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений взаимодействие с представителями арабских стран не прекратилось, о чем подробно рассказывается в книге далее. Таким образом, к концу 1970-х годов, став директором Института востоковедения АН СССР, он уже обладал достаточно богатым опытом участия в политических мероприятиях высокого уровня и ведения переговоров с лидерами зарубежных государств. Во время перестройки Е.М. Примаков вернулся в Институт мировой экономики и международных отношений уже директором, потом почти год проработал председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, а затем членом Президентского совета и Совета безопасности СССР. После августа 1991 г. последовало назначение директором Центральной службы разведки СССР, позже ставшей Службой внешней разведки России. Учитывая упомянутые выше детали биографии, приход Примакова в разведку нельзя было назвать совсем неожиданным, однако в любом случае новый начальник воспринимался сотрудниками как «гражданское лицо» и почти сразу получил прозвище «Ака-

демик». Тем не менее в статьях из второй части, посвященной службе «на невидимом фронте», хорошо отражается тот факт, что новому директору удалось довольно быстро завоевать доверие работников СВР и в значительной степени способствовать развитию службы в изменившихся политических условиях.

В январе 1996 года Е.М. Примаков переезжает из штаб-квартиры в Ясеневе на новое место работы – в здание Министерства иностранных дел на Смоленской-Сенной площади, и о его работе на дипломатическом поприще повествуют материалы третьей части. Одним из главных акцентов в его деятельности становится препятствование расширению НАТО на восток, о чем так или иначе упоминают почти все мемуаристы. Стоит отметить, что впервые этим вопросом Е.М. Примаков начал заниматься еще в 1993 г., когда под его руководством был подготовлен доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России». Интересы России действительно отстаивались Примаковым неуклонно и последовательно – на постах и главы разведки, и министра иностранных дел. Многие авторы из этой части в своих воспоминаниях справедливо замечают, что именно тогда были заложены основы внешнеполитического курса, который реализуется руководством Российской Федерации и в сегодняшние дни – в пору обостренного противостояния со странами Запада.

Важным шагом в этом направлении был и такой исторический эпизод, как разворот над Атлантикой в марте 1999 г., когда Е.М. Примаков уже занимал пост премьер-министра России. Этому непродолжительному периоду посвящена четвертая часть сборника. Впрочем, основу деятельности председателя правительства в тот период составляло отнюдь не решение внешнеполитических вопросов, а ликвидация последствий экономического кризиса, поразившего Россию в 1998 г. Приложив титанические усилия и осуществив ряд значимых перемен в народном хозяйстве, кабинет ми-

нистров выполнил многие из стоявших перед ним задач, но в то же время столкнулся с недоверием президента и его окружения – результатом стала отставка правительства в мае 1999 года.

Два года спустя Е.М. Примаков стал президентом Торгово-промышленной палаты, а чуть позже – президентом «Меркурий-клуба», дискуссионной площадки, созданной по инициативе ТПП. Обе должности требовали от политика, по сути, одного и того же – выстраивания конструктивного диалога между предпринимателями, обществом и властью. Эта задача была весьма подходящей для Е.М. Примакова, обладавшего к началу 2000-х годов большим количеством личных связей (в том числе на самом высоком уровне), а также огромным опытом ведения переговоров с представителями различных групп интересов. О его деятельности в XXI в., в новой российской и мировой реальности, повествуют материалы пятой части.

В каждой из частей имеются воспоминания, авторы которых подробно останавливаются на личных качествах Евгения Максимовича. Это впечатления людей, сопровождавших его на разных этапах жизни и карьеры и потому способных рассказать о нем больше всего «неизвестного», поскольку именно повседневное и приватное общение чаще всего остается за рамками газетных репортажей и исторических исследований. Интересно, что вне зависимости от продолжительности и степени знакомства все коллеги и соратники, согласившиеся поделиться своими воспоминаниями с широкой аудиторией, выделяют практически одинаковый набор качеств и черт характера.

Во-первых, это высокопрофессиональный уровень публичных выступлений и ведения бесед и переговоров. Любая речь Е.М. Примакова была детально продумана и структурирована. Он умел блестяще отстаивать свою точку зрения, но в то же время всегда

принимал и адекватно реагировал на критику, уважительно относясь к собеседнику.

Во-вторых, авторы сборника отмечают великолепное чувство юмора Е.М. Примакова. Он использовал иронию только тогда, когда это было уместно, и мог разрядить ситуацию удачной шуткой даже в деловой обстановке.

В-третьих – и это, пожалуй, самое главное, – практически в каждом тексте книги в качестве одной из характеристик используется слово «патриот». В наши дни особенно важно демонстрировать подлинные примеры любви к Родине и ответственного подхода к выполняемой работе. Е.М. Примаков защищал и отстаивал интересы России на всех этапах своей карьеры. Кроме того, он никогда не ставил личное выше общественного. И часто оставлял внутри себя личные переживания и проблемы, не позволяя себе делиться ими даже с близкими товарищами. Именно поэтому, несмотря на то что на страницах сборника можно найти много эпизодов из жизни политика, которые действительно раньше не публиковались и были недоступными читателю, какая-то часть его биографии всегда будет оставаться «неизвестной».

Я твердо всё решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.

Евгений Примаков

Раздел 1

Человек – эпоха

Валентина Матвиенко

Александр Лукашенко

Нурсултан Назарбаев

Сергей Катыйрин

Минтимер Шаймиев

Александр Дзасохов

Андрей Фурсенко

Константин Косачев

Олег Попцов

МАТВИЕНКО Валентина Ивановна

Председатель Совета Федерации Федерального
Собрания Российской Федерации

Стиль Примакова

С Евгением Максимовичем я познакомилась в период совместной работы в Верховном Совете СССР. Естественно, я и прежде много слышала об этом известном в стране человеке, но, конечно же, личное знакомство существенно обогатило мое заочное представление о нем. Уже в скором времени я в полной мере осознала, что Примаков не только крупный государственный деятель, авторитетный ученый, но еще и мощное политическое, интеллектуальное явление в жизни нашей страны.

С тех пор наши пути неоднократно пересекались. За все это время, признаюсь, я прониклась к нему глубочайшим уважением. Евгений Максимович был и остается для меня непререкаемым авторитетом во всем, олицетворением государственника с большой буквы. Интересы страны и народа для него всегда были на первом плане, и это не пафосные слова, не только идеи или установки, но и конкретные дела. Он придавал огромное значение этому единству, а главное, умел его всегда в своей работе добиваться.

В январе 1996 года Евгений Максимович Примаков был назначен на пост министра иностранных дел. Его

«Евгений Максимович кардинально изменил обстановку в Министерстве иностранных дел и ситуацию с российской внешней политикой»

назначение было неоднозначно воспринято на Западе. Некоторые утверждали, что приход Примакова, руководившего до этого Службой внешней разведки, «вызывает озноб». «Знобило» их не без основания. Евгений Максимович кардинально изменил обстановку в Министерстве ино-

странных дел и ситуацию с российской внешней политикой. Ему пришлось выполнить труднейшую работу по реанимации ее многовековых основ, развить их применительно к принципиально новым условиям, возникшим после распада Советского Союза. Ему пришлось решать важнейшие вопросы внешней политики того времени. Так, уже в мае 1997 года в Париже был подписан Основополагающий акт между Россией и НАТО. Документ на годы определил структуру и характер наших отношений с Североатлантическим союзом.

Из других сложнейших проблем упомяну Ирак. Евгению Максимовичу удалось тогда на несколько лет смягчить обстановку вокруг него, удержать Запад от резких военных шагов. Примаков выступил с инициативой укрепления сотрудничества в формате тройки Россия–Индия–Китай. И не будет преувеличением сказать, что тем самым было положено начало становлению мощного интеграционного объединения БРИКС, которое с каждым годом набирает все больший авторитет и влияние в мире.

Под его руководством были разработаны основы новой концепции внешней политики России, направленной прежде всего на безусловную защиту национальных интересов. Именно с его именем связано появление концепции многополярного мира. Эта идея стала не просто красивой геополитической теорией.

Примаков последовательно применял ее в повседневной практической работе, особенно когда речь шла о придании внешней политике России многовекторности, об активизации поиска союзников на Востоке и в других регионах мира.

И сегодня есть все основания утверждать, что сама жизнь, все последующее развитие международных событий подтвердили его мудрость. Многополярность стала – как бы кто этому ни сопротивлялся – реальностью, доминирующей тенденцией современного мира.

Особо хочу подчеркнуть роль Примакова в продвижении евразийской интеграции. Он был одним из первых, кто заговорил о равноуровневой интеграции, о

необходимости и неизбежности выделения в этом процессе интеграционного ядра, о том, что без активной роли России в этом процессе евразийская интеграция не состоится.

Его знаменитый разворот над Атлантикой в марте 1999 года и отказ от официального визита в США (он тогда уже был председателем правительства) показал всему миру: российская внешняя политика изменилась бесповоротно. Возврат к любым формам ее зависимости от внешних сил невозможен в принципе.

Таковы приоритеты, привнесенные Евгением Максимовичем во внешнюю политику российского государства. Они и сегодня получают творческое развитие,

практическое воплощение в деятельности главы российского государства Владимира Владимировича Путина, в работе Министерства иностранных дел, других государственных структур, связанных с международными делами.

Внешнеполитические идеи, дипломатический опыт Примакова помогают и нам, парламентариям. Его принципиальность в главном в сочетании с гибкостью в конкретных вопросах, деталях особенно важны в нынешней непростой ситуации на мировой арене и в межпарламентской дипломатии.

Во внутренней политике Примаков всегда отличался умеренным консерватизмом. Он был настоящим прагматиком, реалистом, человеком взвешенным в принятии решений и в то же время настойчивым в их осуществлении, а иногда и достаточно жестким. Когда было необходимо, он мог действовать молниеносно. Ему были присущи глубокие всесторонние знания, богатейший опыт, сила характера. За внешним спокойствием, лояльностью к мнению других, даже некоторой внешней флегматичностью таилась стальная воля, и он проявлял ее в необходимых случаях. Это и есть стиль Примакова, государственного деятеля.

Считаю, что его присутствие на нашем политическом олимпе стало несомненным благом для страны.

В сентябре 1998 года Евгению Максимовичу пришлось – я не оговорила, именно пришлось – занять пост председателя правительства. Страна, как вы помните, находилась в глубоком экономическом и политическом кризисе. После тяжелого и унижительного дефолта, отставки правительства Кириенко Государственная Дума дважды отклонила кандидатуру Виктора Степановича Черномырдина, предлагавшуюся Ельци-

«Он был настоящим прагматиком, реалистом, человеком взвешенным в принятии решений и в то же время настойчивым в их осуществлении, а иногда и достаточно жестким»

ным. В политической повестке дня реально стоял вопрос о роспуске нижней палаты парламента, что в тех условиях грозило просто непредсказуемыми последствиями.

Президент увидел выход в назначении Примакова. Евгений Максимович сначала отказался от предложенной ему высокой чести, но окружение Ельцина – а там были люди, мнение которых являлось для Примакова значимым, – сумело убедить или уговорить его (как угодно) принять это предложение. Показательным было голосование в Думе: за Примакова было подано 317 голосов – больше, чем требуется для принятия изменений в Конституцию.

Приняв пепелище вместо экономики, новое правительство активно включилось в работу по возрождению страны. Оно заявило о новом курсе реформ, направленном прежде всего на повышение роли государства в экономике, усиление социальной защиты населения.

Меня Евгений Максимович убедил занять пост вице-премьера по социальным вопросам. В тех условиях это, конечно, была, как говорили тогда, «расстрельная» должность. Я была бы неискренней, если бы сказала, что приступила к работе, что называется, без страха и сомнений. Было и то и другое, но мне помогало то, что я видела со стороны работу Евгения Максимовича, видела его доверие к себе, получала постоянную помощь и поддержку от него.

Я помню, Евгений Максимович пригласил меня и сказал, что с первого декабря мы должны начинать регулярно платить пенсии, которые не платились уже полгода, и вернуть задолженность нашим уважаемым пенсионерам. А долги были немалые, сравнимые с львиной долей бюджета. Я до сих пор помню эти цифры: 32 миллиарда (это тех денег) долгов пенсионерам, 34 миллиарда – задолженность бюджетникам, почти 30 миллиардов – задолженность военнослужащим. Но казна, как вы знаете, была пустая, даже еже-

месячные выплаты пенсионерам составляли львиную долю очень маленького тогда бюджета.

Мы искали и находили решения, иногда нетривиальные, что называется, на грани фола. Задача была поставлена, но выполнить ее было невозможно, потому что надо было 15 миллиардов, а Пенсионный фонд в то время собирал всего лишь 11 миллиардов, и нужно было найти почти четыре миллиарда дополнительно. И мы нашли вариант – на три месяца отложить перечисление денег «Газпрома» трем регионам, то есть одолжить их на три месяца, чтобы справиться с ситуацией. После непростых раздумий, возражений он все-

таки согласился, но сказал: «При условии, что ты будешь носить, если потребуется, мне сухари, потому что это решение не совсем законное». Проблема была решена. Чувство юмора у него всегда было отменным. Правда, я до сих пор не знаю, всегда ли это был юмор.

Тогда в центре внимания у нас находились вопросы, связанные с административным регулированием валютного рынка, с формированием бюджета развития, с последовательной борьбой против коррупции. Россия была в долгах, как в шелках.

Уже в первой половине 1999 года антикризисная деятельность правительства дала реальные позитивные результаты. Удалось подавить галопирующую инфляцию, начался рост экономики, промышленного производства, увеличился объем экспорта, и было достигнуто положительное сальдо торгового баланса. Здесь, конечно, сработали и мудрость Примакова, и талант, а также способности той команды, которую он собрал, в том числе его первого заместителя – Юрия Дмитриевича Маслюкова. За восемь месяцев правительству удалось отодвинуть страну от края пропасти. И это, поверьте, не фигура речи. Недаром деятельность Примакова на этом посту вошла в учебники по экономике как пример успешной антикризисной работы. Тем не менее, на мой взгляд, сделанное Евгением Максимовичем и возглавляемым им тогда правительством еще ждет своей полной, всесторонней оценки, внимательного изучения и анализа.

Вместе с тем, как это нередко бывает в политике, успешная работа вызывает не только одобрение, но и недоброжелательство, опасения, элементарную зависть. Мне нравится одна поговорка. Говорят, сострадание можно получить даром, а вот зависть надо заслужить. И он ее заслужил. Я не исключаю, что в том числе и это явилось немаловажным субъективным фактором, побудившим президента Ельцина отправить правительство Примакова в отставку. Тогда, судя по

опросам, 81 процент российских граждан негативно отнеслись к такому решению, и это уже исторический факт. Покидая пост, Примаков мог бы в духе древних римлян с полным основанием сказать: «Мы сделали все, что могли. Пусть, кто может, сделает больше». Но природная сдержанность и интеллигентность Евгения Максимовича сказались и тут: Примаков ушел спокойно, с достоинством, не хлопая дверью председательского кабинета.

В последние годы, уже не занимая формальных постов в государстве, Евгений Максимович продолжал свое служение Отечеству. Все мы знаем, насколько серьезно беспокоили его вопросы сохранения единства России. Он всегда был последовательным сторонником развития федеративных отношений, укрепления российской государственности. Хорошо помню его слова на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений: «Федерация – не только оптимальная форма государственного устройства России, но и единственная возможность сохранения и укрепления единства страны». Хорошо бы эти мудрые слова услышали наши украинские братья.

При этом, будучи блестящим экономистом, Евгений Максимович понимал, что, только имея финансовую самостоятельность, наши регионы смогут в полной мере внести свой вклад в укрепление России. Мне очень близка эта мысль. Совет Федерации сегодня прилагает большие усилия, для того чтобы разработать новую модель межбюджетных отношений, финансового федерализма с тем, чтобы дать регионам больше полномочий, в том числе в бюджетной и налоговой сферах.

В январе прошлого года, уже перед своим уходом, Евгений Максимович предложил нам свое видение выхода из нынешнего экономического кризиса. Первым в списке необходимых изменений он назвал отказ правительства от позиции простого созерцания того, что

«Целиком и полностью выступая за реформирование нашей страны, ее экономической и политической системы, он в то же время постоянно подчеркивал необходимость самого тщательного учета реалий – и исторических, и современных»

Евгений Максимович никогда не боялся говорить и писать то, что действительно думал, он всегда был честен перед собой. Многогранный жизненный и профессиональный опыт позволял давать ему очень точные оценки и делать верные прогнозы развития ситуации.

Целиком и полностью выступая за реформирование нашей страны, ее экономической и политической системы, он в то же время постоянно подчеркивал необходимость самого тщательного учета реалий – и исторических, и современных. Евгений Максимович считал, что механическое копирование зарубежного опыта, попыток волевого насаждения западных институтов ничего, кроме вреда, нашей стране не принесет. Путь России – это путь поиска самостоятельных решений, в основе которых – творческое осмысление как собственного, отечественного, так и зарубежного опыта, сохранение исторической и национальной идентичности России. Российское государство и его глава, Владимир Владимирович Путин, – а я знаю, как уважительно относился Евгений Максимович к Владимиру Владимировичу Путину, – последовательно проводят

происходит, от медлительности в принятии первоочередных решений.

Могу подтвердить, что в правительстве Примакова от формирования идеи до ее закрепления в нормативных актах и реального воплощения на деле проходили, как правило, считанные дни. Сегодня же зачастую мы сталкиваемся с тем, что остро востребованные решения долгое время согласовываются в различных бюрократических кабинетах.

этот курс с начала 2000-х годов. Именно это, на мой взгляд, позволяет сохранять общественно-политическую стабильность, двигаться вперед, несмотря на неблагоприятные внешние условия, прямое давление на нашу страну извне.

Примаков не питал никаких иллюзий относительно политики США и Запада в целом в отношении России. Он метко охарактеризовал недальновидность политики США, которые привыкли решать свои противоречащие друг другу задачи, не думая о завтрашнем дне. Спрогнозировал он и последствия «арабской весны», дал точную оценку событиям на Ближнем Востоке, на Украине, показал реальную опасность так называемого Исламского государства.

Для меня всегда было очень важно знать мнение Евгения Максимовича по тем или иным направлениям развития страны и, естественно, работы Совета Федерации. Поэтому он не только был частым гостем нашей палаты, но и входил в состав важнейших консультативных органов, и я имела привилегию очень часто встречаться с ним лично.

Можно с полным основанием сказать, что оценки и рекомендации, высказанные Евгением Максимовичем в ходе работы в наших научно-экспертных советах, стали заметным интеллектуальным вкладом в теорию и практику парламентаризма.

Сегодня биография Евгения Максимовича, его идеи, идеалы хорошо известны. Кажется, мы все уже о нем знаем. Но на самом деле мы еще только в самом начале пути нашего понимания того, как нам всем повезло жить и работать рядом с этим человеком.

В заключение я хотела бы привести слова Евгения Максимовича Примакова: «Люди говорят: уходит время. Время говорит: уходят люди. Давайте же успевать ценить и то и другое».

ЛУКАШЕНКО Александр Григорьевич

Президент Республики Беларусь с 1994 года

Наставник

Многогранной была деятельность Евгения Максимовича Примакова – видного политика, талантливого ученого, дипломата и государственного деятеля общенационального масштаба. Для Беларуси же особую значимость имело то, что он многое сделал на посту Председателя Правительства Российской Федерации, укрепляя всестороннее сотрудничество и дружбу между нашими странами и народами.

Надо признать, что ни у одного премьер-министра России – ни до, ни после Евгения Максимовича – не было настолько внимательного и доброжелательного отношения к нашей республике. Именно с его приходом к руководству Правительством РФ был придан мощный импульс интеграционному процессу на постсоветском пространстве. Он считал, что Союз Беларуси и России может стать ядром нового геополитического образования, объединив вокруг себя и другие народы.

Особенно ценным было то, что на фоне звучавших тогда с разных сторон откровенно деструктивных предложений об отказе от взаимовыгодных отношений в рамках Союза или о вступлении Беларуси в состав России областями Евгений Максимович поддерживал нашу позицию о справедливой интеграции двух суве-

ренных государств. И во всех принципиальных вопросах как в политической, так и экономической сфере мы были с ним единомышленниками. Доверительные отношения помогали решать возникающие проблемы и находить консенсус и взаимопонимание в любых ситуациях. Положительную роль играли мудрость и опыт этого незаурядного человека, который понимал важность единства наших стран для укрепления их роли в мировом сообществе и искренне стремился развивать белорусско-российское сотрудничество.

Этой цели служили все формы и методы работы – официальные визиты и деловые встречи, телефонные разговоры и обсуждение актуальных тем, взаимное информирование о принимаемых решениях. Неслучайно свои первые визиты как на посту Министра иностранных дел, так и Председателя Правительства он совершил именно в Беларусь.

Евгений Максимович делился со мной своим мнением по многим острым международным проблемам: к примеру, о необходимости прекращения со стороны США и прочих членов НАТО бомбардировок Ирака, Югославии и других стран. Мы были с ним единомышленны в стремлении достичь мирного урегулирования международных проблем, много говорили о недопустимости решения их военным путем. Яркое свидетельство тому – наши визиты в самое трагичное время в Сербию и конкретные предложения по выходу из тупиковой ситуации, которые, к сожалению, не были восприняты западными странами. Позже мы обсуждали вопросы урегулирования приднестровского конфликта, а также перспективы дальнейшего развития Содружества Независимых Государств. И в этих вопросах также – единство позиций.

Памятными событиями отмечена весна 1999 года. В конце апреля состоялись важнейшие переговоры в Москве сначала с Президентом Российской Федерации, затем с премьер-министром. Основное внимание было

уделено ходу подготовки Договора о создании Союзного государства, а также выполнению договоренностей в экономической сфере. Деловая и конструктивная обстановка – казалось, интеграция обрела новый размах и практическую направленность. Однако спустя две недели пришло известие об отставке Е.М. Примакова. В телефонном разговоре он сообщил мне об обстоятельствах своей неожиданной отставки, а главное – просил, несмотря ни на что, продолжать работать над развитием союзных отношений двух государств ради общего блага.

Беларусь высоко ценила деятельность Евгения Максимовича в качестве Председателя Исполкома Союза Беларуси и России, поэтому его отставка с поста

«Уроки Евгения Максимовича Примакова сегодня снова остро актуальны. Активная позиция по продвижению идей миролюбия, неприятие военных методов решения международных конфликтов, принципиальная последовательная работа по сближению братских народов»

премьер-министра вызвала глубокое сожаление. Но преградой для дальнейшего поддержания дружеских контактов и доверительных отношений она не стала. Е.М. Примаков приезжал в Беларусь сначала как руководитель думской фракции «Отечество – вся Россия», а затем в качестве Президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. И каждый раз он проявлял искреннюю заботу об укреплении сотрудничества и дальнейшей интеграции Беларуси и

России, о наращивании масштабов торгово-экономических связей и координации действий на международной арене. Как настоящий друг Беларуси он интересовался нашими успехами и считал каждый свой приезд в Минск важным событием.

Признанием огромных заслуг Евгения Максимовича в развитии и укреплении белорусско-российских отношений стало награждение его орденом Дружбы народов. «Пока есть такие люди, как Вы, можно не беспокоиться за наше совместное будущее». Эти слова, сказанные Евгению Максимовичу при вручении высокой награды, еще раз подчеркнули его большой личный вклад в выстраивание прочных белорусско-российских связей. Он действительно был мудрым политиком и последовательным государственным деятелем.

Уроки Евгения Максимовича Примакова сегодня снова остро актуальны. Активная позиция по продвижению идей миролюбия, неприятие военных методов решения международных конфликтов, принципиальная последовательная работа по сближению братских

народов... Безусловно, большая честь считать такого замечательного человека своим учителем и другом.

С глубокой скорбью восприняли в Беларуси печальную весть об уходе из жизни Евгения Максимовича. Ведь с его именем связаны важные этапы не только российской истории, но и становления самой продвинутой интеграционной структуры на постсоветском пространстве – Союзного государства. Он отдавал свои силы и энергию ради укрепления партнерства и эффективного взаимодействия наших государств, повышения авторитета и влияния нашего объединения, создания благоприятных условий для его стабильности и процветания.

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич

Президент Республики Казахстан с 1990 г.

Политик мирового уровня

Евгений Максимович был одним из самых ярких государственных деятелей, с которыми мне довелось быть знакомым. Его высочайший профессионализм сочетался с такими ценными человеческими качествами, как мудрость, рассудительность, честность и открытость.

Он сумел раскрыть свой огромный потенциал в самых различных сферах – от науки и внешней политики до государственного управления и развития предпринимательства, что не может не вызывать искреннего уважения. Для меня Евгений Примаков запомнился прежде всего как патриот, который отдавал все силы становлению новой России, как человек с прочным внутренним стержнем.

Способность видеть долгосрочные интересы страны и решимость твердо их отстаивать позволили ему занять особое место среди российских государственных деятелей.

Казахстанской позиции всегда были созвучны миротворческие усилия Евгения Максимовича, который также выступал в поддержку нашего стремления быть активным посредником в конфликтных ситуациях

Орден «Достык» I степени

между различными странами. Признанием его больших заслуг в укреплении казахстанско-российского сотрудничества стало награждение орденом «Достык» I степени в 2007 году.

Евгений Примаков вошел в историю и как политик мирового уровня, и как ученый, обладавший непревзойденным авторитетом.

КАТЫРИН Сергей Николаевич

Вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ в 1992–2011 гг., президент Торгово-промышленной палаты РФ с 2011 года

Десять лет на Ильинке

Бывает иногда, что разрозненные и разновременные события складываются в итоге в цельную мозаику, и начинаешь думать: а ведь всё логично, именно так и должно было быть...

С Евгением Максимовичем Примаковым я познакомился на мероприятии именно в нашей палате, я тогда был вице-президентом. Проходила конференция по азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству, и он в ней участвовал. Было чисто формальное представление, обмен несколькими вежливыми фразами – и всё. Помню, Примаков мне показался в жизни несколько ниже и менее внушительным, чем в телевизоре.

Прошло время. В палате назрели перемены в руководстве. Кто мог бы возглавить ТПП, чтобы она могла двинуться дальше? Здесь нужен был человек с политическим, общественным весом, авторитетный. Кандидатуры перебирались и отодвигались в сторону. Впереди начинал маячить тупик.

Как-то вечером по телевизору показывали репортаж из Государственной Думы, и перед камерой появился Евгений Максимович, он был тогда депутатом. Жена

моя, которая в общих чертах слышала, конечно, о нашей ситуации, сказала: «Вот такой нужен палате президент!» Я ответил, что пока нам не по силам привлечь такую кандидатуру.

Но, видимо, какой-то след от этого эпизода в памяти остался. Спустя некоторое время звонит мне Владислав Леонидович Малькевич, который был очень дружен с Примаковым, и говорит:

– Я знаю фамилию человека, который способен возглавить палату и которого поддерживает руководство страны.

Тут у меня моментально выстроилась в голове логическая цепочка, и я уверенно заявил:

– Я тоже знаю.

– Никто пока не может знать, знают два человека – президент и я, – сказал Малькевич.

– А теперь знаю и я. И могу назвать его имя. Это Примаков!

Владислав Малькевич позже признавался, что он был поражен, хотя я и объяснял ему, что речь шла об обычном логическом выводе.

Потом было более плотное знакомство с Евгением Максимовичем. Беседы у нас шли долгие, подробные и нелегкие. Видно было, что он не до конца уверен, надо ли ему идти «на палату», настолько ли этот пост важен и весом для экономики и страны. Примаков во всем старался дотошно разобраться.

Недели через две состоялся неожиданный разговор.

Евгений Максимович заявил, что у него сложилось твердое убеждение: в администрации президента не слишком хотят видеть его президентом палаты. «Мы хорошо узнали друг друга за это время, я уверен, что мы останемся друзьями, но “на палату” я не пойду!» – сказал он.

Думаю, это была его реакция на вещи, которые для меня остались, скажем так, «за кадром».

Мы с Малькевичем вцепились в него, что называется, намертво. И убедили не спешить принимать решение. Сказали: есть сомнения – свяжитесь с президентом, окончательно расставьте точки над «i».

Я так понял, что разговор с Путиным, действительно, состоялся. Евгений Максимович согласился баллотироваться на должность президента ТПП РФ.

«Он умел слушать, и с ним можно было спорить. Он даже настаивал, чтобы с ним спорили, отстаивали свою позицию, и если видел рациональное зерно в доказательствах, то соглашался и использовал его»

О его кандидатуре сообщили региональным палатам, как положено, перед съездом, и возражений ни у кого не было. Примаков поступил предельно честно: сообщил делегатам, что у него нет пока программы развития системы ТПП; он считает необходимым сначала разобраться в ситуации и потому представлять что-то, сочиненное наспех, полагает неправильным.

Поэтому съезд мы провели в два этапа: на первом, в январе 2001-го, Примакова избрали президентом ТПП РФ, на втором, через год, утвердили программу (тогда в мероприятии принял участие и глава государства, который неизменно относился к Евгению Максимовичу с большим уважением и всегда прислушивался к его мнению).

От первого разговора о кандидатуре Примакова и до его избрания главой палаты прошло всего месяца полтора-два. Ситуация развивалась динамично.

А дальше началась повседневная работа.

В палате я проработал с Примаковым ровно десять лет. Непростых эпизодов по большому счету не было. Он умел слушать, и с ним можно было спорить. Он даже настаивал, чтобы с ним спорили, отстаивали свою позицию, и если видел рациональное зерно в доказательствах, то соглашался и использовал его.

Он был четким и даже жестким при принятии и отстаивании решений. И очень лояльным к людям. Конечно, в палате после его прихода были некоторые кадровые перестановки, но никогда не было бросания камней в спину уходящим. Он чрезвычайно внимательно относился к коллегам. Но жестко реагировал на небрежность, нарушения и всегда требовал установить, по чьей вине произошел «прокол». Именно по чьей вине, потому что в проколе может быть виновен не исполнитель, а руководитель. Он очень четко проводил здесь грань.

В Центре международной торговли на Краснопресненской набережной в рамках заседания «Меркурий-

клуба» Примаков по традиции много лет на Старый Новый год выступал с докладом: делал анализ событий прошедшего года, отмечал наметившиеся политико-экономические тенденции. Помимо членов «Меркурий-клуба», всегда собиралось много желающих услышать голос и выверенную позицию Евгения Максимовича. Среди них были и политики, и экономисты, и журналисты. Свой доклад он предварительно обкатывал – просил его прочитать вице-президентов палаты. Я как-то сказал ему, не слишком ли он жестко и критично оценил работу правительства в минувшем

«Примаков скрупулезно и щепетильно подходил к каждому слову, каждой запятой»

году, не навредить бы себе... Он ответил спокойно и с улыбкой: «Мне уже никто, ничем и никак не навредит. Я лишь переживаю, чтобы не навредить положению палаты. И всё». Впрочем, он резко никогда не критиковал. Просто логика его безупречных доказательств

была сильнее любых броских обвинений и формулировок.

Примаков скрупулезно и щепетильно подходил к каждому слову, каждой запятой. Это меня сразу в нем поразило и потом приучило серьезно подходить к любому тексту. Часто вспоминаю, как пришел к нему с простым поздравительным письмом, адресованным одному губернатору. Начиналось оно словом «дорогой». Евгений Максимович прочел и говорит:

– А чем таким он, собственно, палате дорог?

– Да ничем. Просто так принято.

– Ну а если ничем, тогда просто напишите – «уважаемый».

До последних дней в нем жил журналист и редактор.

Он никогда за все эти годы не повысил голоса на окружающих, какие бы трудные темы и проблемы ни обсуждались. Единственным, с кем он немного позволял себе отступить от правила, был Томас Колесниченко, которого на работу в ТПП сам Евгений Максимович и пригласил. Примаков называл его Томом, были они старые и самые близкие друзья. Ему Евгений Максимович мог и на повышенном тоне что-то сказать (правда, потом извинялся). Но это были их свои очень личные взаимоотношения. Впрочем, от него Примаков не меньше требовал, чем от остальных, если не больше (Колесниченко отвечал в палате за связи с общественностью и СМИ – очень нервная, напряженная и слож-

ная работа). Уход Томаса из жизни был для Примакова огромной потерей. Это чувствовалось, да он от нас этого особо и не скрывал.

Примаков умел быть верным другом, откликающимся на все события жизни своих товарищей. Неизбежно, к сожалению, приходит время, когда друзья и соратники начинают уходить. Примаков переживал это внутренне очень сильно; несмотря ни на что, всегда приходил проводить товарища в последний путь и поддержать семью ушедшего. А друзья Примакова в последние годы жизни уходили очень часто...

Ну а на приятные события у друзей он откликался всегда охотно. Был прекрасным рассказчиком, прекрасным тамадой, умел «вести стол». Знал массу анекдотов, тостов, историй, читал собственные четверостишия. У него было великолепное чувство юмора.

В частной жизни это был живой человек, любящий свою семью – жену, внуков-правнуков.

Таким он мне запомнился.

По весу и влиянию мы были, конечно, несопоставимыми фигурами. Но все годы он обращался ко мне, своему вице-президенту, только на «вы». Примаков сам принял решение уходить с должности, никто ему не подсказывал сверху. Собрал вице-президентов и сказал, что на съезде ТПП в 2011 году уйдет, что видит меня преемником на своем посту и намерен представить меня руководству страны. Он так и сделал. Всё правильно: должность президента палаты на виду у всего государства, и нельзя, чтобы кандидатура не была приемлема для власти – в таком случае палата просто не смогла бы работать.

Никаких официальных напутствий мне с его стороны не было. Разве что вот эти слова считать напутствием: «Мы проработали вместе десять лет, полагаю, вы прекрасно во всём разбираетесь. Будет нужен совет по работе – пожалуйста, я выскажу свое мнение. А насчет того, с кем работать... Думаю, вы сами должны и вправе решать все кадровые вопросы».

После ухода с должности главы ТПП он остался президентом «Меркурий-клуба». Я ему предложил на Ильинке, в здании палаты, выделить, сколько нужно помещений, даже сделать отдельный вход. Он ответил так, как мог ответить, наверное, только Примаков: «В палате не должно быть двоецентриа. Если я останусь здесь, ко мне пойдут, чтобы пытаться через меня влиять на вас. Как только вас изберут (это было накануне съезда ТПП РФ. – С.К.), я здесь не буду находиться ни одной минуты».

В итоге «Меркурий-клуб» разместился в Центре международной торговли. Мы регулярно встречались, я приезжал к нему за советами. До последнего дня общались.

Он уже тяжело болел, и это было видно. Но работал. Помню, незадолго до того, как он попал в больницу, из которой уже не вышел, я позвонил ему, сказал, что хочу подъехать, поговорить. А он мне в ответ: «Сегодня уже весь день расписан, много людей, давайте уж завтра».

С той последней встречи запомнились мне его слова: «Всё время пишу, но уже только “в стол” – некогда заниматься изданием. Надеюсь, потом опубликую».

Примаков считал: человек жив, пока мыслит и пишет. Он мыслил и писал до самого конца.

Таким запомнился мне Евгений Максимович, великий политик, экономист, государственный деятель, разведчик. Великий человек. Мне повезло быть рядом с ним не только в течение десяти лет его президентства в палате, но и вплоть до его смерти.

Иногда задумываюсь о непостижимой логике, с которой жизнь сводит людей и составляет фрагменты в одно целое. Философы утверждают, что случайность – это неосознанная необходимость. Очень похоже, что так оно и есть.

ШАЙМИЕВ Минтимер Шарипович

Президент Республики Татарстан в 1991–2010 гг.

Дорогой наш Учитель

По жизни горжусь тем, что имел честь быть в дружеских отношениях с Евгением Максимовичем. Я называю его одним из своих учителей. «Дорогой наш Учитель» – так я обращался к нему и в своих посланиях. В начале июня 2015 года я получил от него недавно вышедшую книгу «Встречи на перекрестках», а еще ранее – книгу мемуаров с его подписью и теплыми словами в свой адрес. Так распорядилась судьба, что это был его последний подарок. Прочитав книги, как говорится, от корки до корки и буквально за два-три дня до его ухода, отправил ему письмо, в котором поблагодарил за эти прекрасные произведения – уроки жизни – и отметил, как безмерно радуется то, что он продолжает активную мыслительную деятельность, несмотря на болезнь. Когда мы творим – нуждаемся в энергии. Пожелал, чтобы как можно дольше божий родник нас подпитывал во благо и на радость нашим близким и самим себе – здоровомыслящим эгоистам. И подписал: «Ваш взрослый ученик Минтимер». Но, к сожалению, мое письмо адресата уже не застало...

Евгений Примаков обладал бесценным божьим даром, который, наверное, можно назвать мудростью, талантом, благородством, пронизательностью, но мне

кажется, что скорее всего это причудливое сочетание всего наилучшего, что может быть присуще человеку. И этот дар имел уникальное свойство проявляться во всём, чем бы он ни занимался. Журналистская и научная деятельность, дипломатия и большая политика, внешняя разведка и работа во главе российского правительства, Торгово-промышленная палата и высокие технологии – Примаков преуспел во всём. Безусловно, его природный дар проявился благодаря огромному труду, глубоким знаниям, завидному оптимизму и великодушному чувству юмора.

Нам, руководителям регионов, было суждено вместе с Евгением Максимовичем оказаться в гуще событий в сложные для страны, бурные перестроечные годы. Каждый из нас на своем месте делал то, что считал нужным и важным. Тем самым мы, сами того не ведая,

творили новую, общую историю страны. Я безгранично благодарен Евгению Максимовичу за внимание, доверие и поддержку в непредсказуемых ситуациях. Нас связывает многолетнее общение и сотрудничество, основанное исключительно на взаимоуважении и взаимопонимании. Так получилось, что между нами за годы совместной работы сложились довольно теплые, человеческие отношения. Когда мы с ним познакомились, он был уже известным человеком – ученым, журналистом, политическим деятелем, признанным и в СССР, и в новой России. Его все уважали и относились к нему с почтением. Евгений Максимович был одним из первых председателей правительства и министров иностранных дел уже новой России. Наше более тесное общение началось именно с этого периода. Выстраивая отношения с регионами новой Российской Федерации, он больше понимал и глубже видел то, как должна развиваться наша страна в новых условиях. Я убежденно говорю, что сложнее федеративного государства, чем Россия, пожалуй, в мире и нет. Но он видел, как надо обустроить ее. Как премьер-министр Евгений Максимович старался понять, к чему стремится Татарстан, давал весьма разумные советы человека, знающего и старый, и нарождающийся новый мир, что было очень ценно. Если бы Евгений Примаков дольше возглавлял правительство страны в те непростые годы, считаю, что мы могли бы избежать немало ошибок в нашем политическом и экономическом развитии.

К примеру, в конце 1990-х перераспределение налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в пользу федерального бюджета привело к существенному сокращению доходной части бюджета республики. Помимо этого, была еще одна явная несправедливость: по этому закону и на новых, и на старых месторождениях с тонны нефти налог взимался почему-то одинаковый. Складывалась довольно странная ситуация: налоги, поступающие в бюджеты разного

уровня с одной тонны добываемой нефти на новых сибирских месторождениях, оказывались иногда даже ниже, чем на старых месторождениях объединения «Татнефть». Татарстан неоднократно ставил вопрос о применении корректирующих коэффициентов налогообложения в зависимости от того, сколько времени эксплуатируется то или иное месторождение. С кем я только ни встречался, ставил эту проблему. Бесплезно! Однажды, приехав в Москву на очередное заседание Совета Федерации, я решил поговорить об этом с премьер-министром страны – Евгением Примаковым. После того как я объяснил ему проблемы дифференцированного подхода к месторождениям, низко дебитным скважинам, он, внимательно выслушав меня с мягкой улыбкой, начал говорить: «Минтимер Шарипович, да ты, оказывается, владеешь и этим вопросом. А у меня, представь себе, диссертация была как раз по дифференциации налогообложения нефтяных скважин. В Америке ведь каждая скважина облагается дифференцированным налогом...» Меня это поразило – он знал проблему в деталях! Это был прорыв – нашел, наконец, единомышленника! Безусловно, решить эту проблему с ходу тогда не удалось – к большому сожалению, сменилось очередное российское правительство. Но пришло понимание на федеральном уровне. И в итоге мы добились введения дифференцированного НДС летом 2006 года.

В 1999 году, получив немалую политическую закалку с первых лет перестройки, мы, ряд бессменных руководителей регионов тех лет, озабоченно заговорили о будущем страны: предстояло избирать новый состав Государственной Думы. Причиной наших тревог стала деятельность последнего состава Госдумы. Шла постоянная грызня, а то и самая настоящая драка между президентской властью и депутатами «коммунистического крыла», которые доминировали тогда в Думе. В обществе росла усталость от бесконечного противо-

стояния. Людей всё больше интересовали не только и не столько глобальные проблемы, сколько повседневные интересы своей республики, края, области. Ни одно политическое движение, ни одна партия не смогли предложить программу дальнейшего становления новой России с учетом необходимости проведения политических и экономических реформ в создавшихся реалиях. Сложилась ситуация, когда регионы России созрели, чтобы такую миссию взять на себя.

Первое авторитетное общественное объединение «Отечество» было образовано командой Юрия Лужкова. Мы решили также создать общественно-политическое движение «Вся Россия». 22 мая 1999 года в Тав-

«Он не побоялся бросить смелый вызов криминалитету и всем, кто был с этим связан, – а это немало влиятельных людей, причем во многих структурах, в том числе и органах государственной власти»

рическом дворце Санкт-Петербурга состоялся учредительный съезд. Помимо меня инициаторами выступили губернаторы: Санкт-Петербурга – Владимир Яковлев, Челябинской области – Петр Сумин, президенты: Башкортостана Муртаза Рахимов, Ингушетии – Руслан Аушев, главы администраций: Астраханской области – Анатолий Гужвин, Омской области –

Леонид Полежаев и ряд других ведущих политических и общественных деятелей, серьезно обеспокоенных кризисным состоянием страны. На пост председателя партии я предложил выдвинуть кандидатуру Владимира Яковлева – губернатора Санкт-Петербурга. Аргументация у меня была достаточно убедительной: появляется как бы определенный паритет с «Отечеством». Две столицы России и их мэры возглавляют эти нарождающиеся политические движения. Так появилось политическое движение «Вся Россия».

Мы, организаторы движения, исходя из желания создать конструктивное думское большинство, предложили стране политику нового федерализма. Но было понятно, что выиграть выборы в Госдуму более реально, объединив усилия наших двух движений и создав блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР). Возглавить его попросили Евгения Примакова.

Почему именно его? Дело в том, что, побывав во власти в качестве премьер-министра, именно этот человек, на наш взгляд, сумел убедительно доказать, что даже за короткий период политической стабильности в стране можно добиться многого – как в продвижении экономических реформ, так и в иных сферах. Евгений Максимович обладал незаурядными способностями, и политической воли ему тоже было не занимать. Кстати,

именно Примаков настоял на том, чтобы наши движения объединились, сказал, что только при этом даст согласие встать во главе нашего блока.

Между прочим, многие в Евгении Примакове объективно увидели «страшную силу», памятуя о том, как совсем недавно он начал было наводить в России порядок. Он не побоялся бросить смелый вызов криминалитету и всем, кто был с этим связан, – а это немало влиятельных людей, причем во многих структурах, в том числе и органах государственной власти. Евгений Максимович уже тогда понял, какую опасность представляют для России деятели подобного толка.

Вот почему на наш блок, как только его связали с именем Примакова, сразу же началась яростная атака. Появились телекиллеры типа Доренко... Они не стеснялись ни в чем, чтобы сполна отработать недопустимо грязные заказы своих хозяев. Блок Примакова–Лужкова–Шаймиева (так стали называть тогда ОВР) был воспринят властями страны изначально негативно и весьма настороженно. Помню, мне на личной встрече пришлось горячо убеждать Бориса Николаевича в целесообразности такого шага. Это было объединение здоровых конструктивных сил в условиях политических реформ 90-х, основанное на чувстве ответственности за судьбу страны.

Как показала жизнь, создание блока «Отечество – Вся Россия» в той политической ситуации было оправданным шагом. Таким образом, после выборов стало ясно, что, не будь фракции ОВР со своей принципиальной центристской позицией, в Государственной Думе надолго установилась бы монополия левого большинства. Так что мы основную для того периода задачу с честью выполнили. А что касается нашего лидера Евгения Примакова, то он, ссылаясь на возраст, заранее отказался выдвигать свою кандидатуру на выборах президента России, уступив тем самым дорогу более молодым.

Мне также хорошо запомнился период, когда мы с Евгением Максимовичем в 2006 году, с его подачи, снова оказались, как говорится, в одной упряжке – стали сопредседателями Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», международного совещательного органа, созданного для расширения сотрудничества между Россией и исламскими странами. Это была постоянно действующая площадка для консультаций на уровне бывших премьер-министров, министров иностранных дел, послов России и ряда важных мусульманских стран (в том числе Саудовской Аравии, Египта, Турции, Кувейта, ОАЭ, Пакистана, Индонезии) и представителей ряда структур ООН. Эти авторитетные люди в то время формально не занимали высоких государственных должностей, но были по-прежнему близки к власти, попутно выполняя функции посредников и переговорщиков при решении конфликтных вопросов.

На первом же заседании группы Евгений Примаков четко обозначил нашу миссию. Думаю, ему – одному из ведущих востоковедов мира – как никому другому была ясна суть происходящего. Он подчеркнул, что одна из самых больших опасностей для мира – разделение его по религиозному признаку. «Россия как одна из великих держав, влияющих на международную жизнь, способна помешать развитию этой тенденции. Россия – это мост между Европой и Азией», – говорил он. Евгений Максимович также отметил и особое этноконфессиональное положение России. «Терроризм нельзя связывать с мусульманской религией. Террористы ведут борьбу против ислама, – отметил он, – и одна из задач Группы стратегического видения – разъяснение разницы между исламом и его радикальными проявлениями». Благодаря работе группы, заседания которой прошли в Москве, Казани, Стамбуле, Джидде и Кувейте, мы значительно продвинулись в деле налаживания конструктивного диалога между Россией и

исламскими странами. С приветственным посланием к каждой встрече Группы стратегического видения обращался президент РФ Владимир Путин. Но из-за событий, связанных с «арабской весной», не удалось реализовать всё намеченное. В 2014 году Владимир Владимирович принял решение о возобновлении деятельности группы, возложив обязанности ее председателя на президента Татарстана Рустама Минниханова. Почетным председателем вплоть до своей кончины оставался Евгений Примаков.

Как в арабском мире уважали Евгения Максимовича и дорожили его мнением – это надо было увидеть. К счастью, я это неоднократно наблюдал воочию. Им восхищались! Арабский мир сложен, там в открытую, публично ценят только тех, к кому прониклись глубочайшим уважением. Огромное доверие к Примакову распространялось и на отношения с СССР, и на отношения с новой Россией.

Евгений Примаков – человек планетарного мышления, к его мнению прислушивались во всём мире. Он всегда и всюду отстаивал интересы России и ее многонационального народа.

Мне посчастливилось видеть Евгения Максимовича в его семейном кругу, ощутить атмосферу любви и тепла их отношений с супругой Ириной Борисовной. С какой любовью она оберегала Евгения Максимовича! У меня тогда создалось впечатление, что она живет им и заботой о нем.

...26 июня 2015 года, в святой месяц Рамазан, я специально поехал в свое родное село, чтобы поклониться своим родителям. Посетил могилы отца, матери, ушедших родственников и пребывал в светлой грусти от нахлынувшего чувства благодарности. Именно в этот миг застала меня весть об уходе Евгения Максимовича. Думаю, так умиротворенно уходят только самые светлые люди...

ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич

Член Президиума Верховного Совета СССР
(1989–1991 гг.), президент Республики Северная
Осетия – Алания (1998–2005 гг.)

Мастер дружить

Евгений Максимович занимает высокое место в пантеоне современной России. Его богатая биография, полная примерами успешного участия в решении масштабных, стратегически важных вопросов внутренней и внешней политики, вызывает и всегда будет вызывать большой научный и практический интерес. На протяжении почти 50 лет меня связывали близкие дружеские отношения с этим нашим выдающимся современником. Все это время они не прерывались и не были ничем омрачены и обесценены. Уже в почтенном возрасте мы гордились этим и как бы подводили итог нашей большой жизненной дороги.

А зарождалось все в далеком 1967 году в Египте, в Каире – одном из центров мировой цивилизации. В те годы я начал свою деятельность в качестве одного из руководителей Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, а Евгений Максимович, уже широко известный в стране и мире талантливый журналист-международник, являлся представителем газеты «Правда» (главной газеты страны в течение всей истории СССР) на Ближнем Востоке. Таким образом, мы

«По самоощущению, по восприятию происходящих крупных изменений в мире он оказывался на передовой, там, где создавалась история»

оба были погружены в проблемы этого постоянно бурлящего событиями региона.

Иногда спрашивают, почему Примаков, успешно окончивший аспирантуру МГУ по экономической специальности, не выбрал для себя гораздо более спокойную сферу деятельности, например, в Москве

или, как тогда было модно, в стабильной и сытой Европе? Вот в этом и ответ на один из главных вопросов, подтверждающий, что Евгений Максимович никогда сам себе не искал должностей получше. По самоощущению, по восприятию происходящих крупных изменений в мире он оказывался на передовой, там, где создавалась история. Поэтому он сделал правильный выбор с самого начала своей деятельности. Время это подтвердило.

Каир времен Гамалея Абдея Насера, одного из основателей Движения неприсоединения (по политической эффективности нередко превосходившего Организацию Объединенных Наций), был неформальной столицей арабского мира, здесь же находили политическую трибуну лидеры национально-освободительных движений стран Азии и Африки.

Ближневосточный цикл деятельности Евгения Максимовича – отдельная и очень значимая часть его биографии. Сотни его статей в газете «Правда» и во многих зарубежных изданиях стали настоящей летописью исторически значимых событий. Именно на этом направлении он сделал несравнимо много для того, чтобы наша страна, Советский Союз, была активным участником сложного процесса урегулирования ближневосточных проблем. Именно Евгений Максимович в течение долгого времени в ходе обстоятельных бесед, находясь в Каире, а затем и в Москве, оказал серьезное

влияние на мировоззрение и позицию Ясира Арафата – яркого лидера Палестинского движения сопротивления (ПДС), имевшего тогда репутацию весьма радикального деятеля. Палестинские политики хорошо знают, что во многом благодаря Евгению Примакову ПДС преобразовалось в организацию, получившую широкое международное признание, в том числе способную законно представлять интересы своего народа в ООН.

Немалая заслуга академика Примакова и в том, что Нобелевская премия мира в 1994 году была присвоена Ясиру Арафату и премьер-министру Израиля Ицхаку Рабину. А ближайший соратник Арафата, Абу Мазен, который сегодня успешно возглавляет Палестинскую автономию, был – и это мало кто знает – аспирантом Института востоковедения Академии наук СССР и защитил там интересную диссертацию. Директором же института тогда являлся Евгений Примаков.

Еще один пример важных дел Примакова – курды. В 1966–1970 годах он был единственным, кто неоднократно, в сложнейших условиях и зачастую в небезопасных местах – на севере Ирака и в других его районах, – встречался с лидером курдского народа Мустафой Барзани. Конечно, эти многочасовые беседы сыграли значимую роль в том, чтобы установить доверительные связи с Барзани и положить начало политическому урегулированию ирако-курдского вопроса. Тогда еще начинающий и нами не разгаданный Саддам Хусейн был посредником в контактах, которые установил Евгений Максимович с Мустафой Барзани. И все это завершилось тем, что в 1970 году президент Ирака маршал Бакр торжественно зачитал декларацию

«Немалая заслуга академика Примакова и в том, что Нобелевская премия мира в 1994 году была присвоена Ясиру Арафату и премьер-министру Израиля Ицхаку Рабину»

«Создавалось впечатление, будто их квартира превращалась в место интеллектуальных состязаний известных мыслителей, общественных деятелей и литераторов»

о провозглашении в Ираке мира на основе создания в едином государстве курдской автономии. Более того, представители курдов с того времени получили посты вице-президента и пяти министров иракского правительства. Все это было подготовлено при непосредственном участии Евгения Примакова.

В ходе моих командировок в Каир я всегда заходил в гости к Евгению Максимовичу и его супруге. Создавалось впечатление, будто их квартира превращалась в место интеллектуальных состязаний известных мыслителей, общественных деятелей и литераторов. Частыми гостями были и Мухаммед Хейкал, главный редактор газеты «Аль-Ахрам», входивший в пятерку лучших в мире журналистов-международников, и Лутфи аль-Холи – главный редактор популярного египетского журнала «Ат-Талия», и Абдуррахман Хамиси – выдающийся поэт арабского Востока, лауреат Ленинской премии, кумир европейской литературной интеллигенции, и многие-многие другие. Эти встречи были невероятно интересными. Максимыч, владевший английским и арабским, искрил свежими идеями, неожиданными нестандартными предложениями. И я не переставал удивляться массиву находившихся у него в голове знаний из различных областей. Уверен, что будущие библиографы Примакова еще вернутся к этим страницам его незаурядной жизни.

Вообще я пришел к выводу, что по масштабам личности и началу восхождения в большую государственную и политическую деятельность я мог бы сравнить моего доброго друга Евгения Примакова с Уинстоном Черчиллем. Великий британец в начале XX века был журналистом в Судане, в Пуштунистане (нынешний

Афганистан), в Южной Африке во время войны Великобритании с бурами. Максимыч находился тоже в качестве журналиста в самой гуще военно-политических событий середины XX века – арабо-израильских войн, гражданской войны в Ливане, событий вокруг Палестины и ряда других.

Сопоставимость масштабов личности Черчилля и Примакова не подразумевает их одинаковости по исторической сути. Уинстон Черчилль защищал интересы британской колониальной империи. Евгений Примаков поддерживал стремление народов к свободе и освобождению от колониальной зависимости, что

«Вообще я пришел к выводу, что по масштабам личности и началу восхождения в большую государственную и политическую деятельность я мог бы сравнить моего доброго друга Евгения Примакова с Уинстоном Черчиллем»

было одним из ключевых направлений внешней политики СССР того времени.

На Ближнем Востоке наряду с талантом журналиста и международного журналиста уже стал проявляться его глубокий интерес к качественно новым событиям, которые разворачивались в постколониальных странах. Я хорошо помню наши встречи и беседы, в которых он все больше увязывал геополитические вопросы с экономи-

ческими. Тогда как раз начались сложные процессы национализации крупных нефтесырьевых компаний западных стран, как, например, British Petroleum в Ираке, или – еще раньше – национализация Суэцкого канала в Египте.

Проблемы зависимости Запада от сырья, с одной стороны, и сохранение национального суверенитета освободившихся от колониализма стран над своими ресурсами – с другой, отчетливо прослеживались в его аналитических статьях и работах того времени.

Может быть, именно поэтому возрастал интерес к персоне Евгения Примакова в Москве, и он был приглашен академиком Николаем Николаевичем Иноземцевым на должность своего первого заместителя в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО АН СССР), ставший лидирующим научно-экспертным центром подготовки предложений для государственного и политического руководства страны.

Можно сказать, что Евгений Максимович второй раз оказался вместе с Николаем Николаевичем Иноземцевым. Именно Иноземцев, будучи редактором «Правды», позвал Примакова на работу в газету. Они отлично

дополняли друг друга. Один хорошо знал Запад, другой – Восток. Основным научным интересом Иноземцева было изучение экономических и политических проблем капиталистических стран, ну а новые реальности в мире требовали особого внимания к странам третьего мира. Поэтому знания востоковеда Примакова были исключительно важны для исследований, которые проводились в ИМЭМО.

Время работы в ИМЭМО было для ученого и организатора науки Евгения Примакова очень интересным и содержательным. Но судьба распорядилась так, что в 1977 году он был назначен – а это значит, всесторонне проверен по линии соответствующих госслужб и согласован в ЦК КПСС – директором Института востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР).

Поиск кандидатуры на эту должность имел свою логику. Именно в середине 70-х годов был достигнут стратегический паритет между Западом и Востоком, биполярное мироустройство обрело устойчивую форму, начался хельсинкский процесс, была подписана Парижская хартия по европейской безопасности. Удалось уйти от апокалипсиса большой войны, но конфронтация сохранилась и приобрела новую геополитическую конфигурацию. Противостояние переместилось в страны третьего мира – на Ближний Восток, в Азию, Африку, Латинскую Америку. И новые реалии требовали, чтобы на этих ключевых направлениях были сосредоточены главные научные силы. Вот, собственно, чем был обусловлен выбор Примакова на должность директора Института востоковедения.

ИВ АН СССР был продолжателем исторической востоковедческой традиции России. В этом – вековая историческая ценность института. Примаков сменил на должности директора Бободжана Гафуровича Гафурова – яркую личность, человека своей эпохи, который долгие годы руководил Таджикской ССР и в то же время имел вкус к академической работе. Перед Мак-

«Заслуга Примакова в том, что он сумел продолжить традиции отечественной школы востоковедения и вместе с тем расширить спектр научных изысканий»

симычем встали новые задачи, которые он внутренне чувствовал и решения которых ожидало от него политическое руководство СССР. Старшее поколение востоковедов находилось в напряженном ожидании шагов нового директора – сохранит ли институт свое лицо или это будет что-то совершенно новое, сосредоточен-

ное на решении текущих вопросов? Заслуга Примакова в том, что он сумел продолжить традиции отечественной школы востоковедения и вместе с тем расширить спектр научных изысканий.

Он начал один за другим обретать «патенты» на модели эффективных научных поисков. Речь прежде всего о разработанной Примаковым методологии ситуационного анализа, подразумевающей острые, многодневные дискуссии с участием экспертов из разных сфер. Их целью было прогнозирование возможного развития различных геополитических событий и выработка предложений по адекватному реагированию на них – научно обоснованное предвидение будущего, если хотите. Так, на стол высшего руководства страны легли аналитические документы по афганскому направлению, по обострившимся индо-пакистанским отношениям в связи с Кашмирским вопросом, проигрывались варианты развития событий по Движению неприсоединения и ряду других проблем. Показателем значимости для страны такой работы стало присуждение в 1980 году группе ученых во главе с Евгением Примаковым Государственной премии СССР. Эта высокая награда была вручена, в частности, за заранее спрогнозированную войну Ирака с Ираном и соответствующие предложения по действиям СССР.

Мы, друзья Максимыча, часто слышим, что Примакова всегда, дескать, окружали очень хорошие, порядочные люди. Это так на самом деле, но давайте задумаемся и осознаем, что такая творческая обстановка и доброжелательное отношение формируется руководителем. Именно Примаков создавал такую обстановку, находил ярких людей, помогал им по-настоящему раскрываться.

Время, о котором я вспоминаю, заставляло всех нас осмысливать происходившие события. Поэтому рабочий

день, вроде бы, заканчивался, но не заканчивались наши дискуссии. Ввод войск в Афганистан, рецидивы холодной войны, происходящие экономические изменения, внутренний консерватизм, экономическое отставание СССР, сильная забюрократизированность... Все это мы обсуждали в ходе долгих прогулок, как правило, на Воробьевых горах. И я в очередной раз убеждался в способности моего друга создавать атмосферу поиска ответов на самые сложные вопросы.

Уж кто-кто, а друзья Евгения Максимовича точно знают, что по жизни его вела судьба. За годы своей научной деятельности он обретал признание как талантливый ученый и организатор работы крупных научных коллективов. После Института востоковедения он снова вернулся в ИМЭМО, но уже в качестве директора, был избран академиком АН СССР, а на XXVII съезде КПСС стал членом Центрального Комитета КПСС. Это стало уже другой высотой в общественной и государственной иерархии, подразумевавшей большие возможности, больше прав и больше шансов на продвижение своих идей и проектов.

Новый статус не помешал ему сохранить живой интерес к реальной действительности, к нуждам народа и не ограничил круг его контактов со своими друзьями, добрыми знакомыми, представителями самых разных профессий. В течение всей жизни, на каких бы постах Примаков ни находился, он оставался таким, каким я его запомнил во время нашей первой встречи – незаносчивым, отзывчивым, добрым, порядочным человеком. Для него равное место занимали важные государственные дела огромной страны и вопросы нуждающегося в помощи друга детства или студенчества, работавшего когда-то с ним коллеги или даже совершенно незнакомого, но попавшего в тяжелую ситуацию человека.

Осенью 1988 года в моей жизни произошел неожиданный поворот. Из Дамаска с должности посла в Сирии меня неожиданно «катапультировали» прямо во Владикавказ на должность первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС (по тем временам абсолютного руководителя республики). Этот пост наряду со

«В течение всей жизни, на каких бы постах Примаков ни находился, он оставался таким, каким я его запомнил во время нашей первой встречи – незаносчивым, отзывчивым, добрым, порядочным человеком»

«Интерес в те времена к Евгению Примакову как политической фигуре и ученому постоянно нарастал»

многим подразумевал также и участие в пленумах ЦК КПСС, и на очередном пленуме мы с членом ЦК Примаковым сидели, естественно, рядом. Интерес в те времена к Евгению Примакову как политической фигуре и ученому постоянно нарастал. Я совершенно интуитивно, не располагая какой-

либо информацией, сказал ему, что сейчас генсек предложит его кандидатуру в состав Политбюро. И, как оказалось, не только у меня одного были такие мысли, поскольку через несколько минут Горбачев в своем выступлении предложил избрать Примакова кандидатом в члены Политбюро. А после избрания к нему подошел генерал Плеханов, начальник 9-го управления КГБ СССР, обеспечивавшего безопасность политического руководства страны, и сказал, что после заседания пленума он представит Евгению Максимовичу его прикрепленных – офицеров безопасности. С пленума мы уже выходили из разных дверей.

Максими́ч, надо сказать, вообще не любил быть на выборной работе. Он считал, что выборы важны, но еще более важно быть ответственным перед теми задачами, которые диктует положение в государственной и политической иерархии.

Я думаю, что такое чувство появилось у него после избрания председателем Совета Союза Верховного Совета СССР. На этой должности ему не нравились многочасовые заседания, проходившие преимущественно в напряженной и часто популистской атмосфере с прямой трансляцией на всю страну. Причем объектив телекамеры был установлен таким образом, что зрители видели выступавших на трибуне и председательствовавшего Максими́ча. Представьте, каково это – с утра до вечера постоянно находиться под пристальным вни-

манием многомиллионной аудитории. С присущей Примакову самоиронией он написал такие строки, изменив слова популярной тогда песни: «Поручик Нишанов, ведите собрание. А ну-ка, проснитесь, корнет Примаков».

«Поручик Нишанов» – Рафик Нишанович Нишанов, в то время председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Они были единомышленниками и близкими друзьями по жизни. При их непосредственном участии появились важнейшие законы, которые вызвали огромный интерес не только в нашей стране, но и во всем мире. Это время я хорошо помню, поскольку возглавлял Комитет по международным делам Верховного Совета СССР. В период председательства Примакова в Совете Союза тогдашнее руководство Совета Европы официально и даже настойчиво приглашало Советский Союз вступить в эту организацию. В Москву специально приезжал Мигель Мартинес, один из руководителей парламентской ассамблеи Совета Европы, который заявлял, что на Западе воспринимают создаваемое новое поколение законов как глубокие демократические преобразования в СССР. Однако в руководстве нашей страны не торопились принимать приглашение. Впоследствии новой России пришлось ждать долгих пять лет, чтобы вступить в эту организацию. Символично, что миссия поехать в Страсбург и подписать соответствующие документы от имени Российской Федерации выпала Евгению Примакову, но уже в качестве министра иностранных дел.

В характере героя моего рассказа принципиальность в отстаивании интересов своей страны сочеталась с сильной политической волей, поиском приемлемого

«Он считал, что выборы важны, но еще более важно быть ответственным перед теми задачами, которые диктует положение в государственной и политической иерархии»

«Его беседы с зарубежными деятелями в Москве или за границей были настоящими уроками умения выслушать собеседника, мысленно поставить себя на его место и посмотреть его глазами на ситуацию»

компромисса. Его беседы с зарубежными деятелями в Москве или за границей были настоящими уроками умения выслушать собеседника, мысленно поставить себя на его место и посмотреть его глазами на ситуацию. Некатегоричность суждений со стороны Евгения Максимовича, стремление разъяснить, убедить, показать привлекательность высказанных соображений –

все это было образцом ответственного несения высоких должностей от имени страны. Он, как и многие люди его уровня в отечественной и мировой истории, понимал, что чем выше должность, тем выше и ответственность принимаемых решений, которые отражаются на судьбах миллионов людей. Так, к сожалению, бывает нечасто.

Наблюдательный исследователь наследия Примакова, конечно, обнаружит, что он был прекрасным знатоком истории народов Кавказа, и одновременно получит подтверждение, что с молодых лет еще тбилисской юности на всю свою жизнь сохранил особенности кавказских традиций. Он всегда старался находить возможность и с нескрываемой радостью приезжал на Кавказ.

Несколько раз в бытность моей работы в Осетии он приезжал ко мне в гости и каждый раз оставлял хорошую о себе память. Одна из таких поездок пришлось на то время, когда он баллотировался в народные депутаты СССР. Избирательные правила тогда позволяли кандидатам в депутаты, идущим по партийному списку, самостоятельно выбирать место проведения предвыборной кампании. И я был польщен, что он выбрал именно Северную Осетию. После выступлений и встреч, прошедших, в частности, и во Владикавказском

государственном университете, и в Высшем общевойсковом командном училище имени маршала Еременко, он попросил свозить его к моим в то время здравствовавшим родителям в город Алагир. «Хорошая идея», – сказал я. Максимыч позвал из соседнего Тбилиси присоединиться к нам нескольких друзей школьных лет. В доме моих родителей мы неторопливо провели традиционное кавказское застолье. Позже он напишет проникновенное стихотворение, посвященное другу, в котором были такие строки (я привожу лишь часть из них):

Пойдем к друзьям на огонек –
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

В сопровождении Уастырджи*
Поедем в Алагир –
Рассвет в горах, родник, хурджин**,
В нем – осетинский сыр.
Неужто и отсюда нам
Захочется назад,
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд?

Я советую всем познакомиться с поэзией Примакова, лирически и философски отражающей разные этапы

«Некатегоричность суждений со стороны Евгения Максимовича, стремление разъяснить, убедить, показать привлекательность высказанных соображений – все это было образцом ответственного несения высоких должностей от имени страны»

* В осетинской национальной мифологии Уастырджи – покровитель мужчин, путников, воинов (как святой Георгий в христианстве).
** Традиционная восточная сумка.

«Время проходит, а мы чувствуем, что наш друг физически не рядом, но вместе с тем всегда с нами, в нашей памяти, в наших воспоминаниях»

его жизни. Сборник стихов Евгения Максимовича можно найти в приложении к его последней книге «Встречи на перекрестках».

Для Примакова было правилом давать просмотреть или даже прочитать близким людям рукописи своих книг. Я тоже был в числе тех, кто

почти всегда знал о содержании новых книг еще до того, как они были изданы. Он мог сказать: «Посмотри», – означавшее, что он еще погружен в работу над рукописью. А если он с легкостью говорил: «Вот, читай, читай», – то это значило, что все сложилось, книга закончена, точка поставлена.

Закончить свое повествование я хотел бы словами восхищения и признательности в адрес супруги Евгения Максимовича – Ирины Борисовны. Мы, друзья Примакова, хорошо знаем, что она стала настоящей опорой в его жизни, пройдя с ним и через большие радости, крупные успехи, и через горестные времена, тяжелые утраты и переживания. Это не была безмятежная жизнь. Эпоха была такой, время было такое. Это все в нашей памяти. Мы все помним нашу «сестру» – первую супругу Евгения Максимовича Лауру Васильевну Харадзе, которая скоропостижно ушла из жизни в 1987 году. В семье нашего друга постоянно присутствовала – и я уверен, так будет всегда, – добрая память о тех, кого рядом больше нет, сохранялся дух взаимной поддержки и внимания ко всем близким. Ирина Борисовна, которая и как супруга, и как друг, и как врач, и как заботливая и обаятельная женщина долгие годы находилась рядом, была и остается хранительницей очага. Особая ее заслуга в том, что она создала обстановку, которой особенно гордился Евгений Максимо-

вич. Двери их дома всегда были открыты. Ирина сбегала все условия, чтобы друзья видели друг друга. Народная мудрость гласит, что супруги за долгие годы вместе становятся похожими друг на друга. Супружество Жени и Ирины тому подтверждение.

«Люди говорят – уходит время. Время говорит – уходят люди». Эта мысль и эти слова принадлежат Евгению Максимовичу. Время проходит, а мы чувствуем, что наш друг физически не рядом, но вместе с тем всегда с нами, в нашей памяти, в наших воспоминаниях. Перед нами Максимыч в добрых поступках, политических подвигах, с его остроумием и мудростью, с ликом радующимся или беспокойным, с его непревзойденной способностью создавать вокруг себя солидарную атмосферу. Время проходит, а он с нами. Так будет всегда.

ФУРСЕНКО Андрей Александрович

Министр образования и науки РФ в 2004–2012 гг.,
помощник Президента РФ с 2012 г.

Он умел влиять на происходящее СВОИМ СЛОВОМ

О Евгении Максимовиче можно очень много говорить, причем не только как о государственном деятеле или ученом, но и как о журналисте и даже как о моряке: в раннем юншестве он мечтал стать моряком, учился в морском училище и внутренне всю жизнь ощущал себя причастным к морю, к морской свободе. Это чувство свободы – свободы покорителя больших пространств – присутствовало в нем всегда.

И еще ему было присуще чувство исключительной ответственности за произнесенное или написанное им слово. Слово не только публицистическое, газетное, но и научное, академическое. Я помню, какие высокие требования он предъявлял в этом смысле к себе и к своим коллегам. Именно поэтому Евгений Максимович в последние годы своей жизни так сильно переживал по поводу того, как много недобросовестной, а то и откровенно грязной, лживой информации выносятся на экран телевизора, в Интернет, в прессу. Его сильно беспокоило, что себе позволяют многие, с позволения

сказать, авторы, так как для него самого цена слова, ответственность за произнесенное слово были очень высоки. Я помню, как он пересказывал мне разговор с одним из хороших журналистов, которого он уважал, но которому тем не менее прямо в лицо сказал в связи с одной его публикацией: «Почему вы можете выступать столько безответственно? За вами – страна. За вами – весь мир. И то, что вы говорите, это видят, это обсуждают, это смотрят. Нельзя подталкивать людей в неправильном направлении». Эта история стала для

меня уроком. Да, наверное, не только для меня, но и для многих. Он понимал, как много зависит от каждого из нас – людей, имеющих выходы в большое информационное пространство, – и как много поэтому зависит от него, старающегося утвердить определенные правила поведения в этом пространстве.

Евгений Максимович очень тревожился за мир. И отсюда, кстати, во многом проистекало его желание писать. Писать много и регулярно. Даже тогда, когда здоровье уже не позволяло, когда ему было элементарно тяжело. Но он тем не менее был уверен в том, что писать – это его долг, это способ реально повлиять на ситуацию, что-то изменить в мире. И у него это получалось, он умел влиять на происходящее своим словом.

Поэтому дай нам бог хотя бы частичку такой огромной, неподъемной ответственности перед страной, перед миром, перед историей, какая была свойственна Евгению Максимовичу. Позаимствовать бы что-то, научиться чему-то из этого масштабного наследия нашего великого современника. Говорю об этом еще и потому, что имел счастье быть лично знакомым с Евгением Максимовичем и даже в какой-то степени дружить с ним. Считаю это обстоятельство огромным счастьем, выпавшим на мою долю.

КОСАЧЕВ Константин Иосифович

Председатель Комитета по международным делам
Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации

Виртуоз политического прогнозирования

Говорить о масштабе и величии личности Евгения Максимовича Примакова одновременно и легко, и сложно. Легко – потому что многогранность этой личности такова, что о нем бесконечно и по существу могут высказываться политики и экономисты, теоретики и практики, разведчики и дипломаты. Сложно же говорить о Евгении Максимовиче потому, что многое из его теоретического и практического наследия еще действительно подлежит самому глубокому и пристальному анализу.

Могу утверждать, что мы еще совершенно точно не видим до конца все те зарубки, все те метки, которые старался оставить нам Евгений Максимович до самых последних дней своей жизни. Именно поэтому хотелось бы еще раз осмыслить прогнозы и наказы Примакова, в первую очередь в близкой мне сфере – внешней политике, – поскольку его мастерство предвидения и предсказания развития событий признано буквально всеми, включая и его оппонентов.

«Нам сейчас так не хватает его мудрых и точных оценок, поскольку на повестке дня его, примаковские, темы – Ближний Восток, сближение России с Китаем, кризис в отношениях России и Запада»

В основе этого качества – свойственное Примакову умение видеть любую ситуацию в историческом контексте. Разумеется, прежде всего благодаря глубоким знаниям этого контекста, чувству истории, пониманию ее основных приводов и шестеренок.

Нам сейчас так не хватает его мудрых и точных оценок, поскольку на повестке дня его,

примаковские, темы – Ближний Восток, сближение России с Китаем, кризис в отношениях России и Запада.

Сейчас нередко приходится слышать и читать в диалогах, социальных сетях риторический вопрос о происходящем в самой горячей точке планеты – в Сирии: а что бы сказал по этому поводу, какую оценку дал бы Примаков? На самом деле многое было сказано им ранее, задолго до нынешнего сирийского кризиса. Напомню его точную оценку, данную в 2012 году: «События в Сирии, как и в Ливии, с самого начала не укладывались в представление об “арабской весне” как о народных демонстрациях против авторитарных режимов в арабском мире. В этих двух странах с самого начала произошли вооруженные действия против власти».

Одним из важных уроков «арабской весны» Примаков назвал в 2012 году и то, что протестными демонстрациями могут воспользоваться «силы, которые отнюдь не лидировали первоначально в демократическом протестном движении и даже не очень участвовали в нем, но потом в своих целях перехватили инициативу». Мы видим, насколько точно этот прогноз реализовался не только в Сирии, но и, между прочим, на Украине. Именно тогда, в январе 2012 года, Евгений Максимо-

вич высказал свое компетентное мнение о недопустимости повтора ливийского сценария в Сирии: «События в Ливии, уверен, будут строго учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Наша страна уже заняла позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии. Не думаю, что Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, позволят себя обмануть во второй раз тем, кто уверял в необходимости этой резолюции якобы для защиты мирных жителей от авиации Каддафи». Надо ли говорить, что эта позиция действительно была учтена российским руководством, причем в такой степени, что в *Washington Post* именно Примакова назвали «крестным отцом» российской военной операции в Сирии. По мнению автора статьи, Путин начал воплощать мечту Примакова о восстановлении влияния России в арабском мире.

«Вспоминаю, – говорил в одном из своих выступлений Евгений Максимович, – как во время одной наших из бесед с Хафезом Асадом он сказал мне, что будет стремиться к тому, чтобы не остаться один на один с Израилем». Отсутствие урегулирования опасного ближневосточного конфликта, который имеет постоянную тенденцию к перерастанию в кризисную стадию, подтолкнуло Дамаск к созданию «на всякий случай» иранского тыла.

Вот этот штрих подчеркивает уникальность фигуры Примакова, который, во-первых, умел рассматривать все процессы в этом сложном регионе в комплексе и, во-вторых, так или иначе лично участвовал в ближневосточных делах на протяжении полувека. Еще в 1971 году по указанию советского руководства он конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир, министром обороны Моше Даяном. Одной из тем тогда было, в частности, как это ни удивительно сейчас прозвучит, потенциальное членство Израиля в НАТО. По словам Примакова, собеседники

тогда полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО. «Но мы знали, – пишет Примаков, – что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление “иранской карты” и желание многих использовать ее в своей игре?» Знаем ли мы точный ответ на этот вопрос сегодня, спустя шесть лет после того, как он был задан патриархом отечественной внешнеполитической аналитики?

И вот еще одни слова Евгения Максимовича – надеюсь, никто не осудит меня за их цитирование: «Иран, имея тесные связи с иракской шиитской общиной, приобрел возможность (может быть, даже решающую) воздействия на развитие обстановки в Ираке. Имея такие козыри в руках, Иран хочет напрямую говорить с Соединенными Штатами. Такой разговор в той или иной форме необходим. Может быть, стоит создать для этого переговорный формат из США, России, Китая, Индии, Евросоюза и Ирана? Эта идея – не такая уж плохая альтернатива попыткам заставить Иран идти на переговоры с США под давлением». Это сказано в 2006 году, почти 10 лет назад. Возможно, если бы с Ираном говорили в этом формате не только о его ядерной программе, да еще и под давлением санкций, которые Примаков заранее называл бесперспективными, то мы бы не имели сегодня такого явления, как «Исламское государство».

Еще несколько лет назад, задолго до появления ИГИЛ, Примаков призывал задуматься над тем фактом, почему «Аль-Каида» совершает гораздо больше террористических акций не на Западе, а в Турции, Египте, других мусульманских странах со светскими режимами. Его ответ: «Радикалам нужно свержение этих режимов, а страны эти превратить в части хали-

фата». Выход в этой ситуации Евгению Максимовичу виделся один: необходимо сплочение государств, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН в борьбе с группировкой «Исламского государства». Никакие разногласия, в том числе по украинскому вопросу, не должны мешать борьбе с международным терроризмом. Это всегда было его принципиальной позицией.

В каждом случае необходимы слаженные усилия ведущих мировых игроков. Он всячески приветствовал и ускорял укрепление России, вставание с колен, повышение роли нашей страны в мировых делах. Но он был категорическим противником курса на самоизоляцию и на конфронтацию. Знаменитый разворот над Атлантикой не был символом отказа от диалога. Евгений Максимович всегда понимал этот демарш применительно к той конкретной ситуации, по которой иначе поступить было нельзя, иного выбора нам тогда не оставили.

Важным предвидением Примакова была его идея сближения России с Китаем и Индией. Многим вначале этот проект казался утопией, однако в итоге реальность опровергла скептиков. Осуществлен проект БРИКС, действовал и формат России–Индия–Китай, российское сближение с Китаем стало столь успешным, что вызывает озабоченность самых трезвомыслящих политиков и экспертов на Западе. Но его концепция предусматривала не столько разворот, сколько поворот на Восток, усиление одного из естественных российских векторов внешней политики. Это направление, по его убеждению, было незаслуженно забыто в период прозападной романтики 90-х, и сегодня, как говорил Евгений Максимович, «нужно лишь восстановить баланс, необходимый для мировой державы в условиях многополярности».

Евгений Максимович скептически относился к разного рода радикальным прогнозам о скором крахе дол-

лара или Евросоюза. По его убеждению, России еще долго иметь дело и с тем и с другим, а потому нужно устраивать свою политику твердо, но конструктивно, всегда держа дверь открытой для диалога, не отступая при этом от собственных интересов.

Выступая в 2008 году на заседании «Меркурий-клуба», Евгений Максимович сказал о том, что возрождение холодной войны было бы катастрофически неприемлемо для всего мирового сообщества, особенно в условиях, когда без США, России, Китая, Европейского союза невозможно противодействовать расползанию ядерного оружия, вести борьбу с международным терроризмом. Академик Примаков ввел новый термин – «стратегические ценности», – который может послужить ключевым понятийным инструментом, способным привести к общему знаменателю позиции России и Запада. Это понятие формулируется академиком прежде всего применительно к российско-американским отношениям. Среди ценностей российско-американского сотрудничества он упоминал именно противодействие расползанию ядерного оружия, ограничение сокращения ракетно-ядерных вооружений, урегулирование региональных конфликтов.

Поистине этапным стало выступление Евгения Максимовича на заседании «Меркурий-клуба» в январе 2015 года, где одной из тем стала Украина. Наверное, далеко не всеми тогда с пониманием была воспринята его твердая позиция. Цитирую: «Можно ли по-прежнему говорить о российской заинтересованности в том, чтобы юго-восток оставался частью Украины?» Отвечаю: «Считаю, что нужно. Только на такой основе можно достичь урегулирования украинского кризиса». Другой вопрос: «Следует ли включать в число уступок США и их союзникам в Европе отказ от воссоединения Крыма и Севастополя с Россией?» Отвечаю: «Нет, это не должно быть разменной монетой в переговорах». Напомню, что буквально через месяц после этого вы-

ступления концепция, озвученная Евгением Максимовичем, легла в основу переговоров «Минск-2», а затем и в Париже: сохранение территориальной целостности Украины, но с вынесением вопроса о Крыме за скобки.

В сентябре прошлого года Евгений Максимович прогнозировал: «Действуя на политическом поле, Москва добилась прямых переговоров Киева с представителями Донбасса и Луганска. При любом исходе это прорывной момент, который скажется рано или поздно на урегулировании кризиса на Украине». И, как показал весь дальнейший ход событий, это действительно оказалось единственно возможным сцена-

рием. Но совершенно точно будут неправы те, кто увидит в этой взвешенной позиции Примакова некие уступки Западу или Украине. Кто так думает, тот просто плохо знает Евгения Максимовича. Еще десять лет назад он писал: «События на Украине показали, что ни в коем случае нельзя абсолютизировать и тем более делать ставку на Трансатлантические разногласия, проявившиеся после американской операции в Ираке. Рьяная поддержка Европейским союзом оппозиционных украинских сил, которые ныне стали правящими, во многом была предопределена стремлением использовать Украину как поле сближения с администрацией Буша. Неужели для этого опять нужен образ общего врага – России?» Увы, это еще один пример сбывшегося пророчества Мастера – общий враг нужен каждый раз, когда возникают слабины в трансатлантических узах. Тогда же, десять лет назад, Примаков предостерегал: «События в конце 2003 года в Молдове и Грузии, в конце 2004 года на Украине, имеющие не только внутреннее измерение, затрагивают позиции России на постсоветском пространстве. Эти события, а также развитие ситуации в Абхазии, должны нас насторожить вдвойне, так как они ярко высветили в том числе и недостатки российской политики в странах СНГ и слабости нашего аналитического аппарата. Многовариантный политический прогноз с определением оптимальных действий по каждому возможному варианту развития ситуации у нас, к сожалению, подменяется модной игрой в пиар. В этой связи есть над чем серьезно задуматься».

Примаков на самых разных этапах своей карьеры демонстрировал качества блестящего прогнозиста, аналитика. Это, конечно же, не означает, что он при этом как бы был эмоционально отстранен от предмета своих исследований, напротив – он пропускал все через свою совесть, через свои убеждения. Яркий пример этому то, как он трудно принимал признание Абхазии и Юж-

ной Осетии. Он очень не хотел, чтобы Россия в итоге этого непростого шага потеряла Грузию, которая играла в его жизни, как известно, очень большую роль.

Мне представляется программной и актуальной сегодня как никогда цитата из выступления Евгения Максимовича Примакова в 2007 году: «Западным политикам следует осмыслить роль и место России в современном мире, не вымышленной России, внутренняя ситуация в которой вырастает в угрозу ее соседям, не придуманной России, которая использует в имперских целях потоки энергетического сырья в другие страны, а той реальной России, которая не намерена идти в фарватере чьей бы то ни было политики, но одновременно направляет свои усилия на борьбу с международным терроризмом, против расползания оружия массового поражения, не приемлет раздел мира по цивилизационно-религиозному признаку, стремится задействовать свои уникальные возможности для ликвидации опаснейшего конфликта на Ближнем Востоке. Той России, которая проводит политику, остужая горячие головы, готовые, не научившись ничему в Ираке, повторить губительные силовые приемы против неугодных режимов».

Нам еще предстоит возвращаться вновь и вновь к прогнозам, предсказаниям, предвидениям Евгения Максимовича Примакова, осознавая, что они говорились и писались не под какую-то конкретную ситуацию, а во имя хода истории и во имя величия России.

ПОПЦОВ Олег Максимович

**Председатель ВГТРК в 1990–1996 гг., президент –
генеральный директор ТВЦ в 2000–2005 гг.**

Шанс России

Дорогой Евгений Максимович!
Эти фразы впервые прозвучали в моем выступлении, посвященном аттестации только что вышедшего собрания сочинений Евгения Примакова в 10-ти томах. Вас нет, но это некая нереальность... Да, год назад вы ушли из этой жизни, но и это не главное в понимании произошедшего. Вы остались, вы по-прежнему среди нас, и раскрыв каждую книгу, я вижу вас перед собой и испытываю радостное желание спросить вас о прочитанном и получить совершенно нестандартные разъяснения, потому как я увидел другой мир Ближнего Востока на сцене и за кулисами глазами Примакова. Это были годы андроповского вхождения в коридоры высшей власти, он становится генеральным секретарем ЦК КПСС, и примаковское повествование тех времен захватывающее. Вы не можете оторваться от книги. Примаков участвует в этом процессе прежде всего как корреспондент газеты «Правда». При этом к вам приходит понимание, сколь значима была роль журналиста Примакова, который являлся выдающимся специалистом по Ближнему Востоку, и это чувствовалось бук-

«Добавлю, что сюжеты Примакова о Ближнем Востоке, как и язык изложения, подтверждают его высочайший профессионализм как писателя-журналиста и как дипломата-политика»

важно в каждом слове. Он был авторитетен и в кругах высших чиновников, и в кругах высшей власти государств, имея прямой доступ к первым лицам Египта, Ливана, Сирии, Ливии, Израиля, Йемена, Саудовской Аравии, Палестины. И информация, которую Примаков излагал и в закрытом варианте, и в своих статьях, являлась основополагающим материалом для выработки политики СССР на Ближнем Востоке. И даже будучи уже на другой работе, во главе института, в кризисные моменты обострения обстановки на Ближнем Востоке Примаков обязательно вызывался руководством страны и снова в роли корреспондента «Правды» выезжал в эти страны для разрешения возникших конфликтов и разработки новой концепции отношений СССР с этими странами – естественно, с участием МИДа, для которого материалы Примакова были очень значимы. Добавлю, что сюжеты Примакова о Ближнем Востоке, как и язык изложения, подтверждают его высочайший профессионализм как писателя-журналиста и как дипломата-политика.

И такие слова правомерно сказать о любой его книге. Но не следует забывать, что это книги эпохи Хрущева, Андропова, Брежнева. В эпоху Горбачева и Ельцина мы узнаем другого Примакова – как блестящего экономиста, политика и государственного деятеля и, конечно же, выдающегося ученого, потому что мы имели дело с академиком Примаковым. Вопрос по существу: как в одном человеке могут сочетаться подобные качества? В критический момент для страны, когда Россия оказывается на краю пропасти, жесточайшего экономического кризиса в конце 90-х, Евгений Примаков, оказавшись в роли премьера России, спасает

Ельцина, которому грозит импичмент, а равно и страну, за восемь месяцев своего премьерства гасит панику и предлагает модель действия в критических условиях, при этом формирует многопартийное правительство. На правах первого вице-преьера в правительстве оказывается блестящий экономист – управленец Маслюков, представитель КПРФ. Примаков понимает, что получил максимальную поддержку от Госдумы, 317 голосов «за» – показатель, превосходящий конституционное большинство. Против проголосовала только фракция ЛДПР. Характерная деталь: буквально через несколько дней Жириновский приехал к Примакову в Белый дом и сказал: «Не обращайтесь внимания, это политика, а сам я к вам отношусь превосходно и буду вас поддерживать».

Бесспорно, столь активная депутатская поддержка способствовала нормальной атмосфере создания правительства. Кремль, имея перед собой значимую фигуру – Примакова, – принял позицию некой отстраненности от процедуры формирования правительства. Тем более что согласие на пост премьера со стороны самого Примакова было получено непросто. Примаков создал правительство бесспорных профессионалов высочайшего класса при очевидной разнопартийности министров.

На вопрос, заданный Примакову: «Можно ли назвать правительство коалиционным», – он ответил категорически: «Нет». Первое условие, выдвинутое Примаковым, было следующим: есть правительство и стоящие перед ним задачи, они превыше всего. И никакая партийная принадлежность не имеет права эту норму игнорировать. Повторюсь: это было правительство высочайших профессионалов. Для ситуации 1998 года это был бесспорный вызов. Вот несколько фамилий: Маслюков – первый вице-премьер, председатель Центробанка – Геращенко, вице-премьер по социальным проблемам – Валентина Матвиенко, Кулик – вице-

премьер по сельскому хозяйству, министр финансов – Задорнов, министр культуры – Егоров.

Как пишет сам Примаков: «Были попытки со стороны президентской администрации оказать на меня давление. Татьяна Дьяченко хотела видеть на посту министра здравоохранения своего человека. Вместо представленного мною и наконец назначенного высочайшего профессионала Стародубова продвинуть на этот пост немедленно человека, повязанного коммерческой деятельностью и зависимого от определенных банковских структур». Татьяна Борисовна даже всту-

пила в переговоры с женой Примакова с просьбой повлиять на Евгения Максимовича.

«Жена ответила, что никогда не обсуждала со мной служебных вопросов и не имеет в этом плане никакого влияния на меня».

Спокойствие было недолгим, не более полутора месяцев, а затем политический бомонд занялся своим делом – начал травлю нового правительства. И Примакову постоянно приходилось при личных беседах убеждать Ельцина, что его задача – выполнять полноценно обязанности премьера и добиться перелома в экономической ситуации, а не рваться в президенты»

Дело в том, что интрига, которая разыгрывалась («Примаков метит в президенты»), творилась семьей Ельцина.

Спустя месяц после назначения Примакова пригласил Ельцин. Разговор был неожиданным и странным. Ельцин его начал словами: «У нас будет “стратегический” разговор. Я хотел бы обсудить ваши перспективы как моего преемника. Что нам следует делать в этом отношении?»

Рассуждать на тему – что это было: зондаж на готовность «играть в их команде» даже ценой замены в правительстве левых на привычных правых либералов? А может быть, просто прощупывание?

Еще одна деталь, связанная с назначением Примакова, которому непросто было преодолеть себя и получить ответ на навязчивый вопрос: почему я? Буду откровенен и выскажу свою точку зрения. Приглашение Примакова на этот пост было для Ельцина вынужденным. По существу, он этого не хотел, обязывали

обстоятельства. Что обуславливало внутреннее сопротивление Ельцина этому назначению? Непреходящая ревность. Рядом с ним на одной ранговой линии оказался всесторонне образованный, с громадным управленческим опытом и авторитетом человек.

Ельцин был ревнивым человеком. И блокирование возвращения Черномырдина на пост главы правительства, которое дважды осуществлялось Думой, было следствием ельцинской ревности после поездки Черномырдина в Америку, его контактов с вице-президентом Гором и сверхблагоприятной реакции Гора на эту встречу.

И тотчас главные шепталы в президентской администрации – в тот момент Коржаков, Барсуков, Сосковец и, конечно же, Юмашев, дочь Ельцина Татьяна и, разумеется, Березовский: «Вы нам не верили, Борис Николаевич, а Гор подтвердил наши предположения – Черномырдин устраивает Америку в роли президента России». И буквально через 10 дней после своего возвращения из Америки Черномырдин отправляется Ельциным в отставку.

Назначение Примакова справедливо оценить как назначение «вопреки». Я был свидетелем происходящего. И у меня не было на этот счет сомнения. Естественно, я не говорил об этом Примакову, хотя был уверен, что он думает о своем назначении то же самое.

Примечательна одна деталь: выступая в Думе в момент голосования по поводу своего утверждения на пост премьера, Примаков кратко изложил свое видение проблем, стоящих перед страной. Это была не программа, нет, – на выработку программы Примакову просто не дали времени. Он буквально в нескольких фразах охарактеризовал ситуацию, в которой находится Россия, и свое видение того, как развиваться дальше.

Он не делал широковещательных заявлений, более того, сказал, что «он не волшебник» и что возглавляе-

мое им правительство не сможет в короткие сроки обеспечить благополучие и процветание страны, находящейся в жутчайшем кризисе, и далее – те самые предложения.

Первое – продолжение движения к рыночным отношениям, но отказ от иллюзорных представлений о том, что главное – это броситься в объятия рынка, а дальше рынок сам все отрегулирует (что было пагубной политикой младореформаторов).

Второе – усиление государственного регулирования с целью поднять промышленность и сельское хозяйство, защитить отечественного производителя. Затем – социальная ориентация экономики, создать надежные гарантии против того, чтобы группа лиц могла наживаться, присваивая бюджетные средства, против жульнических операций с приватизацией, банкротства предприятий.

Подчеркнул, что мы не имеем целью очередной передел собственности, но это не означает отказа от жесткой борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией.

Отметил необходимость изменить «экономическую модель», при которой Россия живет за счет экспорта своего сырья, импортируя жизненно важные продукты и товары и одновременно покрывая потребности общества за счет зарубежных кредитов.

Подчеркнул, что отрицание этой модели не имеет ничего общего ни с отказом от иностранных – главным образом прямых – капиталовложений, ни с игнорированием необходимости отдавать долги макроэкономической политике, хотя она не является самоцелью и должна служить развитию производства.

И далее – главная особенность Примакова: он не остановился на событиях 17 августа, опрокинувших российскую экономику, он считал для себя недостойным призывать депутатов, которые должны были голосовать за него как за главу нового кабинета минист-

ров, искать виноватых. Он был всегда непримиримым противником «охоты на ведьм» и остался таковым до конца.

Привлекать к ответственности следует не тех, кто совершил ошибки, а тех, кто специально создает критическую ситуацию и готов поживиться на этом за счет страданий людей. Вот, если угодно, основополагающая суть государственного деятеля, политика, журналиста и писателя, ученого Евгения Примакова. Заняв очередную должность, где есть масса нерешенных проблем, – решать их, а не тратить время на поиски виноватых. А перед самым голосованием у Примакова с языка сорвалась фраза: «Не знаю, что для меня лично лучше – проголосуем вы за меня как главу правительства или нет».

Таков Евгений Максимович Примаков. Все познавший, все переживший Примаков, чуждый политике интриг и рождаемых этой политикой конфликтов. На всех постах максимальной значимости – как глава государственной разведки, министр иностранных дел России, а затем и премьер России – и в застывшие брежневские времена занимавший знаковые посты, он никогда не олицетворял идеи конфликта и столкновения. И дело даже не в том, что он был высококлассным дипломатом и государственным деятелем. Этот стиль отношений был его внутренней сутью. Не ссориться, а в любой критической ситуации отыскать тропу мира и идти по ней. Именно так была выстроена политика СССР в отношении стран Ближнего Востока. И востоковед Примаков был соавтором этой политики мира в самых взрывоопасных ближневосточных странах.

Премьерство Примакова выпало на второй президентский срок Ельцина, который можно назвать драматическим уже потому, что Ельцин был болен и болен серьезно, половину своего срока он работал в усеченном режиме, отсутствуя на работе. Мне хорошо памятно эти времена. Я уже покинул свой пост предсе-

дателя ВГТРК – компании, которую создал и возглавлял в течение первых семи лет. После ухода из компании я создал издательский холдинг «Пушкинская площадь».

И когда я читаю историю премьерства Примакова, я вижу фантастическое сходство со своей судьбой – как непрерывную борьбу с властью, давление президентского окружения, неустанные попытки вмешаться в работу телевидения и радио. И каждый раз я отстаивал свою правоту после очередного доноса Ельцину его клеветников, что Попцов перешел на сторону Хасбулатова, в то время председателя Верховного Совета, который находился постоянно то в скрытом, то в открытом конфликте с Ельциным. Команда ВГТРК в тех схватках заняла позицию поддержки президента, и в 1993 году, как отметил Минкин в «МК», Попцов спас Ельцина. Это было правдой, страна оказалась в преддверии переворота, и роль ВГТРК в этот момент явилась решающей. У меня были достаточно постоянные контакты с Ельциным. Мешало нормальным отношениям ближайшее окружение Ельцина. Как и отношениям с Хасбулатовым мешало окружение Руслана Имановича.

Попцов не прогибался ни под Ельцина, ни под Хасбулатова, ни под Черномырдина. Это чрезвычайно раздражало власть. Так было с 1991 по 1996 годы. Один в один эта ситуация повторилась в 1998–1999 в отношении Евгения Максимовича Примакова на посту премьера. Те же компоненты травли и лжи послушников в отношении премьера страны. На всех встречах с президентом Примаков как заклинание повторял, что дав

«На всех постах максимальной значимости – как глава государственной разведки, министр иностранных дел России, а затем и премьер России – и в застывшие брежневские времена занимавший знаковые посты, он никогда не олицетворял идеи конфликта и столкновения»

«И вот что удивляло: рейтинг Примакова после отставки не снизился, а продолжал расти»

согласие возглавить правительство, он категорически отверг якобы существующий скрытый замысел занять пост президента. Примакову было понятно, что зная сверхревнивый характер Ельцина, его окружение строило свои замыслы с

расчетом на эту ревность. И любая информация по поводу премьера, оказавшаяся на столе Ельцина, обязательно предполагала якобы президентские амбиции премьера. В большинстве своих интервью Березовский тиражировал эту идею. И в конце концов вся эта камарилья, включая «семью», убедила Ельцина в опасности Примакова как конкурента. Клевретов, конечно же, беспокоила очевидная возрастающая популярность премьера, что было реакцией на успешную деятельность правительства. Страна вышла из кризиса, порожденного решениями 17 августа, преодолела кульминационную точку спада в экономике, начался подъем, практически была достигнута договоренность с Международным валютным фондом о совместной деятельности. Люди поверили в правительство и его политику.

12 мая 1999 года на очередной встрече президента с премьером в присутствии журналистов Ельцин ошарашил их вызывающей фразой: почему не задаете вопросы о правительстве? И на последовавший сразу вопрос – ожидаются ли перемены в правительстве – Ельцин ответил: «Да, перемены будут», – посмотрев на Примакова. И добавил: «И значительные».

Как написал Примаков в своей книге: «Молнией в голове промелькнула мысль: есть решение уволить моих заместителей и таким образом вынудить меня уйти в отставку. Но я ошибся, действия разворачивались по иному сценарию».

Как только журналисты покинули кабинет, президент сказал:

– Вы выполнили свою роль. Теперь вам нужно будет уйти в отставку. Облегчите эту задачу и напишите заявление об уходе с указанием любой причины.

– Нет, я этого не сделаю. Облегчать никому ничего не хочу. У вас есть конституционные полномочия подписать соответствующий указ.

Далее Примаков, кратко изложив суть достигнутого правительством, предупредил президента, что он делает большую ошибку. Ельцин выслушал Примакова, а затем повторил просьбу написать заявление, а после повторного отказа со стороны Примакова вызвал Волошина, у которого уже готов был текст указа. Ельцин переживал происходящее, ему было явно не по себе. Снова прихватило сердце. Сразу же в кабинет вошли врачи. Примаков хотел встать и уйти, но Ельцин жестом его удержал. После медицинской помощи он почувствовал себя лучше. Встал и сказал: «Давайте останемся друзьями», – и обнял Примакова.

Здесь можно было бы поставить точку. Но после своего ухода с поста главы правительства в жизни Примакова начался новый этап. Не сбылась надежда его недругов, что уход с поста премьера поставит точку в биографии Примакова-политика и очень скоро о нем забудут. И вот что удивляло: рейтинг Примакова после отставки не снизился, а продолжал расти. Я помню, как при нашей встрече на вопрос Примакова об этом – почему? – я ответил с улыбкой: «Все логично, Евгений Максимович. Надежда умирает последней. Общество надеется на ваше возвращение в политику и ждет его».

И это случилось. Произошло объединение двух ярких личностей – Примакова и Юрия Михайловича Лужкова. В преддверии приближающихся выборов создается движение «Отечество», которое очень скоро соединится с движением «Вся Россия». Его возглавляли и вошли в него президент Татарстана Шаймиев, гу-

бернатор Петербурга Яковлев, президент Ингушетии Аушев, Аграрная партия во главе с Лапшиным и Куликом, а также профсоюзные и женские организации. Это объединение двух движений получило название «Отечество – Вся Россия».

Движение успешно вело предвыборную кампанию, претендовало на лидерство и вполне могло составить конкуренцию лидеру гонки КПРФ. Состав руководства не мог не вызывать симпатий у избирателя.

А далее сошлюсь на слова Примакова, оценивающего сложившуюся ситуацию: «Не буду описывать всю беспрецедентную – можно сравнить только с геббель-

совской пропагандой – клевету, обрушенную на нас с Лужковым теми же лицами, с которыми жизнь развела по разные стороны баррикад, когда я находился в правительстве. Администрация президента дирижировала этой кампанией, считая нас главными противниками.

Бесстыдству не было предела. Апогеем стал показ на телевидении фильма об операции в одной из московских клиник, аналогичной той, которую мне еще предстояло сделать. Экран телевизора заливало море крови, это сопровождалось вкрадчивым баритоном на все способного ведущего Доренко, который, уставившись в текст «суфлера», вздохнул «импровизировал» на тему о том, что я стремлюсь в президенты, так как мне это поможет непрерывно лечиться.

Не в последнюю очередь страх наших недругов подогревался растущей популярностью движения ОВР – «Отечество – Вся Россия» и его лидеров. Это отчетливо проявлялось не только в рейтингах, но и во время многочисленных встреч с избирателями в различных регионах России. В таких условиях и родился «стратегический замысел» – за несколько месяцев до выборов создать послушное политическое движение «Единство» и с помощью административного ресурса обеспечить ему хотя бы второе место после КПРФ в Госдуме. На этой идее сошлись администрация президента и кучка бизнесменов. Из администрации пошли прямые указания губернаторам – сделать все, чтобы победило «Единство». Конечно, не все подчинились, но многие губернаторы, которые еще накануне превозносили ОВР, отводили при встрече глаза в сторону или разводили руками: мол, поймите нас, мы зависим от финансовых трансфертов из центра. Говорили, что не обошлось без фальсификации». Таковы откровения самого Примакова.

Операция лужковско-примаковских оппонентов закончилась успехом. ОВР было оттеснено на третье место. В администрации потирали руки. Березовский

не уставал повторять, что именно он – автор этих гениальных идей. И в пылу полемики с участием Путина заявил, что он финансировал продвижение «Единства» в парламент. Ожидая от Путина благодарственных слов, он услышал нечто иное: «Я вас об этом не просил, Борис Абрамович. Это была ваша инициатива». Как говорят в таких случаях, Путин умыл Бориса Абрамовича, дав жестко понять – не наш.

Даже третье место в предвыборной гонке было очевидным и громким успехом для только что созданного Юрием Лужковым и Евгением Примаковым движения. Сейчас, оглядываясь назад, я должен признать: блок ОВР был значимым политическим замыслом, сумевшим собрать в свои ряды выдающихся лидеров. И я вправе заявить, что мы упустили свой шанс. На тех выборах мы могли воплотить замечательную идею: Примаков – президент России, Лужков – премьер.

И нет никакого сомнения в том, что в этом случае развитие страны пошло бы совершенно по другому пути и мы имели бы совсем иные результаты в развитии экономики, если бы... Но увы, сослагательные наклонения в историческом развитии значения не имеют.

Дорогой Евгений Максимович! Спасибо Вам за все, что Вы сделали для нашей Родины. Вы были, есть и всегда будете с нами. Да поможет нам Бог навсегда сохранить память о Вас.

Остановись, прислушайся –
Жизнь рядом бьет ключом.

Евгений Примаков

Раздел 2

Ученый и журналист

Виктор Садовничий

Александр Дынкин

Владислав Фронин

Генрих Боровик

Генрих Юшкавичус

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович

Ректор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова с 1992 г.,
академик РАН

У него всю жизнь
хотелось чему-то
учиться

Евгений Максимович Примаков – выдающийся человек, у него всю жизнь хотелось чему-то учиться. Учиться исследовательскому мастерству, умению оперативно задействовать колоссальную информацию по самым разным проблемам и даже сферам знания – информацию, которой он располагал, удерживал в своей памяти и мог извлечь ее оттуда в любой момент. Учиться высококлассному владению всем этим багажом, навыкам обращения с ним. Учиться тому, как Евгений Максимович сам учился – и делал это постоянно на протяжении всей своей жизни. Наконец, учиться его виртуозным способностям работать с людьми – организовывать их, превращать разрозненных одиночек – пусть и талантливых или даже гениальных, но при этом все же ограниченных в своих индивидуальных возможностях – в слаженные и удивительно эффективные коллективы. И мне – именно как одновременно исследователю и организатору науки и подготовки будущих научных кадров, знающему все

тонкости, сложности и подводные камни такого рода деятельности, – подобные качества Евгения Максимовича представляются, без преувеличения, фантастическими.

Закончив аспирантуру Московского университета, Е.М. Примаков сразу же заявил о себе как серьезный аналитик. После Гостелерадио СССР – работа в газете «Правда». Его статьи о Ближнем Востоке отличались строгой логикой, всегда были доказательны. И мне, математику, даже тогда показалось, что Евгений Максимович профессионально знает математику. А позже я узнал, что в школьные годы он действительно очень любил математику и преуспевал в ней. Тогда это было заочное знакомство и восхищение молодого аспиранта механико-математического факультета выпускником экономического факультета – в то время корреспондентом Примаковым.

И вот – начало 90-х годов, бурное время политических перемен в стране. Евгений Максимович идет в политику. Он избирается в Верховный Совет СССР, становится председателем Совета Союза Верховного Совета СССР.

Когда Евгений Максимович возглавил Службу внешней разведки России, я был избран ректором Московского университета на альтернативных выборах, в очень непростое время для университета. Каково же было мое удивление, когда я получил звонок от Евгения Максимовича с приглашением пообедать. Мы говорили о сложной ситуации в университетской науке и образовании, об университетских делах. Зашел разговор о потоке уезжающих талантливых молодых специалистов, что очень волновало Е.М. Примакова.

Помню такой эпизод. Накануне мы вернулись с группой наших известных ученых из зарубежной поездки. В одной из стран нас курировал советник посольства, который не понравился ученым своим поведением, небрежностью в отношениях. Вскоре после

этого стало известно, что он оказался перебежчиком. Мы обсудили это с Евгением Максимовичем, я сказал, что видел его во время этой поездки, и выразил свое мнение. Надо было видеть выражение его лица! Он сказал: «Россия будет гордиться другими людьми. Россия будет великой державой. А это – “уплывет”, пена сойдет».

Когда Е.М. Примаков стал председателем правительства, мне кажется, одной из первых его деловых встреч была встреча, организованная по его инициативе, с ректорским корпусом. Он позвонил мне и сказал, что хотел бы принять 30–40 ректоров ведущих университетов, побеседовать об университетских делах. Это было необычно. Прошел кризис 98-го года, университеты были фактически на грани выживания. И вот – предлагается обсудить вопрос: как быть? Мы с волнением заходили в его кабинет в Доме правительства. Надо сказать, что Евгений Максимович так построил беседу, что мы стали понимать, что он выведет нашу экономику и страну в целом на более устойчивый путь. Он сказал нам, ректорам, что университеты будут чувствовать себя лучше. «Потерпите, я это сделаю», – сказал он. И мы видели его профессиональные шаги по стабилизации экономики. Он выполнил всё, что обещал нам на этой встрече. Очень жаль, что председателем правительства он был так недолго.

Может быть, я был одним из первых, кому Е.М. Примаков сказал о предложении президента возглавить Торгово-промышленную палату. «Я согласился, – сказал он, – потому что думаю, что я могу помочь нашей экономике и нашему президенту». Пробыв на этом посту два срока, почти 10 лет, он сделал много позитивного, придав Торгово-промышленной палате функции штаба промышленности, объединения промышленников для выработки экономической политики в новой экономической ситуации, в рыночной экономике.

14 лет Евгений Максимович возглавлял «Ртутный клуб». Я был членом этого клуба, и каждое заседание

было событием. Доклады президента клуба слушала вся элита нашей страны. Приходили министры, заместители председателя правительства, лидеры фракций Государственной Думы. Все доклады сопровождалась абсолютной тишиной. Зал пытался поймать каждое слово. Эти доклады становились затем предметом широкого обсуждения, они направлялись руководству страны.

Политика оставалась одним из главных профессиональных интересов Е.М. Примакова. По его инициативе было создано Российское общество политологов, почетным президентом которого он оставался до конца жизни.

Последние годы мне выпала честь работать вместе с Евгением Максимовичем в президиуме Совета по

науке и образованию при президенте нашей страны. Какие бы вопросы ни обсуждались, Примаков всегда приходил на заседания с подготовленными, хорошо проработанными материалами. Его выступления всегда ждали, они, как правило, подводили итог всей дискуссии. А после мы пили чай, и дискуссия продолжалась.

Это был удивительный человек, умевший хорошо, выразительно говорить, обладавший великолепным чувством юмора. С ним всегда приятно было находиться рядом и учиться у него, тем более что он часто приезжал в Московский университет, читал лекции студентам, любил с ними общаться. Университет высоко оценил выдающиеся заслуги Евгения Максимовича, присвоив ему два высших университетских звания: «Почетный профессор» и «Почетный доктор Московского университета».

И еще один эпизод из ранней его биографии. Бурное время – конец 80-х и начало 90-х годов. Он активно участвует в политической жизни страны. Одна из встреч с москвичами проходила в театре имени Натальи Сац, недалеко от Московского университета, и мне было поручено ее вести. Я волновался и рассказал собравшимся – более тысячи человек – такую историю. Однажды, когда я был в одной из европейских стран, сотрудник нашего посольства рассказал мне, что он до этого работал в одной из стран Ближнего Востока. Шла война, воевали две группировки, город был разделен на две части. А Примаков прилетел, чтобы помирить враждующие стороны. Надо было перебраться через улицу, которая простреливалась насквозь. Нельзя было ступить ни шагу. Но он обязан был сделать этот шаг, и сделал его: нашел вертолет, перелетел над обстреливаемой улицей на другую сторону и вступил в переговоры. Ему удалось тогда на время помирить враждующие группировки. Эту историю я рассказал залу. И все стоя аплодировали Е.М. Примакову.

ДЫНКИН Александр Александрович

Академик РАН, директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН

Мыслитель

Нелегко думать и писать о Евгении Примакове в прошедшем времени. В наших отношениях было много личного. Одну из последних своих книг он подписал «другу», приходил на день рождения. И я бывал часто у него в гостях, вместе летали за границу и на спецборте председателя правительства – по России.

Мне сильно повезло, что почти вся жизнь с аспирантских лет и до 2015 года так или иначе находилась в поле притяжения этой уникальной личности.

Вспомнился один скромный ужин в его кабинете в ИМЭМО в честь Нанни Брегвадзе после концерта для сотрудников. Искрометный тбилисский юмор, акцентированное грузинское произношение, соблюдение всех обычаев кавказского застолья. Раскаты хохота перекрывали шутки Евгения Максимовича. При этом постоянное подтрунивание над самим собой. Он никогда не ходил по жизни с «походно-переносным пьедесталом». Пару десятков лет спустя, будучи уже директором ИМЭМО, решил встретить его у входа в институт. Это было скоро после отставки с поста председателя правительства. Он меня сильно отчитал: «Думаешь, заблу-

жусь, или тебе делать нечего? Чтобы этого больше не было».

Конечно, не попасть под обаяние такой личности, под магнетизм мыслителя, великого труженика и провидца было, наверное, невозможно. Он это чувствовал, аккуратно и деликатно – и не очень деликатно –ставлял. Учил отношению к людям, науке, политике, стране. Заставил сесть за докторскую. Сказал: «Пора, хватит бегать: записки, командировки, статьи... Даю три месяца отпуска, поддержку на Ученом совете. Не напишешь – спишу из команды». Прихожу с диссертацией через оговоренный срок, напоминаю об Ученом совете. Говорит: «Не выйдет, я сегодня последний день в ИМЭМО. Вчера Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что я нужен в Верховном Совете».

В 60 лет Евгений Максимович вошел в большую политику. Через 9 лет стал председателем правительства России. На всех государственных постах – в Верховном Совете, Совете безопасности СССР, СВР, МИД уже новой России – не забывал про ИМЭМО. Так сложилась его жизнь, что ИМЭМО был его первым и последним местом работы. Не прерывались и наши отношения, несмотря на высокие государственные посты: аналитика, экспертиза, мониторинг, прогноз – то, что может дать серьезный аналитический центр, а именно так он относился к ИМЭМО, – его интересовало всегда. Ему всегда нужен был вневедомственный, объективный научный взгляд на проблемы мировой экономики, международных отношений, военно-стратегические балансы. И конечно, его интересовала экспертиза по ключевым проблемам развития России.

В августе 1998 г. поздравил его с назначением премьер-министром, выразил восхищение его мужеством. В ответ: «Предлагаю тебе стать моим помощником по экономике. Имей в виду, судьба правительства не будет легкой. Решай, на размышление – сутки». Так сложилось, что в эти дни скончался мой отец. Сказал

Евгению Максимовичу об этом. Он выразил соболезнование, спросил, нужна ли помощь. Ответил, что нет и что через три дня буду в Белом доме. Так стал свидетелем и, надеюсь, действительно помощником в исключительно драматические дни и ночи Примакова на пятом этаже Дома правительства.

Во время первой встречи в кабинете премьера Примаков сказал: «В обществе, в экономике ситуация критическая. Не время длинных программ или стратегий, надо познакомиться с реальной обстановкой, вызывая любых чиновников. Потом возьми бумагу, раздели пополам. Слева напиши, что считаешь необходимым и первоочередным, справа – что правительство не будет делать никогда. Срок – неделя». Слева получилось больше тридцати пунктов. Первым пунктом было расширить неплатежи, вторым – сбалансировать бюджет на 1999 г. Где-то в середине – закончить Северный завоз. Наши предшественники этим не озаботились. Справа пунктов было меньше: не допускать масштабной национализации, не отменять конвертируемости рубля, не восстанавливать монополии внешней торговли. А таких желающих было в то время – и даже сейчас – много. Примаков сильно переработал эти три страницы: вычеркивал, переставлял, добавлял. Но именно этот текст стал основой работы правительства.

Невозможно было не восхищаться политическим мастерством, тонкой интуицией Евгения Максимовича. В тяжелую осень и зиму 1998 г. консолидация всех ответственных и просто вменяемых политических сил общества была неотложной задачей. При этом он был начисто лишен политического сектантства, ориентацией на «плохоньких, но своих». А такой подход свойственен, к сожалению, мелким политическим «вождям». Видел таких в его кабинете. Трусливо отказывавшихся от постов в коалиционном правительстве, надеявшихся пересидеть шторм, не подставляться, но тем не менее пытавшихся «вставлять свои пять копеек» – или даже палки – в колеса.

По поводу таких деятелей Евгений Максимович хорошо написал: «...но нас не тем судить, кто даже ногу не поставил в стремя и только поучает всех, как жить».

Примаков стремился к широкой политической коалиции, отсекая лишь ультраправые или ультралевые взгляды. И эта коалиция во многом удалась. Без его авторитета, умения убеждать оппонентов высшими интересами страны Дума никогда не приняла бы первый в истории новой России сбалансированный бюджет.

Много позже спрашивал Евгения Максимовича:

– Зачем вы тогда согласились стать премьером? Ведь вы же предвидели развитие событий еще в августе 1998-го. А уже в конце февраля 1999-го предупредили меня о скорой отставке.

– Да, Саша. Но это политика. Главное – мне удалось отвести угрозу гражданской войны, которую полагал реальной осенью 1998-го. А Россия не выдержала бы еще одной «гражданки», революции или переворота.

Опыт антикризисной стратегии Примакова далеко не изучен, хотя здесь много примеров продуманного действия. В частности, не было традиционного для России 90-х годов разрыва между политикой и экономикой. Более того, это яркий пример того, что краеугольные основы неolibеральной теории, утверждающей, что важны исключительно интересы и стимулы, имеют свои пределы. Это необходимое, но отнюдь не достаточное условие. Особенно в нестационарной социальной динамике. Успешная контрциклическая политика должна опираться на этические ценности: совесть, честь, достоинство, культуру. Этого Примакову было не занимать. И люди в своей массе, и экономические агенты разделяют эти базовые моральные принципы. Они соответствуют человеческим убеждениям и ценностям и поэтому встречают поддержку, даже несмотря на часто конфликтные интересы. Искусством найти эту срединную линию Евгений Максимович обладал сполна.

Как-то у меня брали интервью и попросили описать его «одним словом». И я сказал, что это был мыслитель. Но отнюдь не кабинетный. Его темперамент, его страстная любовь и боль за свою страну сделали его политическим лидером мирового масштаба.

Его работы и книги – это хрестоматия, энциклопедия, с которой нужно постоянно сверяться при принятии сложных решений как по самым острым проблемам международных отношений, так и по вопросам внутренней политики и экономики России.

Примаков, блестящий арабист, много думал и писал об угрозе исламского фундаментализма и радикализма, полагал, что интеграция исламской умеренной традиции в глобальное демократическое общество возможна, но в условиях полицентричной, «многоцивилизационной» международной системы. Ситуация и конфликты на Ближнем Востоке – особая тема, где в полной мере проявился талант Примакова-востоковеда, дипломата, занимавшегося по просьбе В.В. Путина «челночной дипломатией» – в качестве специального представителя президента России он вел переговоры с главами государств региона по самым деликатным проблемам.

И здесь, в силу глубокого знания и тонкого понимания региона, его прогнозы оказались особенно точными. В первую очередь это касается Ирана. Примаков был уверен, что предотвращение получения Ираном собственного ядерного оружия может быть обеспечено только при коллективных, согласованных усилиях мирового сообщества, в первую очередь со стороны России и США. Соглашения по иранской ядерной проблеме были подписаны через три недели после кончины Примакова.

Процесс глобализации, переживающий сейчас структурный кризис, академик Примаков рассматривал в динамике, именно как процесс, указывал на особую роль в нем прорывных инноваций. Еще в 2009 г. он предсказал, что развитые государства будут постепенно

оттесняться более быстро развивающимися азиатскими странами. Статистика 2015 г. полностью подтверждает это положение Примакова.

Примаков считал, что разразившийся в 2008-м мировой кризис означает торможение неолиберализма, подчеркивал, что в борьбе с кризисом применяются главным образом инструменты государственного регулирования, а не неолиберальные меры. Тем не менее он полагал, что конкуренция, а не монополизация – мотор инновационной экономики. Кризис рождает инновации: горизонтальное бурение, гидроразрыв пласта, планшетный компьютер, облачное программирование появились именно в 2008–2009 гг.

Примаков-ученый анализировал причины отставания России в инновационном развитии.

Примаков-практик, возглавлявший Торгово-промышленную палату РФ, формулировал практические рекомендации по обеспечению рывка в модернизации экономики.

Академик Примаков ввел новый термин – стратегические ценности, – прежде всего применительно к российско-американским отношениям. Это в первую очередь противодействие расползанию ядерного оружия, ограничение и сокращение ракетно-ядерных вооружений, урегулирование региональных конфликтов. В нынешней сложной ситуации, полагаю, стратегические ценности могут послужить ключевым понятийным инструментом, способным вернуть к общему знаменателю позиции России и Запада. Примаков считал, что, несмотря на большое количество серьезных разногласий, альтернативы взаимодействию России и США нет.

Примаков – политик и ученый мирового масштаба. В частности, он занимался анализом современных особенностей и проблем функционирования международных институтов, в частности, ООН. Примаков был участником Группы высокого уровня, созданной в свое время генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. На основании научного анализа и личного опыта ака-

демик Примаков предлагал практические рекомендации по реформированию ООН.

Наследие Примакова огромно – это десятки книг, сотни статей, выступлений по самым острым проблемам международной отношений, внутренней политики и экономики России. Перед учеными стоит очень важная для страны, но не менее важная и интересная с научной точки зрения задача по изучению и анализу творческого наследия академика Примакова. Уверен, оно очень долго не утратит своей актуальности.

Не могу не вспомнить и особый опыт общения Примакова со средствами массовой информации. Примаков, часть жизни которого была посвящена журналистике, подходил к этой работе с очень высокими

стандартами – и профессиональными, и моральными. Очень остро реагировал на откровенную ложь. Я вспоминаю, как осенью 1998 г., когда было самое горячее время в правительстве, он иногда слишком долго, с моей точки зрения, не мог оторваться от газеты, возмущался и говорил: «Как так можно писать, это же неправда, это клевета, это ложь!» И так бывало не раз и не два. И когда я ему говорил: «Евгений Максимович, выкиньте эту газету в помойку, всё проплачено, а график сегодня жесткий», – он отвечал: «Нет, этого не может быть, чтобы журналист такое написал». И слово «журналист» он произносил с «большой буквы».

В общении со СМИ он был очень щепетилен. Были те, кому он доверял полностью и общение с кем у него никогда не вызывало вопросов. Но были и те, к кому он относился достаточно настороженно, особенно когда было известно, что это – «слуги» сомнительных «хозяев». Однако он никогда не был закрытым для общения с любыми средствами массовой информации. Позже, конечно, пришло понимание цинизма современной журналистики. И когда продажный телекиллер заливал телевизионные экраны бутафорской кровью якобы больного Примакова, это у него уже не вызывало сильных эмоций, кроме, пожалуй, презрительной усмешки, да хлесткого эпитета.

Важная часть научной и профессиональной жизни Примакова – разработка и реализация метода ситуационного анализа для изучения острых международных проблем и прогнозирования развития ситуации, за что Евгений Максимович получил Государственную премию. По его инициативе в Российской академии наук был создан Центр ситуационного анализа, опиравшийся, естественно, на ИМЭМО, где Примаков был научным руководителем. Он успел провести десятки ситуационных анализов, тщательно готовился, сам отбирал экспертов, редактировал результаты, которые постоянно направлял высшему политическому руководству страны.

Метод ситанализа предполагает взвешивание всех факторов, прямо или опосредованно влияющих на конкретную ситуацию. Разрешение ситуации может быть многовариантным, но нужно стремиться к такому решению, которое в наибольшей степени соответствует интересам страны и одновременно несет минимальные издержки. Потому что каждое решение содержит не только возможности, но также и риски или, хуже того, угрозы.

Пример последних – договоренности по ядерной программе Ирана. При анализе этой ситуации в ИМЭМО мы, конечно же, учитывали те вероятные издержки, которые принесет снятие санкций с Ирана. Прежде всего в торговле энергоносителями. Но, с одной стороны, плюсы решения ядерной проблемы Ирана для международной безопасности очень велики. С другой стороны, если вы понимаете сопутствующие риски, вы можете искать пути их нивелирования – путем работы с партнерами, поиска новых, в том числе иранских, рынков и пр.

Точно так же обстоит дело и с самой острой на сегодняшний день проблемой Сирии. Риски военного участия России в Сирии были, конечно, велики, но и упустить возможности было нельзя. И это мы уже видим по развитию международной ситуации.

Примаков любил ИМЭМО, это был его институт, он его выстраивал, ставил острейшие исследовательские проблемы, подбирал людей. У него здесь осталось очень много друзей. Поэтому через день, когда его не стало, Ученый совет по моему предложению выступил за присвоение институту его имени Примакова – решение было единогласным. ФАНО России поддержало наше решение: 24 июля 2015 года институту присвоено имя Евгения Максимовича Примакова. На мой взгляд, это справедливое решение, хотя и минимальная дань великому человеку.

ФРОНИН Владислав Александрович

Главный редактор «Российской газеты»

Уроки профессионализма и ответственности

При всей парадоксальности ситуации о закрытой для любопытных глаз деятельности Примакова на посту директора Службы внешней разведки или посту министра иностранных дел известно и пишется больше, чем о том, с чего он начинал, о том, откуда берут начало примаковские истоки, – о его журналистике.

Глобальное информационное пространство так же, как, скажем, экономическое или торговое, постоянно сотрясают свои информационные войны. Они ведутся новым технологическим инструментарием, который позволяет максимально быстро донести информацию до миллионной аудитории.

В разы выросла ответственность СМИ в турбулентном мире. Это ответственность за умение использовать информацию, чтобы донести до аудитории правду и истинный глубинный смысл происходящих процессов. Тут одного – хотя и мощного – Интернета недостаточно. Главными условиями успеха остаются профессионализм самого журналиста, его умение проанализировать

зировать события, сопоставить факты, точки зрения, мнения. Ключевым словом для журналиста и читателя, зрителя – или, говоря современным языком, потребителя информации – остается доверие.

Журналист Евгений Максимович Примаков своим многолетним опытом работы преподавал замечательные уроки высочайшего профессионализма и ответственности.

Многие хорошо помнят Евгения Максимовича Примакова журналистом «Правды», собкором по Ближнему Востоку, чьи статьи уже тогда здорово отличались от строго размеренного «правдинского» стиля. Что такое настоящий журналист-востоковед? Это тот, кто при ответе на вопрос «куда ехать?» – в Сирию, Египет или Францию – без долгих размышлений выбирает совсем не Париж, а Каир. Вот таким и был Примаков.

Мой коллега Всеволод Владимирович Овчинников, в свои «солидные» годы по-прежнему работающий в «Российской газете», не устает повторять, что у востоковедов выше и работоспособность, закаленная изучением труднейшего языка, и преданность делу. И снова это на 100 процентов относится к Евгению Максимовичу, у которого не просто многие годы, а вся жизнь была связана с арабским Востоком.

Как-то мне на глаза попала небольшая, изданная крошечным тиражом книжица, в которой наши знаменитые востоковеды рассказывали о лидерах этого «своего» региона. И, отбросив комплименты, чисто почитательски сразу бросились в глаза две главки, написанные изящным, точным, довольно категоричным пером Примакова. Как он представил Арафата, с какой симпатией, но и неоднозначностью показал он эту сложнейшую фигуру! В ней Ясир предстает и другом, и хитрющим переговорщиком, всегда тянущим одеяло на себя, и абсолютно трезвомыслящим человеком, вдруг умеющим уступить, пойти навстречу в момент кульминации, когда кажется, что все пути к решению

проблемы им же, Ясиром Арафатом, и отрезаны. Иногда мне видится, будто Евгений Максимович что-то заимствовал из этого арабского хитросплетения, перенес кое-что и в нашу сначала советскую, а затем и российскую – порой совсем не черноземную для таких пересадок – почву.

А начало журналиста Примакова было стандартным – иновещание. Теперь – не с моей, а с точки зрения молодых коллег – иновещание считается не совсем престижным, уступая место и телевидению, и интернетовскому блогерству, да много еще чему. Но в середине так удалившихся от нас 1950-х попасть в редакцию Главного управления радиовещания на зарубежные страны считалось огромной удачей. Тем более для молодого человека, только что закончившего Московский институт востоковедения и его аспирантуру. А Примаков попал, был приглашен. И поразила всех врожденными способностями. Его статьи, зачитываемые носителями непростого арабского языка, нравились сложной, далекой, зашоренной в своих собственных представлениях аудитории.

Тут я вижу несколько закономерностей. Да, талант, о котором уже говорил. А еще – глубочайшие знания арабиста, молодого, однако какого же вдумчивого, кропотливого, глубоко копающего ученого. Не нарушая – только бы попробовал! – устоявшихся советских догм, он умел преподнести событие не только в новостной, но и в аналитической плоскости. И при этом не впадал в бюрократизмы, трафареты, избегал высокого штиля, чем тогда даже не грешили, а промышляли и вполне квалифицированные журналисты. Тут проглядывала разница между профессионализмом и даром предвидения, умением представить, что будет, если... Впро-

«Его статьи, зачитываемые носителями непростого арабского языка, нравились сложной, далекой, зашоренной в своих собственных представлениях аудитории»

чем, однажды, уже позже, Примаков чуть не получил по первое число от работника ЦК, посчитавшего, будто журналист перед переговорами выдал государственную тайну, оповестив читателя, а заодно и трудных партнеров о советской позиции на грядущей встрече. И Евгению Максимовичу пришлось доказывать – а он это умел, – что он не видел никаких секретных бумаг. Рассказал о переговорах так, как они ему видятся, без подсказок. То, над чем работал отдел ЦК, журналист и ученый (этих двух понятий мне не хочется разделять, говоря о Примакове) предвидел, четко сформулировал и «выдал».

Шесть лет работы на радио закончились приглашением в святая святых – газету «Правда». Сейчас об этом источнике информации почти забыли, о нем вспоминают либо с иронией, либо с легкой ностальгией. Но в 1960-е «Правда» была не просто главным советским рупором, а командой высоких профессионалов. Работать в «Правде» было престижно. И Примаков получил приглашение от заместителя главного редактора Иноземцева не куда-нибудь, а в важнейший отдел – международный. Для тех, кто не знает, не знал или забыл, – отдел «ино» любой газеты считался местом для небожителей. А уж «правдинский» международный, откуда журналисты выезжали собственными корреспондентами в далекое зарубежье, был мечтой для каждого мастера пера, знавшего языки. И Примаков попал в свою стихию. Сначала корреспондент, обозреватель, а потом и заместитель редактора международного отдела по странам Азии и Африки, он сразу, как мы говорим, пробился на полосу. 1962–1965 – годы труднейшего (хотя когда было иначе) противостояния между Египтом, да и всем арабским Ближним Востоком и его вечным противником – Израилем. Сложнейшие политические маневры, бесконечные переговоры, попытки перетягивания на свою сторону казавшихся Москве перспективных лидеров типа Насера с вручением ему

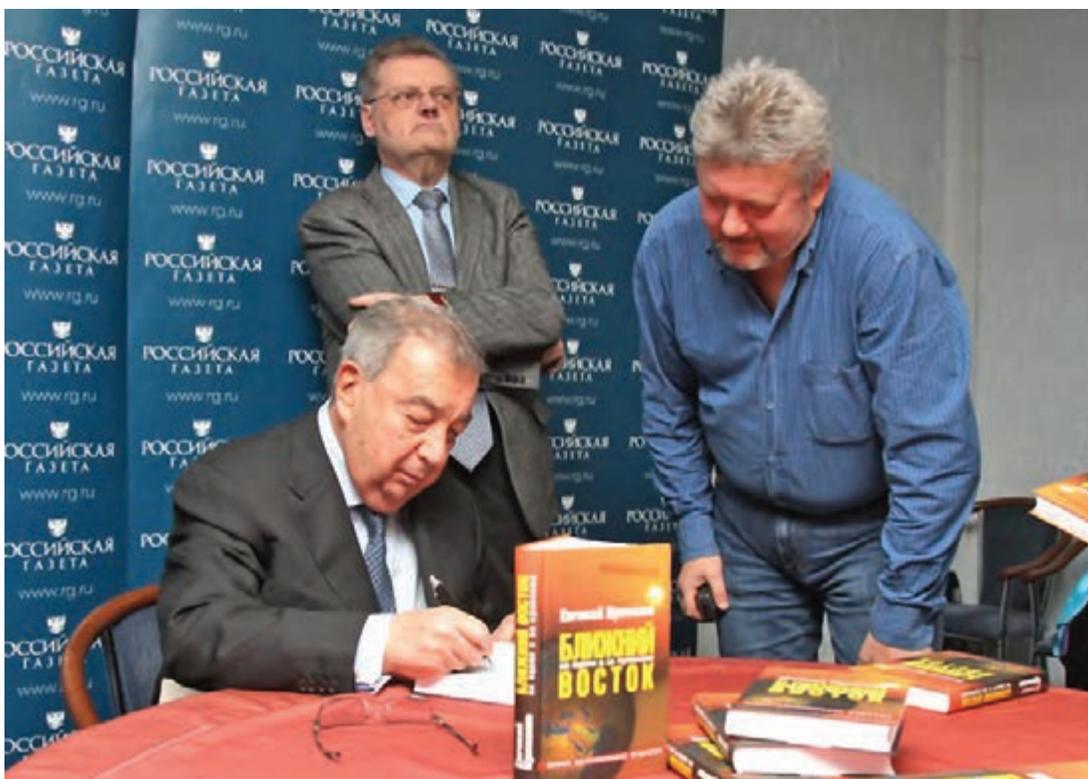
и ближайшему его стороннику звания Героя Советского Союза, что вызвало в СССР бурю – хотя и всего лишь кухонную. Во всем этом Примаков купался как уже набравшийся опыта пловец, досконально изучивший свою ближневосточную акваторию. Его статьями зачитывались подписчики. И не только. На глазах идеологической верхушки созревал феномен Примакова. Журналист превращался – нет, не в писателя, а в политика.

И Примаков в знак признательности за это был послан собственным корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он попал в самый разгар событий, войн, поражений. За событиями мы следили его глазами. Верно выбранный тон – строгий, суховатый, всегда ему свойственный. Но за этой «правдинской» строгостью сколько искренности! И какие подробности, подмеченные не просто созерцателем событий, а их участником. Не описание, а сопереживание. Вот то качество, которое сегодня в российской журналистике в таком дефиците. Не голословная поддержка, а доказательство правоты молодых ближневосточных лидеров. И даже катастрофические поражения друзей не смущали Примакова. Он видел, предугадывал, что их время еще придет, настанет.

Корреспонденту удалось совершить редчайший прорыв, почти недостижимый в журналистике, особенно той поры. Его герои – руководители арабских государств – превратились в его друзей. Дружбу с вершителями судеб арабского – и не только – мира Примаков сумел обратить на пользу Родине.

И годы спустя он вылетал на встречи с друзьями, чтобы помочь новой, молодой России добиться взаи-

«И даже катастрофические поражения друзей не смущали Примакова. Он видел, предугадывал, что их время еще придет, настанет»

мопонимания с теми, кто был взращен – нет, не им, но в его времена. Другого такого примера мне не видится.

Мне кажется, та долгосрочная командировка убедила людей, от которых во многом зависела судьба Примакова и таких, как он, что засиживаться в журналистах собкору по Ближнему Востоку нечего. Евгений Примаков способен еще и на гораздо большее. Нет, ему не тесно в журналистских рамках, что Евгений Максимович демонстрировал до конца своей долгой и счастливой жизни. Но круг талантов, способностей Примакова гораздо шире, разнообразнее.

И началась иная жизнь. Жизнь крупного политического деятеля мирового масштаба.

Мне обязательно хочется отвести от Примакова обвинения, часто представителями моей профессии выдвигаемые, в том, что не любил директор разведки, министр иностранных дел и премьер-министр общаться с журналистами. Да, Евгений Максимович с осторожностью, с большим и тщательным выбором шел на беседу, интервью. Но почему? Да потому что невольно мерил бывших (хотя журналисты бывшими, как и разведчики, не бывают) коллег по себе. Разве позволял он себе что-то додумывать и дописывать за собеседника, как это мы видим сплошь и рядом в современных российских СМИ? Или грешил неточными цитатами? Или в погоне за сенсационным высказыванием выдавал собственный наводящий вопрос за изречение собеседника? И как мог, к примеру, перенести премьер Примаков утечку информации из Белого дома? Ведь среди представителей СМИ, приглашаемых на брифинги и предупрежденных о том, что обсуждаемые вопросы «не для печати» (off the record), всегда находились мастера, выплескивающие сказанное на страницы газет и на просторы Интернета. Тогда эту практику встреч пришлось прекратить.

С такими «коллегами» ему было работать трудно. И он, однажды обжегшись на чьей-либо небрежности, мысленно вычеркивал объект из своих возможных контактов. Сурово? Но Евгений Максимович мерил нас по собственным и очень высоким меркам.

БОРОВИК**Генрих Аверьянович****Советский и российский
журналист-международник, прозаик****Он должен остаться
для нас великим
человеком**

Я очень хорошо помню Евгения Максимовича с давнего времени – с тех самых пор, когда он еще занимался журналистикой как основной профессией. Он делал свое дело особенно, не как многие другие, которые рассматривали перо как ремесленный инструмент, которым можно лучше или хуже, но как-то устраиваться в жизни. Именно ремесленный инструмент – но никак не штык, если вспомнить сравнение Маяковского, не как предмет культовый, сакральный, предназначенный для осуществления некой высокой миссии. Евгений Максимович, Женья относился к своей профессии именно как к служению. Поэтому для него просто не стояло вопроса о том, может ли в принципе журналист говорить заведомую неправду, – потому что для него было совершенно очевидно, что журналист для того и существует на свете, чтобы делать как раз обратное: говорить правду и только правду. Точно так же для него не было вопроса о пределах допустимого, о том, может ли журналист

«Многие наши современники-журналисты стремились узнать его мнение о своих сочинениях и публикациях, и среди них не было никого, кто, выслушав мнение Жени, не воспринял бы его или не согласился с ним»

ради каких-то соображений – пусть даже элементарной собственной безопасности – что-то утаить, недосказать, переиначить. Он сам всегда писал смело, искренне, интересно – и считал, что точно так же должны писать и другие его собратья по цеху.

И я безмерно благодарен Жене за его внимательное, чуткое, но вместе с тем повышенное в своих требованиях отно-

шение к тому, что писал в то время я и чем делился с ним, спрашивая его совета, рассчитывая на ту или иную консультацию, да и просто на оценку профессионала. Он всегда с интересом прочитывал мои тексты, прямо говорил, что ему нравилось – а что нет, с чем он согласен – а в чем сомневается. И не только я один. Многие наши современники-журналисты стремились узнать его мнение о своих сочинениях и публикациях, и среди них не было никого, кто, выслушав мнение Жени, не воспринял бы его или не согласился с ним.

Лично мне всегда нравилось всё, что он писал. И я как-то даже и не сомневался в том, что он всю свою жизнь будет журналистом. Ну, потому что кем же еще мог быть этот мастер пера – думал я, – куда же еще стремиться, если тебе столько дано из того, чем обделены многие другие? Но время показало, что я ошибался. Он был мастером не только пера, но и всех остальных направлений своей деятельности, которыми он занимался после того, как оставил журналистику. И хорошо, что оставил – иначе кто бы сделал всё то на благо всех нас, что сделал Женя как политик, как государственный человек?

Я хорошо помню, как обожал его Артем. А Женя, в свою очередь, с пристальным вниманием следил за его

шагами и успехами в журналистике – советовал, наставлял, подсказывал, делился собственными приемами, которыми к тому времени уже давно не пользовался, поскольку писал больше академическим стилем или языком идущих наверх аналитических записок.

О Жене можно еще долго и много говорить, вспоминать его, изымать из памяти какие-то факты или события, связанные с ним. Но это будут лишь иллюстрации к главной мысли: он останется – нет, еще более определенно, он должен остаться для всех нас великим человеком.

ЮШКЯВИЧЮС Генрих Зигмундович

Заместитель председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР в 1971–1990 гг., заместитель генерального директора ЮНЕСКО в 1990–2001 гг., советник генерального директора ЮНЕСКО с 2001 г.

Здесь был Примаков

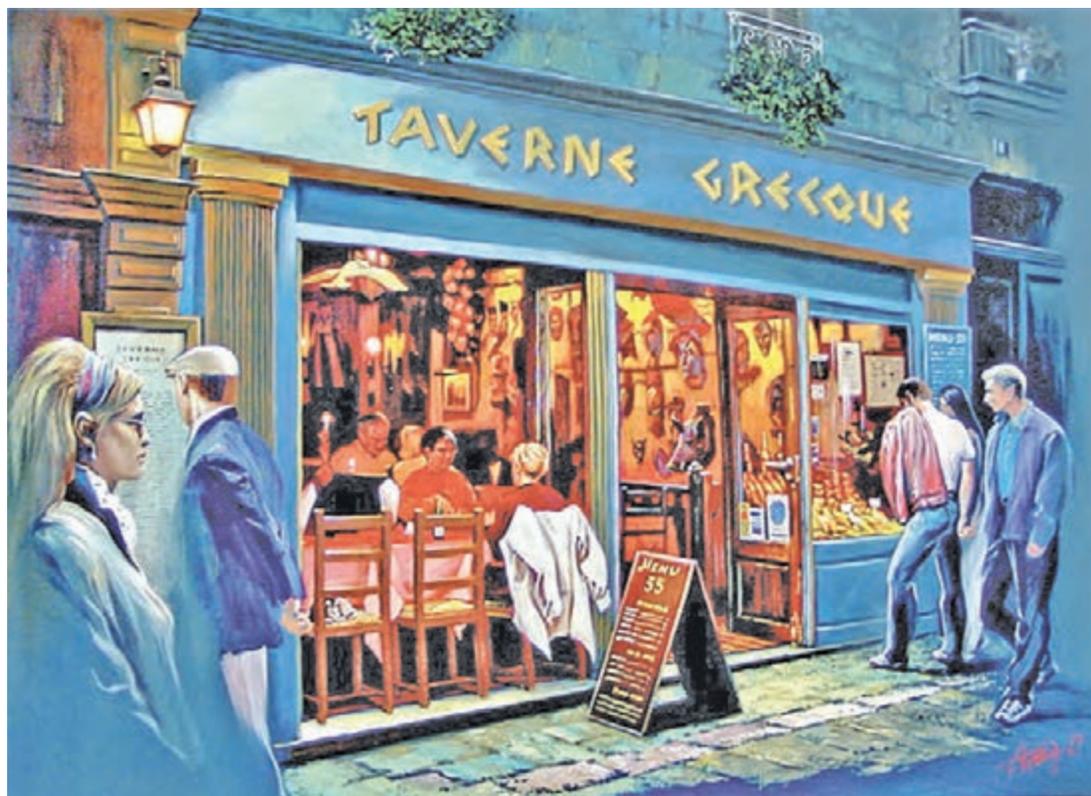
С Евгением Максимовичем я познакомился благодаря нашему общему товарищу Валерию Кузнецову и имел возможность с ним общаться в неофициальной обстановке. Кстати, Евгений Максимович не разрешал мне к нему обращаться по имени-отчеству и просил называть его просто «Женя».

У Евгения Максимовича было природное чувство юмора. Он всегда был в хорошем настроении, весел, был душой компании.

После заседаний Совета Союза Верховного Совета СССР, где он сидел в президиуме, Примаков часто жаловался: «Ну что вы меня так некрасиво показываете? У меня там такое лицо неприятное. Ничего с этой камерой нельзя сделать?» Я всегда отвечал: «С камерой ничего не поделаешь, только с лицом».

Когда он стал руководителем внешней разведки, я его спросил, зачем ему это понадобилось. Он ответил: «Хотел посмотреть свое личное дело». Вечно шутил. Но однажды его голос был тревожным. По субботам я

обычно работал в своем кабинете Гостелерадио на Пятиницкой. «Генрих, я звоню тебе из Баку. Срочно прилетай! Здесь критическая ситуация. Взорвали телевизионную станцию, и ее надо срочно восстановить. Город полон слухами, что азербайджанцы будут резать русских. Это совершенно не соответствует действительности, но беженцы уже атакуют аэропорт. Нам нужно как можно скорее восстановить вещание и донести до людей правдивую информацию».

Я прилетел в Баку – и сразу на встречу с Примаковым. В его кабинете слушаю сбивчивые рассказы военных о том, что погромщики взорвали телевидение и

что нужно два месяца для ее восстановления. Оказалось, что этот взрыв организовали сами военные и, к счастью, уничтожили не саму телевизионную станцию, а питающую ее электростанцию.

Вместе с азербайджанскими работниками телевидения нашли другую ближайшую подстанцию, проложили кабель, и уже через шесть часов телевидение заработало. Панику удалось остановить.

Я присутствовал на заседании, где местные руководители требовали применения жестких мер против демонстрантов. Примаков сказал, что он этого не допустит. «Там есть лозунги и против вас», – говорили ему. «Это не имеет значения», – отвечал Евгений Максимович.

Позднее, когда я уже работал в ЮНЕСКО в Париже, мы всегда с ним встречались, когда он туда прилетал.

Евгений Максимович любил греческое вино рецина. В одну из своих командировок, когда он встречался с коллегами из французских спецслужб, он попросил меня сводить его в греческий ресторан в Латинском квартале. Вместе с ним, кроме личной охраны, был его помощник Роберт Маркарян. Я увидел ресторан «Греческая таверна», и мы туда зашли. Сели, заказали любимое вино Примакова, и он вдруг говорит Маркаряну: «Слушай, это не греческий, это армянский ресторан». Роберт удивился: «Как не греческий? Видите, и вино, и закуска греческая». Вдруг появляется хозяин ресторана и кричит: «Дорогой Евгений Максимович! Как я рад вас видеть!» Я говорю Примакову: «Всё, ваша секретная миссия коту под хвост. Потому что сейчас он попросит сфотографироваться вместе с вами и выставит фотографию в окно ресторана». Оказалось, хозяин действительно не грек, а армянин. Из тех армян, которые сначала вернулись в Советский Союз, а потом передумали и уехали обратно.

Хозяин Жан Гопикян оказался человеком жизнелюбивым. Жан говорил нам: «Ленин был прав, когда

«Вот что точно можно сказать про Примакова: он всегда говорил правду и только правду»

утверждал, что коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны. Но забыл сказать, что для хорошей жизни еще и работать надо». Хозяин не только не разрешил расплатиться, но и после этого армянско-французско-грече-

ского застолья настоял, чтобы мы продолжили ужин в русском ресторане. Было уже 3 или 4 часа утра, и мы отправились туда, провели незабываемую ночь в интересных разговорах. Как я и предполагал, в так называемом греческом ресторане хозяин попросил нас вместе сфотографироваться, правда, обещал сразу фотографию в окно не помещать. Но если вы будете в Париже, в Латинском квартале, и заглянете в окно греческой таверны, то увидите фотографию со всеми нами, еще молодыми и веселыми, и надпись: «Здесь был Примаков».

С Евгением Максимовичем в последнее время я часто встречался в Москве, навещал его, когда приезжал. Всегда поражало его объективное суждение, великолепное понимание международной обстановки и абсолютный отказ от любых конъюнктурных заявлений. Вот что точно можно сказать про Примакова: он всегда говорил правду и только правду.

Опять труба зовет в дорогу,
Но, как всегда, трублю я сам.
Не для меня сидеть в берлоге
Или вымалывать у Бога
Сонливых радостей мещан.

Евгений Примаков

Раздел 3

На невидимом фронте

*Михаил Фрадков
Вячеслав Трубников
Юрий Котов
Сергей Иванов
Григорий Рапота*

ФРАДКОВ Михаил Ефимович

Председатель правительства РФ в 2004–2007 гг.,
директор Службы внешней разведки в 2007–2016 гг.

Нераскрытые страницы биографии первого директора СВР*

Мы живем и трудимся в сложное время, когда многое из того, что было в прошлом, подвергается переосмыслению, критической переоценке. Но есть вещи, ценность которых неизменна. Среди них честь и достоинство, верность долгу, служение Отечеству, патриотизм и приверженность демократическим идеалам.

*Из выступления директора Службы внешней разведки
Е.М. Примакова по внутреннему радиоканалу СВР
6 мая 1994 г.*

Евгений Максимович Примаков пришел в разведку в конце сентября 1991 г., когда во весь рост встал вопрос о ее судьбе или, по крайней мере, содержании дальнейшей деятельности. После трагических августовских событий и развертывания «парада суверенитетов» четко обозначилась неизбежность крушения СССР, а вместе с ним и социализма в нашей стране. Появившиеся перспективы реинтеграции постсоветских государств в «общечеловеческую цивилизацию» побудили тогда некоторые горячие головы в кру-

* В тексте использованы цитаты из статей «Нам есть чем гордиться» («Родина», 2010, № 12), «Закон разведки» («Московский комсомолец», 20 декабря 1995 г.) и материалов «Внутреннего журнала СВР».

гах демократической общественности поставить под сомнение необходимость внешней разведки как института системы национальной безопасности. «У нас нет врагов, – твердили пропагандисты завязывания романтических отношений с Западом, – а значит, нет и надобности в добывании чужих секретов».

Осенью 1991 г. в лесном комплексе близ московского микрорайона Ясенево начала работу парламентская комиссия по проверке работы Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР, а по сути – по расследованию его возможного участия в подготовке и обеспечении действий ГКЧП. Несмотря на всю абсурдность самого предположения о причастности внешней разведки к августовскому путчу, многие сотрудники восприняли эту комиссию как «похоронную». Неопределенность возросла, когда стало известно, что в составе срочно укрепляемых структур безопасности РСФСР якобы формируются подразделения, нацеленные на сбор и оценку информации о международном положении и политике зарубежных государств. Как минимум, мог появиться конкурент, а не ровен час – и альтернативный ПГУ орган.

Между тем Академик, как он был уважительно прозван новыми коллегами, оставался невозмутимым и всем своим видом вселял спокойствие в других. Процесс вывода внешней разведки из состава КГБ шел планомерно. По указанию искушенного политика Е.М. Примакова парламентская комиссия работала в условиях наибольшего благоприятствования, что было тогда оптимальным решением. Хорошим знаком явилось то, что 6 ноября 1991 г. была создана Центральная служба разведки (ЦСР) СССР, естественно, с ним во главе – в качестве ее первого и единственного директора.

Однако минул всего лишь месяц, и 8 декабря в Беловежской пуще главы РСФСР, Белоруссии и Украины подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Советский Союз окончательно распался, и ЦСР оказалась между небом и землей. У кого-то, видимо, еще и теплились иллюзии относительно того, что служба может быть полезна новорожденному СНГ. Но Е.М. Примаков наверняка знал, что во многих бывших союзных республиках складываются собственные разведывательные структуры, а кое-где начинает поднимать голову национализм антироссийской направленности.

Так до конца и не известно, какие шаги к обеспечению выживания внешней разведки предпринял в последующие дни ее руководитель. О дальнейших событиях спустя многие годы рассказал он сам. В частности, о том, как позвонил Б.Н. Ельцину и, сославшись на его указ о переводе службы в российское подчинение, поинтересовался, кто этим будет заниматься. Евгений Максимович впоследствии вспоминал: «Б.Н. Ельцин ответил, что это не телефонный разговор, после чего я был у него. Он сказал, что лично мне доверяет, но после нескольких месяцев моей службы коллектив якобы относится ко мне неоднозначно. На это я ответил, что если бы вы мне не доверяли, то я бы ни минуты не разговаривал об этом, так как такой руководитель Службы внешней разведки стране не нужен. Я также сказал, что не чувствую плохого отношения в коллективе. Предложил Б.Н. Ельцину встретиться с руководством разведки, сказал, что это примерно 40–50 человек. На следующий день мы с ним уже были на этой встрече. Приезд Б.Н. Ельцина оказался неожиданностью для сотрудников, но 12 человек выступавших высказались за меня единогласно».

Случившееся в тот день подтвердил в одном из интервью В.И. Трубников, назначенный в январе 1992 г. первым заместителем директора СВР и возглавлявший Службу в 1996–2000 гг. По его словам, «выбор Е.М. Примакова был совершенно осознанным, потому что, уже придя в разведку, он утверждался президен-

том при активном участии СВР. Б.Н. Ельцин приезжал к нам, выслушивал мнение начальников управлений, заместителей директора». Назначение Евгения Максимовича на пост объяснялось тем, что он обладал всеми необходимыми для этого качествами – в первую очередь, имел устоявшуюся позицию и ясно понимал роль и место соответствующего механизма в обществе.

Бывший заместитель директора СВР Г.А. Рапота вспоминает, что первоначально Е.М. Примаков как непрофессионал был воспринят своими сотрудниками с настороженностью, но сумел очень быстро завоевать доверие. Впоследствии стало понятно, почему это произошло: «Он был государственным в полном смысле этого слова и мыслил более широко: что есть новое государство? Что есть его национальные интересы и что есть его национальные институты? Один из таких институтов – это разведывательная служба. Она должна быть сохранена, потому что ни одно государство в мире, особенно крупное, в нынешних реалиях без такой службы существовать не может».

Будучи крупным ученым и опытным администратором, Е.М. Примаков продемонстрировал системный подход к управлению доставшимся сложным хозяйством. Характеризуя в ретроспективе начало своей работы в новой должности, он отмечал: «Нам нужно было удержать в службе основной состав и сделать разведку боееспособной, причем нужно было решить три задачи: сориентировать разведку на работу в новых условиях, укрепить социально-экономическое положение разведчиков и создать необходимую законодательную базу. Социально-экономическая составляющая – это прежде всего жилищное строительство». Надо сказать, что Академик взялся за эти задачи незамедлительно и уже во время знаменательного визита Б.Н. Ельцина в ясеневскую штаб-квартиру побудил его подписать указ о выделении разведке жилплощади для нуждавшихся сотрудников.

Для тонкой перенастройки механизма разведки требовалось в первую очередь дать адекватное практическое толкование продиктованных духом времени понятий «деполитизация» и «деидеологизация». Е.М. Примаков это сделал. «Разведка, – неустанно подчеркивал он, – не участвует во внутривнутриполитической жизни России. Конечно, каждый ее офицер и служащий не только может, но и должен питать симпатию или антипатию к той или иной политической, общественной силе в РФ. Но он не может руководствоваться своими политическими симпатиями или антипатиями в повседневной работе – он должен думать лишь о национальных интересах страны; в этом, как это ни парадоксально, и заключается деполитизация разведки».

Еще сложнее было отказаться от опоры на идеологические мотивы привлечения иностранного контингента к сотрудничеству – мотивы, которые многие десятилетия играли главенствующую роль. Первый директор СВР терпеливо разъяснял важность освоения других возможностей выхода на зарубежных носителей необходимой информации. «Теперь мы не говорим об идеологической основе обретения зарубежной помощи. Но продолжает действовать политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве с теперь уже не советской, а российской разведкой. За этим стоят и нежелание видеть мир однополюсным, и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и мире в целом».

Крупный концептуальный вклад Евгения Максимовича в разведывательную деятельность заключался в раскрытии ее многомерного характера в современную эпоху. Как всегда, это было выражено емко и ярко. «Ликвидация двух лагерей, двух блоков, существовавших в мире на идеологической базе, не привела к окончанию конфронтации на международной арене. Но нам нужно сознавать, что суть и формы такого проти-

воборства изменились. Если раньше существовала, в принципе, одна баррикада, по разные стороны которой были разведаны различные государства, то сейчас таких баррикад стало значительно больше. И если раньше эта единственная баррикада, основывавшаяся на идеологическом фундаменте, была постоянной, то теперь множество баррикад базируются на несовпадающих государственных интересах. Расклад их динамичен. Контуры меняются».

Конечно, обладая нынешним опытом, можно было бы утверждать, что Е.М. Примаков недооценил инерционность американского курса на конфронтацию с Россией и степень зависимости союзников по НАТО от США. Но ведь он вел речь не о внешних проявлениях типа коллективных демаршей западных стран или их экономических санкций, навязанных Вашингтоном, а о глубинных процессах, с которыми и приходится иметь дело разведке. Поэтому его выводы сохраняют актуальность до сих пор. Ну а в тот период они явились отправным пунктом для совершенно правильных практических указаний: «Разведка должна работать по всем «азимутам», но только там, где затрагиваются интересы России. Отказ от глобализма и тотальности в нашей работе – это требование жизни. Отсюда возникает и необходимость диверсификации задач, достаточная гибкость, умение перенацеливать свои силы и возможности».

Отказ от тотальной разведки привел к сокращению числа резидентур СВР, пересмотру принципов использования сотрудниками разведки некоторых прикрытий. Оптимизация выразилась также в пересмотре приоритетов деятельности службы. Более пристальное внимание стали привлекать к себе актуальные вопросы контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), международная экономическая тематика и проблемы борьбы с терроризмом. Постановка задач в указанных областях со-

проводилась продуманными организационно-кадровыми решениями, положительно встреченными в коллективе. Соответствующие изменения назревали давно, но осуществились благодаря свежему взгляду и неукротимой энергии первого директора СВР.

Крупные сдвиги произошли в области развития контактов с зарубежными спецслужбами. Вскоре сотрудничество на данном канале стало давать плоды и привлекать новых участников. Именно в те годы сложились четкие принципы взаимоотношений СВР с партнерами – такие, как полное равноправие сторон, отказ от использования сотрудничества в ущерб друг другу, неразглашение результатов информационного обмена перед любой третьей спецслужбой без особого разрешения владельца информации и т. д.

Е.М. Примаков как трезвомыслящий и многоопытный политик исходил из того, что разведки всегда руководствуются «незыблемым правилом: прежде всего делать то, что выгодно твоему государству, вне зависимости от того, как это скажется на интересах других». И он имел все основания считать, что «такое правило, пусть в несколько скорректированном виде, сохраняется для разведслужб и после окончания острого конфронтационного периода холодной войны». Отсюда следовал его наказ «помнить об этом и тогда, когда мы идем на партнерское взаимодействие с зарубежными разведками».

Другим крупным новшеством, опробованным в рассматриваемый период истории службы, явилось начало ее выступлений с открытыми докладами. Ранее подобная форма подачи информации никогда не практиковалась. Е.М. Примаков разъяснял впоследствии идею открытых докладов тем, что таким путем «разведка пошла на усиление своего влияния на процесс выработки решений на государственном уровне».

Наибольший резонанс в нашей стране и за рубежом имели первые открытые доклады СВР в 1993–1994 го-

дах, посвященные распространению ОМУ, расширению НАТО и подходу Запада к отношениям между членами СНГ. Данные документы имели новаторский характер и очерчивали те опасные тенденции, которые в конечном счете и привели к нынешней деградации международной обстановки. Всё было бы иначе, если бы на Западе прислушались к прозвучавшим тогда мудрым предостережениям – например, от негативизма в отношении реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, от опасности продвижения Североатлантического альянса на восток в отрыве от собственной трансформации в политический общеевропейский механизм и установления подлинного взаимопонимания с Россией.

Как многоопытный специалист-международник, Е.М. Примаков отчетливо осознавал, что прекращение холодной войны не привело к долгожданной стабильности в мире. Напротив, оно, по его собственным наблюдениям, «ослабило в значительной степени контроль над развитием конфликтных ситуаций на региональном уровне. Более того, произошло расползание этих конфликтных ситуаций. В результате прекращения существования ряда государств конфликтные ситуации начали распространяться и в Европе, и Хельсинские соглашения, которые сыграли, безусловно, важную историческую роль, перестали сейчас быть надежным гарантом границ». Таким образом, прозорливый руководитель внешней разведки задолго до повторного «похолодания» международного климата сигнализировал о нарастании кризисного потенциала, в том числе снижении эффективности ОБСЕ.

Е.М. Примаков неустанно призывал разведчиков к «избавлению от инерционного мышления» при сохранении «исторической непрерывности процесса разведывательности». В значительной мере внешняя разведка обязана ему повышением значения аналитического элемента в работе. «Извечный вопрос, кто важнее –

разведчик-аналитик или разведчик-оперативник, – должен быть раз и навсегда отброшен, – говорил он. – Сегодня как никогда ясно, что без аналитического подхода невозможно успешно провести мало-мальски ценную разведывательную операцию».

Информационно-прогностические функции службы, естественно, привлекали к себе повышенное внимание маститого ученого. Главное его требование сводилось к «преодолению замкнутости и келейности» в работе, для чего предлагалось смелее идти на контакты с профильными специалистами вне рамок ведомства, особенно представителями академического мира, шире взаимодействовать с ними в целях совместного прикладного анализа международных проблем при безусловном соблюдении правил защиты нашей разведывательной информации. Как раз при Е.М. Примакове зародилась традиция участия экспертов СВР в научных конференциях и симпозиумах в России и за границей. Более широкое распространение получило формирование межведомственных рабочих групп для изучения наиболее сложных, комплексных вопросов.

Знаменем времени стало открытие Бюро СВР по связям с общественностью (позже оно стало называться Пресс-бюро), которое возглавила журналистка Т.В. Самолис, ранее работавшая в газете «Правда». В разведку ее пригласил лично Е.М. Примаков, стремившийся найти новые идеи и новые лица. По оценке первого пресс-секретаря службы, Евгений Максимович рассчитывал «ошеломительной» для общественности открытостью, «может, не сразу, но со временем если и не вызвать доверие, то хотя бы несколько снять агрессивность, существовавшую по отношению к спецслужбам в целом и к СВР в частности». Сам он приводил следующие мотивы своего начинания: «Создание этого бюро было необходимо для того, чтобы дать журналистам настоящий, а не кем-то подброшенный материал, показывающий в истинном свете работу СВР». С бла-

«Зная по собственному опыту о негативных последствиях ограничений на научный поиск, Е.М. Примаков был горячим сторонником предоставления специалистам доступа к хранилищам документов прошедших лет ради установления исторической истины»

гословения директора СВР регулярными стали пресс-конференции, брифинги, встречи с журналистами руководителей подразделений разведки, а при необходимости и аналитиков-экспертов по актуальным международным проблемам.

Открытость коснулась и такой специфической сферы, как архивное дело. Зная по собственному опыту о негативных последствиях ограничений на научный поиск, Е.М. Примаков был горячим сторонником

предоставления специалистам доступа к хранилищам документов прошедших лет ради установления исторической истины. Однако он понимал, что открытие архивов в разведке – мероприятие деликатное и требующее предварительной «фильтрации» дел, чтобы исключить возможность раскрытия той информации, которая относится к оперативной деятельности разведки или представляет угрозу ее интересам». «Критерий, определяющий предел гласности для разведки, – настаивал ее директор, – должен быть один: нанесение ущерба оперативной работе и людям, в нее вовлекавшимся или вовлеченным в настоящее время, их семьям, друзьям, окружению вне зависимости от гражданства или степени и формы участия в разведработе».

Этот критерий применялся и при отборе материалов для знаменитых «Очерков истории внешней разведки», которые начали издаваться по инициативе и под руководством Е.М. Примакова. Он и определил смысл предпринятого начинания: «...делать достоянием гласности многие до сих пор закрытые эпизоды из жизни внешней разведки, показывать через имеющиеся документы ее истинную, положительную роль,

особенно в переломные моменты развития международной обстановки, вернуть истории многие неизвестные до настоящего времени имена разведчиков – в любых условиях самоотверженных борцов за интересы своего народа».

Присущий Евгению Максимовичу стиль руководства, пожалуй, наиболее точно и образно определила пресс-секретарь службы Т.В. Самолис: «Сам для себя он всегда знал главную свою задачу. Будучи ученым, человеком системного мышления, он в цепи множества проблем находил то самое главное звено, потянув за которое можно было добраться до сути, и из этого уже вытекали принимаемые им решения и все его наставления. Он хорошо понимал, что если у пиджака первую пуговицу застегнуть криво, то рассчитывать на то, что к концу всё сойдется и будет ровным, невозможно. Первую нужно застегнуть правильно! И он всегда знал, какая пуговица первая».

Так, принципиальное значение для Е.М. Примакова имело подведение правовой основы под деятельность службы, и он этого добился, обеспечив условия для принятия уникального документа – Федерального закона «О внешней разведке». Впервые в истории разведчики обрели не только возможность защищать государственные интересы, но и гарантии защиты своих прав со стороны государства. Сам Евгений Максимович был весьма доволен достигнутым результатом, отметив, что «разведчик по этому закону становится полноценным членом общества, чего не было раньше», и наконец получает нормальные условия для своей работы.

Не менее важная задача директора СВР состояла в улучшении или, по крайней мере, стабилизации социального положения сотрудников разведки. Что скрывать, «лихие» 90-е с их галопирующей инфляцией и кризисом неплатежей были не самым лучшим временем для всех бюджетников. Необходимо было остановить отток опытных кадров из разведки и обеспечить

привлечение в ее ряды талантливой молодежи, для чего одних морально-политических факторов не всегда хватало. Е.М. Примаков и его энергичные заместители регулярно добивались от Минфина надбавок к зарплате сотрудников, хоть как-то компенсировавших отставание от растущего прожиточного минимума, и в целом со своими задачами в этой области справлялись. Большим делом было закрепление за внешней разведкой прекрасного санатория и дома отдыха. Это позволило организовать достойный досуг и восстановление сил работников разведки, в том числе ветеранов, которые никогда не оставались без поддержки и заботы со стороны руководства СВР. Память об этих добрых делах жива в службе по сей день.

Е.М. Примаков как начальник был требователен, но не прямолинеен и, конечно, не деспотичен. «Когда он пришел в разведку, – вспоминает А.Р. Рапота, – то прежде всего начал всех слушать. Неоднократно я был свидетелем ситуации. Решается какой-то оперативный вопрос. Евгений Максимович предлагает: “Давайте сделаем так”. Ему могли возразить: “Нет, так делать нельзя”. – “Почему?” Ему объясняют. Он мог сказать: “Всё понятно. Пожалуй, вы правы”. Не каждый руководитель готов к такому свободному диалогу. К нему можно было прийти с любым вопросом. Сам же он никогда не лез в мелочи, считал, что каждый должен нести бремя своей ответственности: тебе поручили участок, ты и принимай решение, делай и отвечай».

При обсуждении внешнеполитической тематики Академик, естественно, был как рыба в воде, но и в этих случаях избегал навязывания собственной точки зрения. По свидетельству Т.В. Самолис, а с ней согласятся все эксперты, общавшиеся с Е.М. Примаковым, «он никогда не давал понять собеседнику (особенно подчиненному), что тот говорит ерунду, слушал с уважением и вниманием. Если он даже категорически не был согласен с чьим-то мнением, никогда не распро-

странял это несогласие на личность человека, не вешал ярлыки. Вы не попадали в его враги только потому, что мыслили иначе». Раздражали его только формальные аргументы, например, ссылки типа: «А вот в этом документе написано иначе». Если приводимая оценка не соответствовала логике происходящего, то в ответ на нее можно было услышать такое суждение: «Автор мог и ошибаться или преследовать какую-то свою цель».

Бережное отношение Е.М. Примакова к людям подтверждает знаменитый разведчик Джордж Блейк. Он познакомился с будущим директором СВР, когда тот еще работал в ИМЭМО, и именно ему был обязан своим трудоустройством в данном институте. Впоследствии их пути вновь сошлись в стенах службы. По словам англичанина, Евгений Максимович продолжал постоянно проявлять благосклонное и внимательное к нему отношение и всегда находил время поздравить с днем рождения, причем «его широкая кавказская натура и чувство юмора делали эти встречи веселыми и приятными».

Лучше всех о своем пребывании во главе СВР сказал сам Е.М. Примаков во время вручения ему в феврале 2000 г. диплома почетного члена Региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки»: «Для меня период в разведке – по-настоящему счастливая пора моей жизни. Это была работа с друзьями, с единомышленниками, с теми, кто не подведет в трудную минуту, всегда поддержит, мысли которых ты в основном знаешь. Главное, знаешь, что они совпадают с твоими мыслями, надеждами и намерениями. Именно поэтому я считаю его счастливым периодом моей жизни. Он счастливый еще и в том отношении, что каждодневная напряженная работа приносила моральное удовлетворение, давала ощущение реальной полезной отдачи для общества, для страны. Кроме того, мне хотелось бы подчеркнуть, что разведка – это не

только напряженный труд, приносящий внутреннее удовлетворение, это в то же время великая школа, которая очень много дала лично мне. Я действительно считаю счастливым этот период в своей жизни и стараюсь сохранять с тех пор свои связи с разведкой. Мне даже психологически трудно говорить в прошедшем времени о своей работе в разведке».

В одном из холлов ясеневской штаб-квартиры внешней разведки размещена галерея портретов руководителей ИНО-ПГУ-СВР. Портрет Евгения Максимовича Примакова, девятнадцатый по счету, не воспринимается как свидетельство давнего прошлого, поскольку жива и развивается дальше служба, которую сохранил и реконструировал этот замечательный человек. В ней продолжает жить частичка его души, и он продолжает жить в памяти и делах своих благодарных соратников и последователей.

ТРУБНИКОВ Вячеслав Иванович

Первый заместитель директора Службы внешней разведки РФ в 1992–1996 гг., директор СВР в 1996–2000 гг.

«...и сотвори ему
вечную память»

Слова из молебна на открытии памятника Евгению Максимовичу Примакову 26 июня сего года на Новодевичьем кладбище решился вынести в заголовок своих строк – посильного и, любой поймет меня, очень личного и потому ограниченного вклада в земную память о «неизвестном Примакове». Жизнь осчастливила меня не просто тесным знакомством и товариществом с этим Человеком и Гражданином (эти слова с большой буквы естественны применительно к Евгению Максимовичу). Я получил в подарок бесценную возможность более четырех лет каждый день, а по сути – ежечасно, работать с ним плечом к плечу у рычага управления одной из деликатнейших структур безопасности России – Службы внешней разведки. Те мои коллеги-разведчики, которые, оставаясь на боевом посту, пережили трудности последнего десятилетия ушедшего века, справедливо заметят, что «неизвестный Примаков» известен им не менее, чем мне. Согласен полностью! Поэтому я высказываюсь и от имени многих из них, поскольку по-

лучил возможность сделать это публично со страниц этого издания, органично вошедшего в вереницу усилий всей российской и мировой интеллектуальной общности по увековечению памяти выдающегося государственного и политического деятеля Советского Союза и России, ученого и журналиста, разведчика и дипломата, академика Е.М. Примакова. Почти за неделю до открытия памятника Торгово-промышленная палата презентовала вместе с издательством «Российской газеты» впервые подготовленное десяти томное собрание сочинений Е.М. Примакова. Несколько месяцев назад ИМЭМО РАН получил имя академика Примакова. Впереди торжественное начало регулярного цикла чтений, посвященных Е.М. Примакову, в которых будет участвовать политическая и научная общественность страны. Продолжается работа над увековечением памяти Евгения Максимовича как министра иностранных дел, и вслед за состоявшимся открытием кабинета Примакова в Фонде Горчакова при МИД России ожидается появление в МИД его мемориала.

Лично я познакомился с Евгением Максимовичем в начале 80-х годов в стенах Института востоковедения, где он и его коллега Ким проводили то, что потом стало уникальным достоянием научно-практической деятельности Примакова под названием «ситуационный анализ». (Кстати, и завершение моей тесной совместной работы с Примаковым произошло в рамках Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН, где Евгений Максимович выступал в качестве научного руководителя, а я – исполнительного директора центра. Теперь это Центр ситуационного анализа Российской академии наук.) Я участвовал в том первом в моей практике ситанализе в Институте востоковедения во время отпуска в Москве и выступал тогда в качестве докладчика по проблеме маоистского движения в индийском штате Западная Бенгалия. Я впервые ощутил в харак-

тере Евгения Максимовича то, что мне теоретически представлялось невозможным со стороны ученого, а именно – умение жестко направлять выступление докладчика в строгое временное и тематическое русло, не позволяя лить воду и отнимать время у других участников этого мозгового штурма. Полагаю, что эта черта характера в полной мере проявилась в управлении информационно-аналитическим подразделением Службы внешней разведки, когда он возглавил СВР. Сам приход академика Примакова в разведку на переломном для страны этапе, когда был практически демонтирован прежний Комитет государственной безопасности СССР с соответствующими организационными и людскими издержками, стал весьма неоднозначным событием для кадровых разведчиков, особенно руководящего состава бывшего Первого главного управления КГБ СССР.

Назначать нового руководителя новой разведслужбы новой России первый ее президент Б.Н. Ельцин приехал в Ясенево лично. Собрав руководство в кабинете, где привычно размещался начальник ПГУ, Борис Николаевич положил перед собой две красных папочки и сообщил, что привез проект указа о назначении нового руководителя – как на Е.М. Примакова, так и на альтернативную кандидатуру, поскольку, по его данным, гражданский руководитель в лице Примакова не у всех разведчиков вызывает прилив энтузиазма. Без дальнейших разъяснений своей собственной позиции Ельцин предложил участникам этого совещания высказать свое мнение относительно руководителя, которого они считали бы наиболее подходящим для личного состава разведки, которой предстоят существенные перемены. Начиная с исполнявшего обязанности первого заместителя начальника разведки – ныне покойного Вячеслава Ивановича Гургенова, первым попросившего слово, – все выступившие на совещании руководители ключевых подразделений быв-

«...он руководил, используя не авторитет власти, а власть авторитета, своего личного авторитета, который он зарабатывал в новом коллективе каждодневно, упорно и абсолютно незаметно для окружающих»

шего ПГУ единодушно высказались в пользу Евгения Максимова как своего ожидаемого и уважаемого будущего командира. Борис Николаевич раскрыл одну из папок и своей перьевой ручкой подписал указ, заметив лишь: «Это мое решение, но это и ваше решение», – и поздравил Примакова.

Евгений Максимович привнес в разведку много нового

и необычного для военной организации. Да, как я уже отмечал выше, его уважение к дисциплине, дисциплине поведения, дисциплине мысли, дисциплине изложения никогда не сбивали его на авторитаризм, на стремление диктовать, на то, чтобы любой ценой навязать свое мнение тому, кто мог думать по-другому, видеть другие пути и способы решения возникающих проблем. Поэтому я для себя сделал главный вывод о сути стиля Примакова как руководителя: он руководил, используя не авторитет власти, а власть авторитета, своего личного авторитета, который он зарабатывал в новом коллективе каждодневно, упорно и абсолютно незаметно для окружающих. Для его взаимоотношений с людьми было характерно абсолютно искреннее, если не сказать доверчивое, восприятие любого нового соратника по работе, независимо от того, что и кто мог нашептывать ему об этом работнике за спиной последнего. Я озадачивал себя вопросом, как Евгений Максимович с его устоявшимся прагматизмом мог давать такой задаток доверия практически незнакомому человеку, и как-то он нашелся, что мне ответить: «Ну, так пусть он сам доказывает обратное, если я ошибся». Евгений Максимович оставался и в военной организации убежденным сторонником демократии, противни-

ком чиновничества и лизоблюдства. Он разговаривал с разными собеседниками на одном и том же языке, простом и понятном, без проявлений превосходства своей – честно говоря, исключительной – личности или панибратства. Его демократическая натура давала о себе знать в его каждодневной заботе о благополучии людей, которыми он управлял, от которых требовал исполнения исключительно сложных и тяжелых поручений и которые, на его взгляд, должны были постоянно ощущать заботу руководства, а временами и получать его благодарность. Эта благодарность совсем не обязательно выражалась представлением к служебным поощрениям и государственным наградам.

Евгения Максимовича заботило всё, чем живет нормальный сотрудник службы, получавший в начале 90-х годов в виде зарплаты такой минимум, который едва позволял его семье сводить концы с концами. (Кстати, материальная обеспеченность российских разведчиков была в фокусе внимания многих иностранных спецслужб, прежде всего западных, для которых материальная база вербовочной работы против нас становилась, по их мнению, основной.) Внимание Евгения Максимовича распространялось как на цены в нашей столовой, так и на возможность снижения расходов разведки и, соответственно, разведчиков на те или иные продукты питания. Приобретенные по его прямому указанию две фуры-рефрижератора обеспечивали доставку мяса за счет прямых закупок в других регионах России. Женщины-сотрудницы службы были в состоянии по окончании рабочего дня возвращаться домой с пельменями, сделанными в разведке. Но, конечно, главной заботой директора СВР оставалось сохранение жилищного строительства как главного инструмента пополнения разведывательных кадров из-за пределов Москвы и Московской области. Ни о каких ипотеках, ни о каких сертификатах для военнослужащих в тот период и речи не было.

Заместителя директора по административно-хозяйственным вопросам Ивана Ивановича Гореловского застать в кабинете в Ясеневе было практически невозможно. Его гораздо проще было найти в стенах московской мэрии, правительстве Московской области, других государственных учреждений, от которых зависело предоставление разведчикам жилья.

До сих пор в моей памяти маршрут с улицы Зорге, где я жил, до разведкомплекса в Ясеневе, где я работал, и обратно остался как трехчасовой бесцельный пробег в бюджете рабочих суток. Не говорю уже о путешествии по этому маршруту в битых молью (то бишь, ржавых и изношенных) автобусах львовского завода в холодной зимней темноте. Забитые выхлопными газами эти, с позволения сказать, «салоны» довозили людей, особенно женщин, до места назначения в состоянии, известном боксерам, побывавшим в нокадауне, под термином «грогги». Поэтому, глядя сегодня на автобусный парк СВР, с безграничной благодарностью думаешь о беспокойной душе руководителя разведки начала 90-х годов прошлого века, который не замыкался в кондиционированном салоне служебной «Волги» (тогда покойный Борис Немцов пытался посадить чиновников именно в такие машины).

Сегодняшние сотрудники СВР, возвращаясь из-за рубежа в отпуск и поправляя здоровье в Сочи, вряд ли задумываются над тем, откуда у разведки сегодня столь прекрасный оздоровительный комплекс, один из лучших и уж, конечно, самый просторный на Черноморском побережье. Я же помню свой приезд на то место, где стоит сегодня этот комплекс, вместе с Евгением Максимовичем и Иваном Ивановичем, когда разведке предоставили возможность взять в управление один из многочисленных брошенных уже несуществующими советскими организациями, министерствами и ведомостями санаториев. Как мне тогда показалось, на нашу беду нам осталось выбирать между

двумя самыми крупными по территории санаториями. Абсолютно неожиданно Евгений Максимович сказал: «Будем брать самый большой». Было трудно поверить в серьезность этого заявления и тем более намерений Евгения Максимовича. Мне как первому заместителю директора по поручению Примакова приходилось вместе с начальником нашей финчасти по крохам накапливать деньги к 20-му числу каждого месяца для выдачи сотрудникам денежного довольствия. (Хочу с огромным удовлетворением даже сейчас подчеркнуть, что в истории разведки России, в отличие от подавляющего большинства силовых структур, включая бывших соседей по Лубянке, мы не допустили ни одного случая задержки зарплаты разведчикам.) Спонтанной реакцией на слова Примакова о готовности взвалить на СВР неподъемный груз материально-технического обеспечения так называемого приобретения на черноморском берегу было мое решительное возражение. Евгений Максимович в ответ жестко заметил: «Но не всегда же так будет, и вы подумайте о будущем тех людей, которые не жалеют сил за рубежом во вполне понятных, тем более для вас, работавшего в Индии, не всегда в блестящих климатических и санитарных условиях. Причем в этих условиях живет и семья разведчика». Далее Евгений Максимович упомянул и о тех сотрудниках санатория, которые стали «счастливыми» акционерами этого учреждения без копейки наличных денег, а ведь на носу сезон, не являющийся курортным, людям придется увольняться, катастрофа с рабочими местами. Не лучше бы, предложил Примаков, попытаться выкупить у них эти акции и стать полными хозяевами санатория, сотрудники которого начали бы получать зарплату. Аргументов «против» я не находил, мы шли дальше по тропинке санаторного терренкура, когда дорогу нам преградило поваленное дерево, диаметр ствола которого был на головы две выше моего роста. Я развернулся к шедшим за мной Евгению Мак-

симовичу и Ивану Ивановичу и в качестве последнего довода – как мне показалось, «бронейного» – задал вопрос: «А вот с этим что мы делать будем?» Ответ Евгения Максимовича был еще более «бронейным»: «Как что? Пилить будем. На дрова. В хозяйстве пригодятся». Мои возражения были почти исчерпаны, но оставался еще один шанс: мы спустились на пляж, дорожку к которому пересекали железнодорожные пути, по которым Черноморское побережье сообщалось с центральными районами России. Я вопросительно посмотрел на Евгения Максимовича и он, упреждая мой вопрос, сказал: «Да, это не порядок. Дома разведчик уж никак не имеет права рисковать своей жизнью на

железнодорожных путях, и нашей первоочередной задачей будет построить переход от санатория над этими путями и сделать лифт на наш пляж». Мы с Иваном Ивановичем соответствующие команды получили тут же. Уже став директором СВР, сменив на этом посту Евгения Максимовича, которому было поручено возглавить МИД России, я участвовал в торжественной церемонии запуска этого перехода и лифта. Об их сложной истории появления в «хозяйстве» разведки, как и самого санатория, вряд ли знают сегодняшние отдыхающие.

...Возвращаюсь в полуденный зной 26 июня. Памятник Примакову – в тени кладбищенских деревьев. Рядом – залитый солнцем триколор на могиле Ельцина. Не только умом, но и сердцем ощущаешь, сколь великодушна и всепрощающа земля русская, принявшая и упокоившая почти бок о бок таких непохожих друг на друга, но выдающихся своих сынов. Их исторические роли и переплетения судеб оценивать потомкам. Я же в завершение скажу, не преуменьшая волю Божию, что вечную память себе Евгений Максимович творил сам своею жизнью, своими делами, своим духовным завещанием нам, его современникам-единомышленникам, и тем, кто будет после нас служить Отчизне.

КОТОВ Юрий Васильевич

Бывший сотрудник ПГУ КГБ СССР, полковник
СВР РФ в отставке

Трудные переговоры

В жизни Евгения Максимовича был период, когда решением Политбюро ЦК КПСС ему была поручена работа, которой он особо гордился всю жизнь, считая ее важной и ответственной не только для достижения мира на Ближнем Востоке, но и в масштабе глобальных событий того времени. На Евгения Максимовича была возложена роль представителя советской стороны в созданном в 1971 году конфиденциальном контакте на высшем уровне между руководством СССР и Израиля. В этот период между двумя странами отсутствовали дипломатические отношения: 10 июня 1967 года они были коллективно разорваны Советским Союзом и пятью другими странами – членами Варшавского договора в целях немедленного прекращения израильской агрессии против трех арабских государств – Египта, Сирии и Иордании.

В процессе ближневосточного урегулирования после 1967 года Советскому Союзу не доставало прямого контакта для диалога с руководством Израиля, однако восстановление дипломатических отношений с Израилем в условиях продолжающейся израильской оккупации

территорий соседних арабских стран было неприемлемым.

В высшем советском руководстве поначалу не было единства по этому вопросу, но постепенно созрел компромисс, и было признано целесообразным не восстанавливать с Израилем официальные дипломатические отношения, а создать конфиденциальный контакт между руководством СССР и Израиля «для поиска путей урегулирования арабо-израильского конфликта». Решение по этому вопросу было принято Политбюро ЦК КПСС 5 августа 1971 года с грифом «Совершенно секретно. Особая папка». Создание конфиденциального контакта поручалось КГБ СССР, практическая реализация этого решения была возложена на разведку (Первое главное управление КГБ СССР).

Разведка предложила привлечь к этой работе Евгения Максимовича Примакова, работавшего первым за-

местителем директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. К этому времени Евгений Максимович уже получил признание в нашей стране и за рубежом как опытный политолог-международник, специалист по Ближнему Востоку, поддерживавший дружеские связи с рядом лидеров ведущих арабских стран, участник международных Дартмутских встреч и Пагуошской конференции. Евгений Максимович уже принимал участие в некоторых советских политических мероприятиях высокого уровня за рубежом, в том числе проводимых КГБ СССР. Предложения разведки по организации порученной работы и кандидатура Примакова были приняты и одобрены.

Во исполнение решения Политбюро ПГУ КГБ в контакте с израильской службой разведки «Моссад» осуществило необходимые мероприятия, и Евгений Максимович был доставлен инкогнито в Тель-Авив 28 августа 1971 года, где он поочередно встретился с тремя первыми руководителями Израиля: премьер-министром Голдой Меир, министром иностранных дел Аббой Эбаном и министром обороны Моше Даяном. Состоялся первый после израильской агрессии против Египта, Сирии и Иордании в 1967 году официальный обмен мнениями на высоком уровне между двумя сторонами по проблемам ближневосточного урегулирования.

Первые беседы с лидерами Израиля носили заявочный характер, каждая сторона зондировала возможные варианты урегулирования. В соответствии с указаниями, утвержденными Политбюро ЦК КПСС, Евгений Максимович обозначил целью СССР и переговоров в рамках начинавшего действовать конфиденциального контакта достижение справедливого полного всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта при международном участии и гарантии безопасности всех государств региона. Предлагаемый

Советским Союзом план получил название «Мир в обмен на территории».

Позиция израильских лидеров в беседах с Евгением Максимовичем была жесткой и сводилась к следующему: компромисс с арабскими странами возможен, но только не по оккупированным территориям. В вопросе безопасности государства – опора только на собственные силы. Израилю не нужна защита внешних сил (СССР, США или ООН), удержание оккупированных арабских территорий – единственная надежная гарантия безопасности Израиля. По палестинской проблеме израильские лидеры высказывались бескомпромиссно: «На территории Палестины существуют два государства – Израиль и Иордания, третьему государству здесь места нет».

На первой же встрече с Евгением Максимовичем в Тель-Авиве израильтяне подняли вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом. В соответствии с имевшимися указаниями Политбюро ЦК КПСС он ответил, что тема восстановления советско-израильских отношений ввиду ее важности для обеих стран включена нами в число вопросов для обсуждения в рамках созданного конфиденциального канала, однако на тот момент он не был уполномочен обсуждать этот вопрос.

Подводя итог проведенным встречам в Тель-Авиве, обе стороны выразили удовлетворение результатами и, подчеркнув, что не ожидали прорыва в урегулировании обсуждавшихся проблем после первого обмена мнениями, предложили продолжить работу по контакту.

Докладывая в Москве о своем конфиденциальном визите в Израиль, Евгений Максимович рассказал, что по прибытии в Тель-Авив его разместили в городе в квартире жилого дома. Общая атмосфера его пребывания в Израиле была деловой, однако он чувствовал себя неуютно и одиноко в незнакомой стране, думал: «Произойдет что-то, и никто не узнает». Ощущения Евгения Максимовича были поняты, и было решено подключить к этой работе второго участника. Выбор пал на меня.

В 1971 году я был начальником направления ПГУ КГБ, курировавшего разведывательную работу в Израиле, Иордании, Ливане и Палестинском движении сопротивления (ПДС). Мы познакомились с Евгением Максимовичем в 1969 году в Бейруте, где он работал корреспондентом газеты «Правда», а я был сотрудником резидентуры КГБ. Бейрутский период в нашей жизни подружил нас навсегда.

Евгений Максимович не скрывал своего удовлетворения моим присоединением к нему в работе в Израиле. Я тоже был рад этому. Мы хорошо понимали

друг друга и успешно взаимодействовали в дальнейшей работе.

Встречи в рамках конфиденциального контакта стали регулярными. Трижды, когда происходила смена израильского руководства, мы выезжали в Тель-Авив для встречи с лидерами государства. Первый раз, как указывалось, Евгений Максимович посетил Израиль в августе 1971 года, затем мы вдвоем были в Израиле в апреле 1975 года. Нас принимали новые лидеры государства – премьер-министр Ицхак Рабин, министр иностранных дел Игаль Алон и министр обороны Шимон Перес. В третий раз – в сентябре 1977 года, после прихода к власти в Израиле правой оппозиции, блока «Ликуд», – нас принял его лидер, премьер-министр Менахем Бегин.

Между встречами с руководителями государства, проходившими в Израиле, другие встречи в рамках нашего контакта с израильскими представителями проводились в странах Европы. На эти встречи приезжали в разное время ответственные израильские лица – руководители канцелярии премьер-министра и МИД. Вторым лицом в израильской делегации обычно был один из руководителей «Моссада».

На протяжении всего времени существования контакта большое внимание уделялось конфиденциальности и конспирации проводимых встреч и содержания переговоров, которые обеспечивались разведками двух стран.

Однако, несмотря на контроль над проводившимися мероприятиями таких высокопрофессиональных разведок, как ПГУ КГБ СССР и «Моссад», однажды все-таки произошел прокол, говоря профессиональным языком. Это было так. Рано утром 8 апреля 1975 года мы с Евгением Максимовичем возвращались в Вену после очередной встречи в Тель-Авиве с лидерами Израиля – Рабином, Алоном и Пересом. В аэропорту купили утренний выпуск австрийской газеты «Курьер» и

на первой странице обнаружили карикатуру: офицер в советской военной форме с погонами полковника протягивает человечку в кипе и со звездой Давида пальмовую ветвь, а за спиной прячет атомную бомбу. Здесь же в небольшой заметке сообщалось, что два советских представителя ведут конфиденциальные переговоры в Израиле.

Решение было принято нами немедленно: я тут же позвонил генеральному директору израильского МИД Газиту в Иерусалим по телефону, специально выделенному для конспиративной связи между нашими сторонами, и задал вопрос, как понимать публикацию и карикатуру в «Курьере». Газит уже знал о напечатанном

«Евгению Максимовичу всегда было присуще хорошее чувство юмора, которое он ценил также в других людях»

и сказал, что в Иерусалиме искренне сожалеют о случившемся. По мнению израильских сотрудников, обеспечивавших наш визит, данная утечка информации не является направленной и имеет случайный характер, ее виновником является кто-то из технического персонала, не посвященный в существо переговоров. Извинившись еще раз, Газит заверил, что израильская сторона тщательно расследует этот случай и впредь не допустит такого.

Газиту было сообщено, что мы с Евгением Максимовичем расцениваем данное неприятное событие как неспособность израильской стороны обеспечить конфиденциальность нашего контакта, однако дальнейшая судьба канала связи будет решаться в Москве. (В Москве решили принять это первое израильское объяснение причины утечки информации и пока не делать окончательного вывода. Надо сказать, что после случившегося больше не было утечек о существовании канала переговоров с израильской стороной.)

Этот случай получил продолжение при нашем с Евгением Максимовичем докладе в Москве о проведенных переговорах в Израиле Ю.В. Андропову. В конце доклада Евгений Максимович спросил Андропова, известно ли ему об утечке сведений о наших встречах в Израиле и карикатуре в газете «Курьер». Андропов ответил, что ему доложили об этом. Тогда Евгений Максимович достал сложенную вчетверо газету из своей папки и развернул карикатуру перед Юрием Владимировичем со словами: «Вот, посмотрите». Андропов посмотрел, хмыкнул и произнес: «Очередная фальсификация». Евгений Максимович подхватил реплику: «Конечно, фальсификация, Юрий Владимирович!» Андропов не понял и молча посмотрел на Примакова, ко-

торый продолжал, добавив в свой голос шутового звучания: «Конечно! На карикатуре изображен советский полковник, а Котов у нас пока еще подполковник». Юрий Владимирович засмеялся, спросил: «Сколько осталось времени до присвоения очередного звания?» – и сказал: «Я полагаю, что в качестве поощрения за хорошую работу Котов заслуживает досрочного присвоения звания полковника». Так я стал полковником на год раньше срока.

Не знаю, задумал ли Евгений Максимович заранее разыграть такую сцену или она возникла стихийно во время доклада Андропову. Я у него никогда не спрашивал об этом. Кстати, Евгений Максимович позже неоднократно рассказывал об этом неординарном случае в дружеском кругу.

Евгению Максимовичу всегда было присуще хорошее чувство юмора, которое он ценил также в других людях. В обычной жизни и в служебной обстановке он любил рассказать – к месту – анекдот. Даже служебные совещания, иногда с острой полемикой, он умело проводил с улыбкой и разряжал остроумной шуткой.

Это прекрасное качество Евгения Максимовича периодически проявлялось во время наших встреч с представителями Израиля и очень помогало преодолевать возникавшие время от времени острые и даже тупиковые ситуации в беседах. Например, израильская сторона несколько раз поднимала вопрос об открытии прямых рейсов «Аэрофлота» из Москвы в Тель-Авив для прямой доставки советских евреев-эмигрантов. (При отсутствии дипломатических отношений эмигранты добирались железной дорогой из Москвы в Вену, а оттуда авиакомпанией «Эл-Аль» в Тель-Авив. Это приводило к тому, что часть эмигрантов отказывалась по прибытии в Вену следовать в Израиль и уезжала в Италию, США и другие страны.)

Ответ Евгения Максимовича на такое обращение израильских представителей прозвучал однажды не-

ожиданно, твердо, но с хорошим юмором: «Может быть, вы предложите нам еще в Москве упаковывать эмигрантов в контейнеры до Тель-Авива?» Больше этот вопрос не поднимался израильской стороной.

В другой раз нас принимал в апреле 1975 года министр обороны Израиля Шимон Перес. Встреча проходила поздно вечером в его квартире в престижном северном пригороде Тель-Авива Рамат-Авиве. В ходе беседы Перес посетовал на то, что Советский Союз ведет интенсивную «шпионскую деятельность» против Израиля. «Вот, в данный момент у морской границы Израиля в Средиземном море дрейфует советское военное судно электронной разведки». Евгений Максимович высказал сомнение, на что Перес несколько возбужденно заявил: «Я могу отдать приказ, и вас прямо сейчас доставят вертолетом на палубу советского корабля». Надо было реагировать на такое «предложение» Переса. Евгений Максимович мгновенно нашел достойный ответ, тем более выпитые 0,75 литра «Столичной», предложенные в начале встречи гостеприимным хозяином, создали атмосферу для разговора в шутовском тоне. Евгений Максимович отпарировал: «Никуда мы не полетим, да и вам советуем не приближаться к советским кораблям».

Приведу еще один случай. Начиная с первой встречи с представителями Израиля в 1971 году лидеры государства и другие высокие израильские официальные лица много раз настойчиво задавали нам один вопрос: «Кого вы представляете?» Мы всегда отвечали: «Мы представляем руководство Советского Союза». Повторение этого вопроса с израильской стороны становилось надоедливым и даже неприличным, и тогда Евгений Максимович, воспользовавшись несколько измененной израильским представителем формой вопроса: «Скажите, вы представляете Андропова или Громыко?» (то есть КГБ или МИД), – ответил резко: «И Брежнева тоже!» После этого нас перестали спрашивать, кого мы представляем.

Советские предложения по урегулированию арабо-израильского конфликта «Мир в обмен на территории» фактически представляли собой пакетную сделку, в рамках которой Израилю предлагалось вывести свои войска с арабских территорий, оккупированных после 5 июня 1967 года, и приступить к решению палестинской проблемы с одновременным прекращением состояния войны и установлением нормальных мирных отношений с соседними государствами. В ответ Израиль получал международные гарантии безопасности государства и свободы судоходства по всем морским путям региона, а также восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом.

В Москве правильно рассматривали вопрос восстановления советско-израильских отношений в качестве средства нашего воздействия на Тель-Авив для достижения целей урегулирования арабо-израильского конфликта. Однако со временем мы стали наблюдать снижение интереса израильских представителей к обсуждению перспективы двусторонних отношений наших стран, тем более в увязке с освобождением оккупированных арабских территорий.

Заметная потеря израильской стороной прежнего большого интереса к восстановлению дипломатических отношений с СССР произошла ввиду фактического разблокирования Москвой существовавшего ограничения на эмиграцию советских евреев, в результате чего стало выдаваться в год более 10 тысяч разрешений на выезд на ПМЖ в Израиль, что вполне устраивало израильские иммиграционные власти без восстановления дипломатических отношений с СССР.

Кроме того, Соединенным Штатам (лично помощнику президента по национальной безопасности Генри Киссинджеру) удалось убедить лидеров Израиля и президента Египта Садата в выгоде для обеих стран решения вопросов ближневосточного урегулирования путем поэтапных, сепаратных соглашений на двусторонней основе без Советского Союза.

Такое развитие событий на Ближнем Востоке в конце 70-х годов прошлого столетия укрепило позиции США в регионе и ослабило бывшее тесное сотрудничество СССР с арабскими странами. Надо было предпринимать меры по компенсации потерь в отношениях с арабами и созданию новых отношений с Израилем.

В мае 1977 года на выборах в кнессет впервые победил правый оппозиционный блок «Ликуд» – преемник крайне правой сионистской партии «Херут» – во главе с Менахемом Бегоном, получившим известность как бывший руководитель террористической еврейской организации в Палестине «Иргун цвай леуми», обвиняемой в уничтожении тысяч арабских жителей и английских военных в период создания государства Израиль в 1947–1949 годах. Бегин производил впечатление неординарного политика, способного к нестандартным действиям и решениям.

Наша с Евгением Максимовичем очередная поездка в Израиль была согласована с израильской стороной на сентябрь 1977 года, и мы готовились к ней с ожиданием возможного поворота в переговорах и продвижения в ближневосточном урегулировании. Нас привезли в Иерусалим к 20 часам 17 сентября 1977 года, где должна была состояться встреча с Бегоном в резиденции премьер-министра. Здесь нас ожидал Бен Элиссар – помощник Бегина (позже он занял пост председателя кнессета, затем был назначен первым послом Израиля в Египте, откуда был переведен послом в Вашингтон). Сообщив с извинением о задержке встречи с Бегоном, Бен Элиссар предложил пока погулять в живописном уголке Иерусалима. Мы не возражали. Спросили, чем занят Бегин. Бен Элиссар без колебаний и правдиво – как мы убедились через некоторое время – ответил, что у Бегина находится министр иностранных дел Даян, который прибыл прямо из аэропорта и докладывает премьер-министру о своей зарубежной поездке. (Скоро стало достоверно известно, что Даян сек-

ретно вылетал в Марокко, где встречался с заместителем премьер-министра Египта Хасаном Тухами – доверенным лицом Садата – и обсуждал с ним вопрос первостепенной важности для Израиля: об организации визита Садата в Иерусалим, который, по расчетам американцев и израильтян, должен был коренным образом изменить обстановку на Ближнем Востоке.)

Беседа Бегина с Даяном оказала влияние на последовавшую за ней нашу встречу с израильским премьером. В указаниях Политбюро для беседы с Бегоном был включен пункт предложений о дипотношениях с Израилем в новой постановке: создание новых отно-

шений с Израилем «в сложной для СССР обстановке на Ближнем Востоке». Он звучал так: «С началом возобновления работы Международной Женевской конференции по Ближнему Востоку руководство СССР будет готово объявить о восстановлении дипломатических отношений с Израилем».

Казалось бы, выгода для Израиля такого советского предложения без увязки восстановления отношений с отводом израильских войск с оккупированных территорий была стопроцентной. Мы с Евгением Максимовичем ожидали, что оно будет принято Бегинем с удовлетворением. Однако Бегин никак не реагировал, просто пропустил, как говорится, сказанное нами мимо ушей.

Поначалу мы решили, что Бегин не до конца понял значение предложения и не смог быстро самостоятельно оценить его выгоду для Израиля. Позже стало ясно, что Бегин не стал обсуждать наше предложение, так как на тот момент у него уже созрел свой план восстановления дипломатических отношений с СССР, аналогичный секретно обсуждавшемуся плану визита Садата в Иерусалим.

Он неожиданно сказал: «Пусть Брежнев пригласит меня в Москву. Это должна быть не конфиденциальная поездка, а официальный визит в СССР премьер-министра Израиля». Возникла пауза, но мы быстро сориентировались и начали осторожно объяснять Бегину иллюзорность его намерения совершить государственный визит в Москву. Сказали, что по нашей практике государственные визиты в СССР на высшем уровне осуществляются только при наличии между двумя странами дипломатических отношений, по итогам визита публикуется коммюнике, в котором констатируются дружеские отношения, совпадение позиций и интересов, указываются соглашения о сотрудничестве, подписанные в ходе визита и др. Ничего такого между СССР и Израилем нет, подчеркнули мы, поэтому сле-

дует прежде провести работу по подготовке его, Бегина, визита в СССР. Бегин настойчиво повторил: «Ваша задача – доложить Брежневу о моей просьбе. Я уверен, что он меня примет и мы обо всем договоримся».

Как обычно, мы с Евгением Максимовичем прилетели из Тель-Авива в Вену и доложили в Москву шифротелеграммой по каналу связи резидентуры КГБ с Центром о проделанной работе в Израиле. По прибытии в Москву мы узнали, что та часть сообщения, в которой содержалось обращение Бегина к Брежневу с просьбой принять его с официальным визитом в Москве, была удалена из нашего телеграфного отчета, не выйдя за пределы КГБ.

Мы с Евгением Максимовичем, согласившись с правомерностью оценки Центра о бесперспективности просьбы Бегина о его визите в Москву, тем не менее считали, что об этом следовало бы сообщить, по меньшей мере, в МИД (А.А. Громыко) и, возможно, в международный отдел ЦК КПСС (Б.Н. Пономареву). Желание Бегина приехать в Москву «для решения всех вопросов лично с Брежневым» можно было бы реализовать с пользой для нас разными путями, обойдя политические и протокольные препятствия и условности.

Мы с Евгением Максимовичем считали, что фигуру Бегина следовало бы использовать для разблокирования отношений СССР с Израилем и решения в наших интересах ряда проблем двустороннего порядка и обстановки на Ближнем Востоке.

Ничего такого не произошло, возможность использования «фактора Бегина» была упущена. Для нас с Евгением Максимовичем было очевидно, что восстановление дипотношений с Израилем в 1977 году, то есть на 14 лет раньше фактически восстановленных советско-израильских отношений в октябре 1991 года, могло принести много пользы Советскому Союзу и соз-

дать иную – более благоприятную – для международного сообщества расстановку сил на Ближнем Востоке в последующие годы.

Время шло, арабо-израильское противостояние снижалось, уменьшалась опасность нового масштабного вооруженного конфликта в регионе. События в рамках ближневосточного урегулирования развивались медленно и с осложнениями, но в целом в правильном направлении. Был подписан ряд договоров о мире и установлении дипломатических отношений между государствами региона: Египет–Израиль, Иордания–Израиль и др. Постепенно наш контакт исчерпал свой миротворческий потенциал, и было решено перевести его с высшего уровня поддержания связи между руководством СССР и Израиля в русло взаимодействия двух наших разведывательных служб – ПГУ и «Моссада» – для решения задач, представлявших взаимный интерес. В этом качестве контакт продолжает успешно функционировать и в наше время.

* * *

Вечером 13 января 2015 года в Центре международной торговли на Красной Пресне собрались гости (более 400 человек) на традиционно проводимую в течение многих лет дискуссионным клубом «Меркурий» под руководством Е.М. Примакова встречу Старого Нового года. Это были друзья Евгения Максимовича: министры, госчиновники, депутаты Федерального Собрания РФ, лидеры политических партий, известные политики, журналисты, врачи, режиссеры и артисты театра и кино, представители бизнеса.

Всё было как обычно – вечер проходил празднично, в обстановке дружеского общения. Евгений Максимович был как всегда приветливым хлебосольным хозяином. Играл оркестр, выступали артисты, весь вечер пел Иосиф Кобзон – душа общества и ближайший друг

хозяина застолья. Встреча по традиции началась с доклада Евгения Максимовича о внутреннем и международном положении России. Анализ обстановки в докладе был по-прежнему высокопрофессиональным, а взгляд в перспективу указывал направления успешного решения имеющихся проблем. Полный текст доклада будет по обыкновению на следующий день напечатан «Российской газетой», и его прочитают тысячи россиян и иностранных специалистов. То есть всё как обычно, но... обычным было не всё.

Впервые Евгений Максимович с трудом выходил на сцену конференц-зала и впервые делал доклад, сидя за столом, а не стоя на трибуне, выглядел заметно похудевшим – было件нятно, что Евгений Максимович серьезно болен.

После новогодней встречи я дважды разговаривал с Евгением Максимовичем по телефону, спрашивал, как он себя чувствует. Не распространяясь, он отвечал, что самочувствие плохое, испытывает физическую слабость. Второй раз я сказал о своем желании увидеть его лично. Евгений Максимович ответил, что сейчас ему трудно часто выезжать из дома, но тем не менее предложил согласовать дату нашей встречи через секретаря Ирину Валерьевну Серегину.

Я приехал в ЦМТ в назначенное время, был конец апреля. В приемной были помощник Дмитрий Шиманский и Ирина Валерьевна, которая попросила меня сократить встречу, чтобы не утомлять Евгения Максимовича. В отличие от всегда деловой, доброжелательной, какой-то светлой обстановки, на этот раз я встретил в приемной приглушенные голоса, печальные лица, ни одного посетителя.

Я зашел в кабинет. Евгений Максимович всегда вставал из-за рабочего стола, шел мне навстречу, мы обменялись приветствиями, обнимались и садились за стол для совещаний, за которым проходила наша беседа. На этот раз Евгений Максимович уже сидел за

«Только человек масштаба Примакова мог вот так, преодолевая болезнь, физическую боль и слабость, продолжать всем своим существом переживать, беспокоиться о трудностях России и искать пути преодоления кризиса»

столом для совещаний, поставив руки локтями на стол и ладонями подпирая голову. За три месяца, что я не видел его, он еще больше похудел, лицо стало темным, и на нем не было всегда приветливой доброй улыбки.

Я подошел, обнял его, он ответил движением корпуса вперед, но не мог подняться. Разговор начался с моего вопроса о его самочувствии. Евгений Максимович ответил, что

испытывает постоянную слабость, совсем замучил Ирину (жену), однако она против приглашения сестры-сиделки: всё делает сама. И перевел разговор на тему о положении в стране и внешние события.

Тон Евгения Максимовича был критическим, он высказывался в рамках своих известных левоцентристских взглядов, с раздражением говорил о продолжающейся политике правительства и российской элиты по дальнейшему утверждению в экономике страны либеральных идей. История России, сказал он, в том числе в последние 15 лет, показала, что либеральная система хозяйствования не будет иметь успеха, нам нужен третий – государственно-капиталистический – вариант развития. Государство не должно отдавать частному сектору функции управления, регулирования и контроля делами в стране.

Евгений Максимович сделал несколько критических замечаний в адрес правительства и лично премьер-министра, сказал о необходимости сокращения сильно разросшегося чиновничьего аппарата в центре и на местах, а также запредельных расходов бюджета на управление. Подчеркнул необходимость выравнивания зарплат в госсекторе, повышения пенсий и дохо-

дов бюджетников, введения прогрессивного подоходного налога и др.

С особой озабоченностью и беспокойством Евгений Максимович говорил по поводу складывающейся международной обстановки, давления Запада на Россию. Несколько раз он твердо повторил: «Надо найти правильное содержание и форму диалога с США. Не уступая в принципиальных вопросах и не поступаясь важными национальными интересами, требуется договариваться с американцами... Искать компромиссы и договариваться, – повторил он, – другого пути сейчас нет».

Только человек масштаба Примакова мог вот так, преодолевая болезнь, физическую боль и слабость, продолжать всем своим существом переживать, беспокоиться о трудностях России и искать пути преодоления кризиса.

Прошло минут сорок. Зашла Ирина Валерьевна, чтобы убрать чайную посуду, и дала мне понять о необходимости заканчивать беседу. Я начал прощаться. Евгений Максимович произнес страшно прозвучавшие слова: «Иногда я так плохо чувствую себя, что, засыпая вечером, думаю: хорошо бы не проснуться утром».

Через два месяца Евгения Максимовича не стало. Ушел из жизни патриот, ученый, политик, великий государственный деятель, который не только больно переживал за страну, но и знал, что надо делать для преодоления созданных нами трудностей.

ИВАНОВ Сергей Борисович

Сотрудник Службы внешней разведки РФ в 1991–1998 гг., заместитель директора ФСБ в 1998–1999 гг., секретарь Совета безопасности РФ в 1999–2001 гг., министр обороны в 2001–2007 гг., руководитель Администрации президента в 2011–2016 гг., специальный представитель президента РФ по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта с 2016 г.

Как и чему я учился у Евгения Максимовича

С Евгением Максимовичем я познакомился после его назначения руководителем Центральной службы разведки СССР, преобразованной затем – в конце 1991 года – в Службу внешней разведки Российской Федерации. Я тогда был офицером разведки и очень хорошо помню настроения, царившие в нашем ведомстве накануне и сразу после распада Советского Союза. Оперативный состав был полностью дезориентирован и, я бы даже сказал, деморализован теми процессами, которые происходили в стране. Хорошо помню, как многие мои ровесники – офицеры среднего поколения, талантливые, с опытом работы и прекрасно владевшие иностранными языками – ухо-

дили из разведки, потому что не видели для себя никакой перспективы. И на фоне таких настроений мы все ждали, что нам скажет наш новый руководитель. Евгений Максимович не стал долго тянуть с таким разговором и в начале 1992 года собрал личный состав СВР.

Свое выступление перед нами он начал с того, что четко и ясно заявил: разведка была, есть и будет, никто ее не отменял и отменять не собирается, потому что любая страна для поддержания собственной безопасности и обеспечения своего развития объективно нуждается в такой спецслужбе. Вместе с тем Евгений Максимович сделал важную оговорку, которую мы сразу уловили. Жизнь меняется, подчеркнул он, а уж в последние годы и тем более месяцы меняется просто стремительно, следовательно, возникают совершенно новые вызовы и угрозы безопасности страны, которых не было прежде и которыми советская разведка не занималась. Поэтому разведке надо развиваться, осваивать эти новые направления деятельности – например, противостояние терроризму и распространению оружия массового уничтожения, – чтобы оставаться эффективной и соответствовать той миссии, которая на нее возложена.

Эти идеи Евгения Максимовича довольно скоро нашли свое организационное воплощение. В структуре СВР были созданы новые управления, занимавшиеся контролем над распространением оружия массового уничтожения и взаимодействием со спецслужбами и разведками других государств. Если говорить о последнем направлении, то следует отметить, что у СВР установились прямые профессиональные контакты с ЦРУ, с английской, немецкой и французской разведками. В этих странах стали работать наши открытые представители. Евгений Максимович уделял новым направлениям самое пристальное внимание. Это был его характерный стиль – чутко и оперативно реагировать на происходящие перемены, но при этом не допускать

никаких перекосов в работе и постоянно соизмерять все новации с базовыми функциями разведки.

А подобная «сверка часов» с основным предназначением нашей спецслужбы была в то время крайне необходима. Чего греха таить – в ту пору не только в российском обществе, но и в самой СВР многие считали, что холодная война закончилась, поскольку идеологического противостояния с Западом больше нет, так как мы сами строим рыночную экономику, да и от коммунистической идеологии отказались. А значит, теперь с нашими западными партнерами спорить особо не о чем. Но уже через несколько лет, к середине 1990-х годов, эти так называемые партнеры дали понять, что война разведок как была, так и осталась и с окончанием холодной войны. Если она даже закончилась, что на фоне сегодняшних событий выглядит сомнительным, ничего не изменилось. Западные спецслужбы продолжали очень жестко, с задействованием всех своих возможностей работать против нас и рассматривать Россию, как в свое время Советский Союз, в качестве главного противника. И поэтому нам надо быть безмерно благодарными Евгению Максимовичу за то, что он в обстановке той наивной эйфории братания с нашими вчерашними оппонентами, во-первых, спас внешнюю разведку России от элементарной ликвидации – такой вариант на самом деле рассматривался в тогдашних российских верхах, – а во-вторых, сумел построить оптимальный, максимально возможный в ситуации экономических трудностей тех лет способ ее развития, благодаря чему она сохранила свою конкурентоспособность как одна из ведущих разведок мира.

Евгений Максимович стоял у истоков еще одного важнейшего новшества в работе разведки – регулярного информирования общественности о деятельности этой спецслужбы. Ничего подобного не было ни в Первом главном управлении, ни в союзном КГБ в целом. У СВР появился пресс-секретарь. На эту должность

была приглашена известная и авторитетная журналистка Татьяна Викторовна Самолис. Постепенно у СВР выработалась собственная манера сообщать российским и зарубежным наблюдателям о своей работе – содержательно, по-деловому, но в то же время без использования закрытой информации и не касаясь общих вопросов внешней и тем более внутренней политики страны. Вместе с тем свое слово – там и тогда, где и когда оно было нужно, – СВР стала произносить, что подчас бывало не только данью времени, требовавшего большей открытости в работе спецслужб, но и вполне политическими акциями.

Как минимум дважды Евгений Максимович сыграл исключительно важную – если не сказать определяющую – роль в моей собственной судьбе. Первый раз это было в середине 1990-х. Евгений Максимович пригласил меня к себе в кабинет – это была наша первая беседа с глазу на глаз. Причина, по которой директор СВР вызвал меня к себе, была названа сразу – Евгений Максимович предложил мне отправиться в качестве резидента в одну из стран. При этом он продемонстрировал исключительную осведомленность: говорил о приоритетах разведывательной деятельности в этой стране, на что там следует обратить внимание, как конкретно строить работу резидентуры. Мы подробно поговорили и о политической ситуации в этой стране, поскольку непосредственно я занимался именно политической разведкой, коснулись и в целом ситуации в мире, в частности войны в Югославии. Словом, я был проинструктирован по полной программе перед отправкой в эту командировку, которую считаю вполне успешной.

А второй раз Евгений Максимович скорректировал – и снова благоприятным образом – мою профессиональную деятельность несколько лет спустя, когда уже был министром иностранных дел. Кстати, об этой истории как-то рассказывал и Владимир Владимирович Путин.

Дело было в 1998 году, вскоре после назначения Владимира Владимировича директором ФСБ. До этого мы с ним были давно знакомы. Возможно, именно поэтому он позвонил мне в СВР и предложил стать его заместителем. Но я поначалу решительно отказался. И не потому, что встал в какую-то там позу, а просто потому, что мне очень нравилась моя работа в разведке, я считал, что служба складывается успешно – к тому времени я уже был генералом. И я честно сказал Владимиру Владимировичу, что очень ему благодарен за предложение, но предпочел бы остаться на своем месте. Однако Владимир Владимирович, похоже, для себя всё решил и не намеревался отступать. Он позвонил Евгению Максимовичу и попросил его переговорить по поводу меня с директором СВР Вячеславом Ивановичем Трубниковым, который получил эту должность именно благодаря Евгению Максимовичу, пожелавшему видеть Вячеслава Ивановича своим преемником. И вскоре после разговора с Владимиром Владимировичем меня вызвал к себе Трубников и сказал, чтобы я заканчивал с СВР, что мне надо принять заманчивое предложение директора ФСБ, что вообще СВР крайне заинтересована в том, чтобы ее кадровый сотрудник из высшего состава с большим опытом и стажем работы продолжил службу на руководящем посту в ФСБ... В общем, уговорил, о чем я впоследствии не пожалел. Поэтому не будет особым преувеличением сказать, что своей дальнейшей работой на ответственных государственных должностях я во многом обязан Евгению Максимовичу.

Впоследствии я неоднократно встречался с Евгением Максимовичем – и по служебным делам на официальных мероприятиях, и просто так заходил к нему – поговорить, чайку попить, обсудить в неформальной обстановке разные вопросы. Его всегда было очень интересно послушать – о чем бы он ни говорил. Он обладал фантастической эрудицией, мог выска-

заться буквально по любому вопросу. Не стану скрывать, будучи при власти и имея возможность общаться с Евгением Максимовичем, я часто этим пользовался – подъезжал к нему и конфиденциально советовался по некоторым вопросам. До сих пор с благодарностью вспоминаю его советы, а некоторым из них продолжаю следовать до сих пор.

При этом не могу сказать, что во время наших бесед всегда и во всём соглашался с Евгением Максимовичем. Бывало, мы расходились во мнениях – правда, не стратегически, а тактически, по тем или иным вопросам прикладного характера. Но даже в таких случаях он предельно деликатно выслушивал мнение, с которым не соглашался, и никогда не осаживал меня с высоты своего профессионального и жизненного опыта, хотя – как я уже сейчас понимаю – мог бы, причем вполне обоснованно. Максимум, что он в таких случаях себе позволял, это просто мягко, но вместе с тем удивительно метко пошутить, вспомнив какой-нибудь анекдот, которых он знал, как казалось, несметное количество, и практически никогда не повторяясь. Это удивительное чувство юмора было еще одной дополнительной причиной, по которой Евгения Максимовича очень ценили.

Глубокое взаимное уважение и чисто человеческая симпатия отличали взаимоотношения Евгения Максимовича и Владимира Владимировича Путина. Думаю, что решающую роль здесь сыграло то, как себя повел Владимир Владимирович после отставки Евгения Максимовича с поста председателя правительства в мае 1999 года. Очень хорошо помню, как на следующий же день Владимир Владимирович позвонил Евгению Максимовичу и попросил разрешения навестить его. Он радушно согласился, и Владимир Владимирович вместе с группой руководящих сотрудников ФСБ, в числе которых был и я, приехал на дачу к бывшему премьеру. Это была незабываемая встреча. Владимир

Владимирович от лица всех нас просто, без напыщенности, по-человечески поблагодарил Евгения Максимовича за совместную работу и особенно отметил, что отношение всех навестивших его в тот день как было исключительно уважительным и добрым, так таким и останется впредь, на каких бы должностях все мы впоследствии ни оказались. Потом как-то Евгений Максимович сказал мне, что оценил этот шаг Владимира Владимировича – шаг, который в те дни далеко не у всех мог вызвать сочувствие, – и очень ему благодарен.

Меня особенно впечатляло то, как Примаков работал с людьми, как бережно относился к кадрам, как делал всё от него зависящее для того, чтобы лица, заслуживающие повышения, вовремя его получали. Поражает и то, как органично вписывался он во все те структуры, какие ему пришлось возглавлять. Ведь Евгений Максимович стал руководителем разведки, не будучи при этом профессиональным разведчиком. Да, к тому времени он обладал богатым опытом эксперта-международника, но навыки кадрового разведчика – это все-таки совсем другое. Между тем он привел с собой в разведку только двух своих людей – Юрия Антоновича Зубакова и Роберта Вартановича Маркаряна – и никакой кадровой перетряски не устраивал. Его заместителями оставались кадровые разведчики – очень сильные и авторитетные специалисты, каждый с опытом как минимум двух-трех заграничных командировок. Евгений Максимович полностью им доверял и, честно говоря, в текущую оперативную работу особо сильно и не вмешивался. Когда он перешел из СВР в МИД, то и там не стал делать кадровой революции, ограничив-

«Меня особенно впечатляло то, как Примаков работал с людьми, как бережно относился к кадрам, как делал всё от него зависящее для того, чтобы лица, заслуживающие повышения, вовремя его получали»

шись лишь переводом в высотку на Смоленской тех же Зубакова и Маркаряна. Такую же административную аккуратность и такое же уважение к старым кадрам Евгений Максимович проявил, возглавив правительство. То есть даже заняв вторую по значимости государственную должность, он не изменил своим принципам работы с кадрами.

В СВР и впоследствии в правительстве, куда я иногда приходил на заседания в качестве заместителя директора ФСБ, когда Владимир Владимирович по каким-то причинам не мог присутствовать сам, я наблюдал стиль работы Евгения Максимовича. Прежде всего – работы с людьми, с кадрами. Да, наверное, не просто наблюдал, а незаметно для себя чему-то у него

учился. И когда я потом переходил из Совета безопасности в Министерство обороны, а из Министерства обороны в правительство, то каждый раз буквально «по-примаковски» брал с собой двух-трех сотрудников со старого места работы и не провоцировал на новом месте кадровой чехарды. Так уж вышло, что во всех тех структурах, которые мне доводилось возглавлять, особенно требуются профессионалы. И заменять их людьми с улицы, которые делают вид, что они крупные специалисты, но на самом деле таковыми не являются, – не просто наивно и глупо, но и опасно. Опора на старые профессиональные кадры, преемственность и стойкие корпоративные традиции – вот неперемненные условия эффективной работы любой государственной структуры. И никакие революции тут не нужны – хватит с нас 1917 и 1991 годов. Страна, как и каждая сложная система, должна развиваться эволюционно, естественным путем, без насилия над своей природой и без шахраний из огня да в полымя.

А вообще не только мне, но и в целом тем, кто сегодня занимает важные государственные посты, есть чему поучиться у Примакова. Например, виртуозному соединению галантности, предупредительности и учтивости с умением жестко и бескомпромиссно отстаивать интересы своей страны. В связи с этим не могу не вспомнить знаменитое дело Эймса. Когда в начале 1990-х годов мы пытались выстраивать новые отношения с Западом, то рассчитывали на то, что нам удастся найти точки соприкосновения по наиболее значимым, актуальным вопросам как собственно межгосударственных отношений, так и текущей мировой повестки развития, а деятельность по добыванию закрытой информации – ни с их стороны, ни с нашей стороны – не должна препятствовать развитию такого взаимопонимания. Но наши западные партнеры придерживались иного мнения. Им нужно было либо всё, либо ничего. Иными словами, они давали понять, что неперменным

условием содержательного диалога между Западом и Россией должен быть в том числе полный отказ нашей страны от любой разведывательной деятельности – по крайней мере, в ведущих западных странах. При этом сами они не собирались отказываться от аналогичной деятельности в нашей стране. И всякий раз, когда американцы – а наиболее жестко отказаться от разведки на Западе требовали от России именно они – разоблачали нашего агента, особенно в своих спецслужбах, они поднимали невероятный шум и сразу же перенесли обычный шпионский скандал на межгосударственные отношения в целом. Когда же мы разоблачали американского или английского агента, пусть даже в рядах наших спецслужб, то не раздували этот казус до уровня дипломатического скандала с высылкой из страны десятков дипломатов, которые не имели никакого отношения к этому раскрытому агенту. Американцы же поступали иначе. Помню, в начале 2000-х годов, когда в США был арестован сотрудник ФБР Роберт Ханссен, подозревавшийся в многолетнем шпионаже в пользу СССР и России, из Вашингтона выслали около сотни наших дипломатов. И на мою обращенную к американским партнерам вполне резонную просьбу назвать, кто из высланных россиян связан с Хансеном, я получил ответ: мол, вопрос так не ставится, но мы же вас поймали, поэтому вы должны быть наказаны. И российской стороне пришлось тогда предпринимать симметричные меры, хотя мы, честное слово, не имели ни малейшего желания придавать этому скандалу политическую окраску.

По той же самой причине, когда началось дело Эймса и американская сторона придала ему именно политическую окраску, Евгений Максимович был вынужден пересмотреть тот доверительный стиль контактов с ЦРУ, который успел сложиться к тому времени у СВР. Но даже признав необходимость отката к прежнему противостоянию спецслужб, он прилагал все силы

для того, чтобы это противостояние не распространилось на экономические, политические и культурные контакты между нашими странами.

Еще один важный урок, который Примаков преподнес всем нам – его преемникам на ключевых государственных постах, – это демонстрация того, как в большой политике следует разграничивать служебное и личное и как обращать личное на пользу служебному. Возглавляя МИД, а затем и правительство, он вел переговоры с самыми разными представителями других стран. Естественно, что кто-то из них чисто по-человечески импонировал ему, а кто-то, напротив, вызывал

неприязнь. Но Евгений Максимович внешне никогда не демонстрировал своих подлинных чувств и был предельно ровен со всеми, в том числе с теми, к кому не питал симпатий. Другое дело – и я с этим сталкивался на собственном опыте выстраивания отношений с зарубежными коллегами, – что иногда с партнером, пусть даже и неблизким тебе и твоей стране политически, может возникнуть то, что я называю «химией» – некая взаимная расположенность на личном уровне, когда появляется обоюдное желание пошутить, поговорить на какие-то отвлеченные темы. Вместе с тем такая «химия» никоим образом не мешает партнерам вновь усаживаться по разные стороны переговорного стола и бескомпромиссно отстаивать каждому свою позицию.

Подобного рода отношения сложились у Евгения Максимовича с Мадлен Олбрайт. Мне с ней тоже доводилось вести переговоры уже на исходе ее дипломатической карьеры, когда я был секретарем Совета безопасности. И я понял, чем Олбрайт могла расположить к себе Евгения Максимовича. Интересная и остроумная собеседница, она, будучи по происхождению из Восточной Европы, тонко чувствовала и понимала многие из советских и современных российских реалий, которые не улавливали другие представители американского истеблишмента. Точно такой же интерес вызвала к себе и Кондолиза Райс, с которой мне приходилось много раз встречаться. Она также могла расположить к себе, заинтересовать собеседника, вопросы интересные задавала, причем со знанием дела. Хорошие личные отношения у меня были и с Дональдом Рамсфельдом, хотя он считался у нас «ястребом». Но в данном случае это как раз яркий пример того, как расхождения в политических взглядах могут совершенно не препятствовать возникновению взаимной расположенности на личном уровне. У нас всегда получалось находить общий язык, с ним было интересно поговорить и поспорить. Кстати, он всегда с большим

вниманием выслушивал и те суждения, которые шли наперекор его собственным, пытался разобраться в них до мелочей. Не исключая, что во многом именно благодаря нашим с ним личным контактам оборонным ведомствам обеих стран удавалось сотрудничать друг с другом, и довольно успешно – вплоть до проведения совместных учений. Вот наглядный пример того, как личное может помочь служебному. Но обратной связи – от служебного к личному – не просматривается. Во всяком случае, я подобных примеров не наблюдал. «Химия» в межличностных отношениях возникает на каком-то иррациональном уровне.

Хотя не всегда так, и дипломатический опыт Евгения Максимовича свидетельствует о том, что прагматика может стать важным составным элементом «химии». Это подтверждают его отношения с Генри

Киссинджером. Они оба были примерно одного возраста, хорошо помнили холодную войну, оба занимались проблемами разрядки. То есть и тот и другой хорошо себе представляли специфику отношений между нашими странами на протяжении значительного периода времени. А люди с таким жизненным опытом, как правило, очень рассудительны и гораздо большие прагматики, нежели молодые радикалы, которые делают ошибки чуть ли не на каждом шагу. И этот выношенный годами прагматизм объективно сблизил Примакова и Киссинджера. Не потому ли Киссинджер и сегодня придерживается отличной от преобладающей в нынешней Америке позиции в отношении России и российского президента? Я имел возможность несколько раз общаться с этим человеком и могу со всей определенностью заявить, что если бы теперешняя американская администрация прислушивалась к его рекомендациям, то отношения между Россией и Соединенными Штатами были бы гораздо более конструктивными.

Конечно, нам сейчас очень недостает Евгения Максимовича, его взвешенного, умудренного взгляда на происходящее, его непредвзятых оценок, его ясного понимания текущего исторического момента и его прогнозов. С одной стороны, конечно же, не хочется как-то уж особенно драматизировать нынешние трудности. В конце концов, вот уже несколько веков Запад вводит против России разного рода санкции – нам к ним не привыкать. Мы уже давно поняли, что для некоторых государств Россия как кость в горле, и они всегда найдут повод, чтобы чем-то нас уязвить. К этому надо относиться абсолютно спокойно, что, кстати, и демонстрирует наш президент. Но с другой стороны, было бы неоправданным легкомыслием преуменьшать выпавшие на долю России трудности. А в такой ситуации поддержка советом или просто сочувствием старшего товарища всегда оказывается к месту. И я очень рад,

что успел обсудить с Евгением Максимовичем незадолго до его кончины ситуацию на Украине. Наше видение этой проблемы совпало практически полностью. Во время той встречи, которой суждено было стать последней, я в очередной раз подивился его фантастическому аналитическому чутью: не имея возможности по состоянию здоровья находиться в курсе всех событий, он тем не менее высказывал очень точные суждения о происходящем, порой даже не располагая достаточными фактами, но при этом не сомневаясь в том, что такие факты имеются и работают на подтверждение его слов. Причем говорил он не отстраненно, чем так любят щеголять многие, так сказать, независимые эксперты, а с нескрываемой и глубоко личной заинтересованностью в том, как в сложившейся ситуации можно наилучшим образом обеспечить соблюдение интересов страны. Более того, зная, что дни его сочтены, Евгений Максимович тем не менее держал себя со мной в обычной присущей ему манере доброй расположенности к собеседнику и неизменного юмора: он подарил мне свою только что изданную очередную книгу и подписал ее: «Буду рад любым замечаниям»...

Интеллектуал высочайшего уровня и настоящий патриот России – вот каким остался в моей памяти Евгений Максимович.

РАПОТА Григорий Алексеевич

Заместитель директора Службы внешней разведки
в 1994–1998 гг., государственный секретарь
Союзного государства России и Белоруссии с 2011 г.

В разведке Академика уважали

Назначение Евгения Максимовича руководителем разведки было поначалу воспринято сотрудниками с настороженностью. В своем кругу они сразу окрестили его «Академиком». Никто не понимал, как сможет этот сугубо гражданский человек (до него службу возглавлял кадровый разведчик, прошедший по служебной лестнице от рядового опера до начальника Первого главного управления КГБ СССР, Леонид Владимирович Шебаршин) справиться с возложенной на него миссией.

Однако очень быстро этот налет настороженности начал исчезать и вместе с этим менялась интонация, с которой произносилось слово «Академик» – от равнодушно-пренебрежительного до почтительного «наш Академик». Как это получилось? Что он сделал для того, чтобы разведка не только приняла его, но и стала им гордиться?

Прежде всего он уважительно и с искренним интересом, но без какого-либо заискивания (которое, кстати, было противно его натуре) отнесся к профес-

«Евгения Максимовича отличало очень внимательное отношение к мнению экспертов. И вообще – уважительное отношение к собеседнику, на какой бы профессиональной и социальной лестнице он ни стоял»

сиональному сообществу разведчиков. Сотрудники почувствовали с его стороны доверие к себе как к профессионалам и стали доверять ему как политику, организатору и просто умному человеку.

Евгения Максимовича отличало очень внимательное отношение к мнению экспертов. И вообще – уважительное отношение к собеседнику, на какой бы профессиональной и

социальной лестнице он ни стоял. В этом сказывался и его собственный опыт эксперта. Можно и нужно критически оценивать общий вектор политического развития общества в советский период, но очевидно одно: ни одно важнейшее решение не принималось высшим политическим руководством без предварительной проработки на экспертном уровне. Хотя понятно, что некоторые заключения делались с поправкой на политическую заданность и, конечно же, не все экспертные мнения принимались целиком и без поправок. Работникам внешнеполитических ведомств были хорошо известны такие фамилии, как Загладин, Замятин, Арбапов, Иноземцев, Бовин, Журкин и другие. Иногда экспертные группы этого уровня личностей собирались на одной из правительственных дач на несколько дней для выработки решения «на заданную тему». Причем, помимо того что это были сами по себе ученые с мировым именем, за каждым из них стоял еще и научный коллектив: Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт Европы, Институт Ближнего Востока и др. К числу этого экспертного сообщества, несомненно, относился и Евгений Максимович Примаков. Он не только хорошо понимал важность экспертизы при принятии ре-

шений, но и знал нюансы взаимоотношений экспертов с политическим руководством и, будучи реалистом, тонко чувствовал пределы возможного, то есть ту грань, за которой экспертные оценки могут быть не восприняты.

Этот опыт проявлялся в том, что его интересовало любое экспертное мнение, пусть даже самое радикальное, не всегда совпадающее с его собственным мнением. Если он не соглашался, то обосновывал свою позицию, не принижая собеседника, не лишая его воли к самостоятельному мышлению. Похоже, что он не очень доверял тем, кто относился к категории «слепых исполнителей». И вместе с тем как руководитель всегда был тверд, оставляя за собой последнее слово. Если подчиненный в пылу полемики терял чувство меры и продолжал настаивать на своем, Евгений Максимович мог с улыбкой сказать: «Может быть, вы позволите мне побыть начальником...»

При принятии важных решений он часто советовался со своими заместителями, начальниками управлений и даже с непосредственными исполнителями. Так, один раз накануне заседания Совета безопасности поздно вечером созвал своих заместителей на экстренное совещание. Речь шла о возможности использования армии в Чечне. Конечно же, у Евгения Максимовича был свой взгляд на ситуацию, но он решил обкатать его на коллегах. К такой практике он прибегал довольно часто, касалось ли это политических вопросов или внутренних дел службы. Конечно же, круг привлекаемых к обсуждению был разным – и весьма широким (по общим, касающимся всех вопросам), и крайне узким (по оперативной тематике).

Кроме того – и это, пожалуй, самое главное, – Евгений Максимович очень деятельно взялся за встраивание службы в систему политических реалий, сложившуюся в начале 90-х годов. Если исходить из того, что

решение любой задачи имеет ряд обязательных составляющих – выработка идеологии, формирование правовой базы, создание адекватного механизма реализации, обеспечение материально-финансовыми ресурсами и информационное сопровождение, – то всё это мы могли наблюдать в его действиях.

Были внесены коррективы в определение целей в деятельности разведки: вместо категорий «противник–союзник» главным становился критерий «национальные интересы». Он твердо придерживался того, что страна не должна находиться в глухой конфронтации со всеми, кого когда-то – в основном по идеологическим соображениям – посчитали «противником» или даже «главным противником». Более того, у нас с ними может быть даже общее поле для взаимодействия. Это – борьба с терроризмом, наркотиками, отмыванием денег, сотрудничество в области нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Решать эти

вопросы можно и нужно в режиме диалога, в том числе и со спецслужбами. Одновременно мы должны определиться с нашими национальными интересами и жестко противодействовать любым попыткам нанести им ущерб.

Евгений Максимович был первым среди российских политиков, кто сформулировал приоритетность в обеспечении национальных интересов. На первое место он ставил сохранение территориальной целостности, основанное на эффективных институтах власти и прочной экономической базе. На второе место – создание для страны комфортной среды обитания, базирующейся прежде всего на стабильных дружеских отношениях с сопредельными странами. В конечном счете конфликтные ситуации в далекой Латинской Америке или Африке, сколь бы ни были они сами по себе печальными, несут меньшую угрозу для национальной безопасности России, нежели внутренний или внешний конфликт в приграничном государстве. Отношениям со странами СНГ должно придаваться приоритетное значение.

Отдавая должное международной роли США и считая необходимым поддержание «тесного диалога с этой страной», он первым поднял вопрос о многополярности политического мироустройства.

Евгений Максимович твердо отстаивал самостоятельную роль разведки как важного инструмента внешнеполитической деятельности государства. Он считал, что законодательное закрепление статуса службы (как, впрочем, и любого государственного ведомства) гарантирует стабильность в работе, препятствует текучести кадров, порождает у сотрудников ощущение перспектив и своей востребованности. Именно поэтому им и было инициировано принятие закона «О внешней разведке». Да и само название Службы внешней разведки, а также ее символы были созданы при его непосредственном участии.

«Ответственно и строго относясь к своей работе, в том числе и в бытность корреспондентом газеты, он ожидал такой же ответственности и от современных тружеников пера»

Встав во главе разведки, он постарался максимально сохранить структуру и кадры, понимая губительность порочной практики тотальной замены профессионалов на «своих людей», влекущей за собой потерю компетенции всей организации. Те три человека, которые пришли с Примаковым в службу, гармонично вписались в коллектив не только по-

тому, что имели тот же стиль выстраивания отношений с людьми, но и потому, что обладали богатым опытом оперативной работы в спецслужбах и на административных должностях.

Одним из концептуальных нововведений, соответствующих ситуации в стране и настроениям в обществе, стала бóльшая открытость в освещении деятельности разведки. Для этого было создано первое среди силовых структур и спецслужб пресс-бюро СВР, укомплектованное специалистами, имеющими опыт журналистской работы. Пресс-конференции, брифинги, выступления в печати, на радио и телевидении с разъяснениями и информацией о деятельности разведки стали обычным делом. Причем сам Евгений Максимович принимал в этом активное участие. И это несмотря на то, что с журналистами у него порой складывались непростые отношения. Он возмущался появлением такого нового для нашей страны явления, как «желтая пресса». Ответственно и строго относясь к своей работе, в том числе и в бытность корреспондентом газеты, он ожидал такой же ответственности и от современных тружеников пера. Примаков бурно реагировал, да и просто обижался, когда в СМИ появлялись спекуляции, а порой и ложные слухи, касающиеся его самого или службы. Будучи человеком высоконравственным,

Евгений Максимович требовал (к сожалению, зачастую безуспешно) того же от представителей прессы.

В период его руководства службой был отработан и порядок рассекречивания находящихся в архивах документов. Это дало возможность сделать достоянием гласности материалы, имеющие историческую ценность, а также удовлетворить запрос общественности на информацию о формах и методах работы разведки и их соответствии коренным интересам национальной безопасности страны. Упорядочение доступа к архивам имело, как это ни парадоксально, и еще одну важную составляющую: уберечь от любопытных глаз оперативные и государственные секреты, не подвергнуть опасности судьбы людей, так или иначе связанных с разведкой. С позиции сегодняшнего дня трудно представить ситуацию, когда некоторая активная часть общественности, опьяненная свалившейся ей в руки властью, требовала полного обнародования архивов спецслужб. А такие действия, как выдача американцам тогдашним главой российской контрразведки Вадимом Бакатиным подслушивающих устройств в американском посольстве (с тщетным ожиданием симметричных ответных шагов), лишь подогревали эти настроения.

Очень много было сделано для финансового и материального укрепления службы. В самые сложные годы – в начале 90-х – стабильно выплачивалась зарплата сотрудникам. Сейчас трудно представить, что могло бы быть иначе, однако в то время не только на заводах и фабриках, но и в системе государственной власти это было явлением уникальным. Так же, как, впрочем, и обеспечение жильем принимаемых в СВР новых сотрудников, что являлось крайне важным для сохранения возможности подобрать кадры для службы на всей территории России.

Это всё делает понятным, почему в службе с благодарностью повторяют, что Евгений Максимович в трудное время спас разведку.

Раздел 3

Запомнили, конечно же, его и как человека большого ума, знаний и аналитических способностей. На совещаниях он обычно сидел с, казалось бы, непроницаемым, отрешенным выражением лица. Можно было подумать, что он где-то не здесь, думает о чем-то своем. Потом наставлял его черед высказаться, и становилось понятно, что он всё слышит и не упускает ни одного слова, ни одной мысли выступающих. Его речь демонстрировала работу ума по систематизации того, что было сказано, сопоставлению с ранее ему известным, выстраиванию некоторой логической цепи событий и фактов с обязательными выводами в конце. Формулировки его всегда были точны и лаконичны: первое... второе... третье...

Евгений Максимович обладал большой притягательной силой. Мастер находить и сохранять друзей, что очень ценится в разведке, – но у него это не приобретенное качество, а существо природы. Причем в общении с людьми, особенно подчиненными, он проявлял деликатность, никогда не переходя на «ты» (в отличие от панибратски-хамоватой привычки некоторых руководителей), всегда апеллируя к достоинствам человека, нежели к его недостаткам, то есть делал то, что приподнимало собеседника в его собственных глазах и во мнении окружающих. Этот образ умного, тонкого человека, мудрого и твердого руководителя, сделавшего много важного и полезного для страны, останется в душе и воспоминаниях тех, кому посчастливилось общаться с Евгением Максимовичем.

Разум диктует – остаться не можем.
Но разве в разуме дело,
Если все чувства морозом по коже
Напряжены до предела.

Евгений Примаков

Раздел 4

Мастер высокой дипломатии

*Сергей Лавров
Игорь Иванов
Махмуд Абас
Шимон Перес
Генри Киссинджер
Мадлен Олбрайт
Хавьер Солана
Эрве де Шаретт
Юбер Ведрин
Ламберто Дини
Живадин Йованович*

ЛАВРОВ Сергей Викторович

Постоянный представитель России при ООН
в 1994–2004 гг., министр иностранных дел с 2004 г.

Учитель и друг

Прошло больше года, как от нас ушел Евгений Максимович Примаков. С течением времени всё полнее открывается многогранность его поистине уникальной личности – выдающегося государственного, политического, общественного деятеля, дипломата, ученого-международника.

Перечень его заслуг и достижений выходит далеко за рамки обычной жизни. Об этом уже много говорилось. Убежден, что феномен Евгения Максимовича еще предстоит по достоинству осмыслить и оценить. Подспорьем в этой работе призвано стать подготовленное Торгово-промышленной палатой Российской Федерации издание первого собрания сочинений Е.М. Примакова в десяти томах.

Человек, который в переломные для нашей страны годы возглавлял правительство России, а до этого Службу внешней разведки и Министерство иностранных дел, руководил крупными отечественными научно-исследовательскими центрами в области международных отношений, на протяжении десяти лет являлся президентом ТПП России, не мог не обладать уникаль-

ными профессиональными и человеческими качествами.

Весь его жизненный путь – свидетельство последовательного отстаивания национальных интересов, подвижнической работы, проникнутой истинным патриотизмом и беззаветным служением Отечеству. Е.М. Примаков пользовался глубоким, искренним уважением в России, значительным авторитетом за ее пределами. К нему прислушивались, в том числе и те, кто не разделял его взглядов и убеждений. Он излучал позитивную ауру, был неизменно нацелен на созидание, на достижение практических результатов.

Немало добрых слов сказано о его заслугах на посту председателя правительства в 1998–1999 годах в сохранении гражданского мира и согласия, преодолении поразившего страну глубочайшего системного кризиса. Эти достижения, как и в целом всё, что делал Евгений Максимович, получили положительную оценку представителей всей палитры политических сил России.

Для нас, дипломатов, разумеется, особенно важен тот период, когда Е.М. Примаков был министром иностранных дел. Его приход на Смоленскую площадь стал поворотным моментом во внешней политике государства, ознаменовал создание предпосылок для восстановления позиций России на международной арене. Евгений Максимович лучше многих понимал, что уникальное географическое положение нашей страны, ее многовековая история наряду с масштабным потенциалом и статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН определяют самостоятельность и многовекторность внешнеполитического курса.

Трудно переоценить вклад Е.М. Примакова в выработку и продвижение концепции многополярности. Он убедительно доказал иллюзорность попыток сколотить однополярную модель мироустройства, неспособность узкой группы «избранных» эффективно ре-

шать многочисленные проблемы современности. Тогда у этой теории было немало критиков. Сегодня формирование полицентричной архитектуры, отражающей культурно-цивилизационное многообразие современного мира, естественное желание народов самим определять свое будущее, стало объективной реальностью, что признается большинством серьезных политиков и экспертов. Осознание Е.М. Примаковым необходимости начала трехстороннего взаимодействия в формате Россия–Индия–Китай, остающегося востребованным вектором приложения усилий его участников, заложило основу для последующего создания объединения БРИКС, которое прочно утвердилось в качестве одного из важных элементов, а по сути – ключевой опоры процесса становления многополярного мира.

Принципиальная линия Е.М. Примакова с уважением воспринималась многими политиками за рубе-

жом. Еще в январе 1996 года мне об этом говорил Генри Киссинджер, с которым мы были в Нью-Йорке на обеде у посла Израиля. Когда кто-то из присутствовавших за столом спросил, как патриарх американской дипломатии расценивает новое назначение, учитывая, что предшественник Е.М. Примакова был очень удобен для Запада, а новый министр придерживается совсем других взглядов, Киссинджер ответил, что ему всегда было удобнее иметь дело с людьми, которые четко понимают свои национальные интересы. В своей лекции в Фонде поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова 4 февраля 2016 года Киссинджер особо отметил большую любовь Евгения Максимовича к Отчеству, отдал должное его блестящим аналитическим способностям, глубокому пониманию тенденций мирового развития.

При этом Евгений Максимович никогда не являлся сторонником конфронтации. Его знаменитый разворот над Атлантикой был не попыткой взвинтить напряженность в мире, а твердым напоминанием о необходимости выстраивать диалог с Россией на равных, в целом соблюдать в мировых делах основополагающие международно-правовые нормы. Прекрасно понимая, что дипломатия не может быть успешной без хороших личных контактов, он, благодаря своим интеллекту и эрудиции, способности к открытому и взаимоуважительному общению, сумел наладить добрые отношения с подавляющим большинством иностранных коллег.

Отдельного упоминания заслуживает стиль работы Евгения Максимовича, который, уверен, будет являться эталоном для многих поколений отечественных дипломатов. Несмотря на крайне насыщенный рабочий график, он всегда был в курсе всех нюансов развития мировой ситуации, глубоко вникал в самые сложные и запутанные проблемы, которыми ему приходилось заниматься. Аналогичного подхода он требовал и от подчиненных – не терпел шаблонов, поверхностных, скороспелых оценок и суждений.

Для сотрудников МИД Евгений Максимович был не только справедливым начальником, но и старшим товарищем, мудрым наставником. Он исключительно бережно относился к людям, работавшим рядом с ним, уделял большое внимание созданию в министерстве доброжелательной атмосферы. Понимание им необходимости сочетания интересов дела с учетом обстоятельств личного характера стимулировало каждого дипломата, помогая работать творчески, с максимальной отдачей.

В условиях ограниченности бюджетных средств ему удалось многое сделать для укрепления престижа дипломатической службы, в том числе путем улучшения условий труда, повышения денежного содержания сотрудников МИД, решения насущных бытовых вопро-

сов. Благодаря его усилиям прекратился отток профессионалов, а работа на Смоленской площади вновь стала привлекательной для талантливой молодежи, включая выпускников МГИМО. Он сплотил наш коллектив, сориентировал его на эффективное решение стоящих перед Россией масштабных задач.

Вспоминаю в связи с этим май 1998 года, когда целая группа сотрудников МИД во главе с Е.М. Примаковым была удостоена высоких государственных наград за большой вклад в проведение внешнеполитического курса. Среди них был и я, работавший тогда постоянным представителем при ООН. После вручения была сделана фотография, в центре которой – Евгений Максимович со своей неизменно мудрой и открытой улыбкой. Она до сих пор является одной из моих самых любимых и сейчас стоит на столе в рабочем кабинете на Смоленской площади.

Разумеется, мы поддерживали самые тесные контакты с Евгением Максимовичем и в период, когда он возглавлял ТПП России. В 2003 году МИД и ТПП заключили соглашение о сотрудничестве. С опорой на положения данного документа российские заграничные учреждения и представительства палаты за рубежом продолжают тесно и успешно взаимодействовать по широкому спектру вопросов в интересах поддержки отечественного бизнеса, расширения географии внешнеэкономической деятельности.

После ухода с официальных постов Е.М. Примаков не терял связи с министерством, деятельно участвовал в работе научного совета при министре иностранных дел, вносил самый активный вклад в интеллектуальное осмысление тектонических сдвигов в мировом геополитическом ландшафте, способствуя формулированию глубоких, продуманных предложений, направленных на совершенствование и эффективное осуществление внешнеполитического курса страны.

При этом сфера научных приоритетов Евгения Максимовича не ограничивалась международными отношениями. Он всемерно способствовал поиску оптимальных решений стоящих перед страной проблем в различных областях, прежде всего в экономике, на благо граждан. Отдельного упоминания заслуживает участие Евгения Максимовича в заседаниях дискуссионного «Меркурий-клуба», ставшего авторитетной площадкой для плодотворного диалога политиков, представителей экспертного сообщества, деловых кругов. Выступления Е.М. Примакова неизменно вызвали неподдельный интерес.

Как отметил президент В.В. Путин, Евгений Максимович мыслил глобально, открыто и смело. Убежден, что его богатейшее наследие, его многогранные, глубокие работы будут и впредь являться важным интеллектуальным подспорьем в деле построения процветающей, уверенной в своих силах России, упрочения ее авторитета и влияния в мире.

Мы с Евгением Максимовичем неоднократно общались в неформальной обстановке, бывали в одной компании, сидели за общим столом. В такие минуты особенно ярко проявлялась его замечательная способность совмещать дела мирового значения с вниманием к окружающим, к своей семье, своим товарищам. Он был верен дружбе, всегда был готов подсказать, прийти на выручку, просто по-человечески помочь.

Память о Евгении Максимовиче Примакове будем хранить всегда. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об увековечении памяти Е.М. Примакова» в Министерстве иностранных дел учреждена медаль Примакова, которой будут награждаться лица, внесшие вклад в реализацию государственной политики нашей страны, в разработку и успешную реализацию ее внешнеполитического курса.

ИВАНОВ Игорь Сергеевич

Министр иностранных дел в 1998–2004 гг.

Его присутствие побуждало окружающих быть добрее

Кто-то верит в судьбу, а кто-то нет. Но даже если в нее не верить, то сами события невольно заставляют об этом серьезно задуматься.

Окончив в 1969 году институт, я, после того как попытал счастья в нескольких академических институтах, был принят на работу в Институт мировой экономики и международных отношений. Стал помощником директора института Николая Николаевича Иноземцева и одновременно поступил в аспирантуру. Тогда казалось, что впереди открывалась ясная, вполне предсказуемая перспектива стать ученым-международником, что в то время было совсем неплохо.

В 1970 году в институте заговорили о том, что грядет назначение нового заместителя директора. Как это обычно бывает, начали судачить: что за человек, да откуда он взялся, кто его «толкает» и т. д. И вот появился Евгений Максимович Примаков. К тому времени он уже был известным журналистом, одним из ведущих в стране арабистов, близко дружил с Н.Н. Иноземцевым. Все это было хорошо, но для академической среды не-

достаточно. В ИМЭМО были собраны лучшие в стране ученые в области мировой экономики и международных отношений, институт пользовался большим авторитетом не только у нас в стране, но и за рубежом. Возглавлять такой коллектив было делом не только ответственным, но и очень сложным. К слову сказать, Евгений Максимович с этой задачей блестяще справлялся.

Так состоялось мое первое знакомство с Евгением Максимовичем. Именно знакомство. Между нами была дистанция огромного размера: он – заместитель директора, а я – младший научный сотрудник.

В 1973 году я был направлен в командировку в Испанию по линии Министерства иностранных дел: тогда между Москвой и Мадридом начинали завязываться отношения. Так в моей жизни произошел крутой поворот: вместо ученого-международника я стал дипломатом.

Евгений Максимович продолжал трудиться в академической науке: стал директором Института востоковедения (1977–1985 гг.), а затем директором ИМЭМО (1985–1989 гг.).

Казалось, пути наши разошлись.

Но судьба распорядилась иначе.

В 1983 году я вернулся в Москву и стал помощником сначала А.А. Громыко, а затем Э.А. Шеварднадзе. Наши контакты с Евгением Максимовичем возобновились. Он всегда проявлял большой профессиональный интерес к международным делам, внешней политике. Это было его призванием.

9 января 1996 года я вышел из посольства Франции в Москве (будучи первым заместителем министра, я посещал какое-то протокольное мероприятие), сел в машину и попросил, как обычно, включить радио. И сразу слышу новость: президент Б. Ельцин назначил Е. Примакова министром иностранных дел. Слухи о том, что грядет отставка А. Козырева, ходили давно,

но, как всегда бывает в таких случаях, новость застает тебя врасплох.

Мне довелось до этого близко работать с пятью министрами иностранных дел. И все равно назначение каждого нового невольно встречаешь с волнением. Сможем ли сработаться, кого за собой приведет, что за характер и т. д.

Через несколько недель, а то и дней все эти мысли развеялись. Евгений Максимович вошел в кабинет министра, начал работать, встречаться. Все было настолько естественно, что невольно казалось, что он занимает этот пост уже многие-многие годы.

С этого момента в моих отношениях с Евгением Максимовичем открылась новая страница, которая не закрыта и по сей день.

Вот и не верь после этого в судьбу...

В нашей стране многие считают или хотели бы считать Евгения Максимовича своим учителем. Это и понятно. Евгений Максимович пользовался непререкаемым авторитетом. Причем этот авторитет даже вырос в народе после того, как он перестал занимать официальные должности. А это говорит о многом.

За долгие годы моего общения с Евгением Максимовичем я никогда не видел, чтобы он кого-то специально учил, а тем более занимался нравоучительством. Он действовал по известному армейскому принципу: «Делай как я». Он подавал личный пример. А дело каждого – следовать ему или нет.

Приведу несколько примеров – хотя их можно приводить до бесконечности, – которые, с моей точки зрения, показывают, насколько сильно Евгений Максимович «заражал» своим примером окружающих, влиял на их поведение.

В дипломатической профессии высшим мерилom профессионализма является умение готовить (а точнее писать) сложные политические документы. Евгений Максимович, как известно, не был профессиональным

дипломатом, но искусством дипломатии, в том числе искусством подготовки документов, владел безупречно. При этом он никогда не диктовал, не навязывал своего мнения, а наоборот учил слушать и приходиться к согласованному мнению. Он умел слушать одинаково и умудренных опытом дипломатов, и молодых специалистов.

Меня всегда поражало, сколько раз Евгений Максимович мог править им же написанный текст. Для него не было мелочей, он работал над каждым словом, объясняя нам, какой именно смысл он в него вкладывает. Если кто-то предлагал лучший вариант, он с этим соглашался.

Работали допоздна, не считаясь со временем. Но Евгений Максимович по одному ему известному чутью всегда знал, когда надо расслабиться: то неожиданно анекдот расскажет, то предложит перекусить (у него всегда в комнате отдыха в холодильнике стояла бутылка холодной водки, там же черной хлеб, сало и огурчики). После этого работа кипела с новой силой.

Евгений Максимович всегда с большим уважением относился к своим зарубежным партнерам. Он был подчеркнуто вежлив, даже в самых сложных ситуациях не допускал намека на резкость. При этом, обладая врожденным тактом, умел твердо отстаивать свои позиции, добываясь, как правило, желаемых результатов. В этом отношении показательно, что практически со всеми своими зарубежными партнерами Евгений Максимович, который прошел через острейшие международные кризисы, сохранил самые добрые человеческие отношения.

У Евгения Максимовича в Министерстве иностранных дел не было любимчиков или так называемого близкого окружения. Ко всем, с кем ему приходилось общаться по работе, он относился с уважением, ценил профессионалов. Будучи первым заместителем министра, я не раз имел возможность убеждаться в этом. Евгений Максимович не вел борьбу с семейственностью, протекционизмом и другими подобными явлениями, чем у нас в МИДе периодически занимались в советские годы. При нем всего этого просто не было, а поэтому и бороться было не с чем.

Неслучайно за неполные три года на посту министра Евгений Максимович завоевал среди дипломатического корпуса, и не только российского, непререкаемый авторитет. Мне трудно припомнить, чтобы кому-то еще удавалось такое.

Однажды Евгений Максимович вдруг сказал мне: «Игорь Сергеевич, мы долгие годы знакомы, давно вместе работаем, давайте называть друг друга на “ты”».

Меня не так просто застать врасплох, но тут я оторопел. Я стал приводить уйму доводов, почему мне трудно пойти на такой шаг. Видимо, они звучали достаточно убедительно, и мы больше к этому вопросу не возвращались.

Тем не менее я не раз задавался вопросом, чем было продиктовано такое предложение Евгения Максимо- вича. Могу только догадываться, что таким образом он хотел подчеркнуть то доверие, которое он испытывал ко мне как к своему заместителю и как просто к чело- веку.

Мы часто, закончив работу, засиживались в кабинете у Евгения Максимо- вича, откровенно беседуя и о слу- жебных, и о личных делах.

Так было и вечером 10 сентября 1998 года. Евгений Максимо- вич вернулся в министерство после встречи с Б. Ельциным, на которой президент предложил ему занять пост председателя правительства. У него было двойственное чувство: с одной стороны, он прекрасно понимал, что страна находится на грани глубочайшего кризиса, с другой, он морально не был готов взвалить на себя ответственность за последующее развитие со- бытий. Мы допоздна проговорили, выпили за то, что Евгений Максимо- вич остается министром, и разъеха- лись по домам.

На следующий день я находился на встрече в Думе, когда меня срочно вызвали к Евгению Максимо- вичу. Приезжаю в МИД, захожу в кабинет министра. Евге- ний Максимо- вич говорит, что утром его еще раз вызвал Б. Ельцин и настойчиво просил принять предложение стать председателем правительства. «Я не смог отка- заться, – сказал он, – так как понимаю, что должен сде- лать это ради страны». Мы были вдвоем, и я видел, что это был крик души. Потом он по- детски добавил: «А что я теперь скажу Ирине Борисовне? Она ведь боится, что я такой нагрузки не выдержу».

Я, как мог, поддержал Евгения Максимо- вича, ска- зал, что мы всегда будем готовы оказывать все необхо- димое содействие и т. д. Тут он достает из папки лист бумаги и протягивает его мне. «Это указ о вашем на- значении министром иностранных дел. Я сказал пре- зиденту, что мне важно иметь на этом посту человека, которому доверяю». Теперь была моя очередь оторо- петь.

Рассказываю так подробно об этом эпизоде, потому что в нем весь Евгений Максимо- вич Примаков, со всеми его прекрасными человеческими качествами.

Но надо сказать, что я в долгу тоже не остался.

Буквально в эти самые дни я встречался с Валенти- ной Ивановной Матвиенко, которая являлась нашим послом в Греции, и предложил ей стать заместителем министра. Договорились через несколько дней вер- нуться к этому разговору, чтобы обсудить все детали. Не прошло и двух дней, как ко мне приходит взволно- ванная Валентина Ивановна и говорит, что Евгений Максимо- вич предложил ей пост заместителя предсе- дателя правительства. «Что делать? Как скажете, так и поступлю», – сказала она. Нетрудно догадаться, что я искренне благословил Валентину Ивановну на работу в правительстве, заметив, что мы всегда с радостью бу- дем ждать ее возвращения на дипломатическую службу.

Вспоминаю эти и многие другие эпизоды из совмест- ной работы с Евгением Максимо- вичем, а сам думаю: как всем нам его недостает. Он был и учителем, и то- варищем. Но главное – он был человеком, само при- сутствие которого побуждало окружающих быть добрее.

АББАС Махмуд

Президент Палестины с 2013 г.

Выдающийся государственный деятель

Именно здесь, в Москве, где бушуют волны политики, дипломатии и высоких мыслей, именно здесь, где звучат слова на всех языках народов мира, – здесь можно ощутить ту огромную пустоту, которая образовалась год назад с уходом из жизни такой крупной международной личности, политика и мудреца, каким был Евгений Примаков, человек «трудных и сложных ситуаций», один из выдающихся деятелей XX века, имевший твердые принципы. Он был исключительно верным сторонником арабского палестинского народа, который стремился достойно, свободно и независимо жить на земле своей родины.

Такая большая потеря, безусловно, беспрецедентна, и это объясняется ценностью его личности на пике жизненной реализации, как это бывает с выдающимися людьми, вписавшими свои имена в книгу истории, обогатившими ее в общечеловеческом понимании самым блестящим образом. Именно так сделал наш друг Евгений Примаков, который прекрасно выполнял все

свои обязанности – журналиста, дипломата, политика и ученого-академика. И мы в Палестине обязаны быть верными его наследию, которое он нам оставил.

Находясь в настоящее время в тяжелой и решающей для палестинской проблемы ситуации, мы вспоминаем человека, который добился всех поставленных целей, прежде чем покинуть историческую арену. Каждый раз он подтверждал право угнетенного арабского палестинского народа на свою родину, жизнеспособную, единую географически и исторически, безопасную, где палестинский народ является хозяином своей земли, являющуюся частью мировой цивилизации, плодотворно создающую и укрепляющую международный мир и безопасность. Мы хотим особо отметить, что такому другу, как Примаков, никогда не изменяло чувство солидарности и политическая мудрость, когда он постоянно особо подчеркивал ключевое значение палестинской проблемы. Так, выступая на открытии международной конференции «Сценарии и модели ближневосточного урегулирования», проходившей 9–10 декабря 2010 года на Мальте, Примаков заявил: «Основное направление борьбы с терроризмом в настоящее время состоит не в проведении более или менее удачных военных операций в Афганистане, а в справедливом решении палестинской проблемы».

Принципы выдающегося политика Евгения Примакова – самый замечательный дар российской дипломатии, поскольку идейный, политический и нравственный подход Примакова к решению вопросов является наилучшим вкладом Российской Федерации в укрепление мира.

Во всех случаях Палестина пользуется особым отношением со стороны Российской Федерации, поскольку при взаимном доверии у нас общие понятия о справедливости, равенстве и свободе и абсолютная убежденность в том, что палестинский и российский народы являются друзьями, способными координиро-

вать свои шаги в период кризисов и во все другие времена, как мы это делаем сейчас.

И, наверное, неслучайно, что жизненный путь ушедшего от нас нашего великого друга в основных вехах был органично и неразрывно связан с важнейшими событиями, которые пережила палестинская проблема, – с начала его государственной службы корреспондентом газеты «Правда» в Арабской Республике Египет, главным редактором арабской редакции радиовещания, а позже – министром иностранных дел и премьер-министром России, и между этими должностями был еще целый ряд государственных и научных должностей. И поскольку он родился в 1929 году – году революции Бурака и бурных событий для палестинского народа, – этот год отразился на судьбе Примакова. Будь то в «бурях» кабинетов политиков или на международных форумах – всюду он поддерживал право Палестины и выступал в ее защиту.

Мы всем сердцем, умом и душой полны оптимизма, который исходил от слов Евгения Примакова: «Не смотря ни на что, я остаюсь оптимистом», – и мы по-прежнему рассчитываем на конструктивный вклад дружественного российского руководства на международной арене в дело обеспечения прав палестинского народа и окончания израильской оккупации. Я никогда не забуду его слов поддержки нашего политического курса сразу после избрания меня на высокий пост по воле палестинского народа. В своей статье от 30 января 2005 г., комментируя соглашение о прекращении огня между ХАМАС, ФАТХ, палестинскими политическими силами, с одной стороны, и Израилем, с

другой стороны, Примаков писал: «Не зуб за зуб, а два зуба или три за зуб», – и четко выразил свое видение, утверждая: «В результате экстремисты с обеих сторон должны будут отступить, потому что история в конце концов вынесла свой приговор, чтобы они исчезли».

Палестина вправе чтить ушедшего великого Евгения Примакова за его позицию солидарности с кровоточащими ранами нашего народа, и мы даже нарушили правило награждать подобных ему выдающихся людей при жизни и наградили его орденом «Звезда Иерусалима» по случаю 40-летия установления дипломатических палестино-российских отношений, отмечавшегося в июне 2014 года, за его активную роль в поддержке палестинской революции и личную дружбу, связывающую его с нами, с выдающимся лидером Ясиром Арафатом и еще с рядом известнейших палестинских политических деятелей.

Однако неизменное почитание состоит в следовании курсу, который избрал сам ушедший от нас Примаков, которого он придерживался и за который боролся с большой самоотверженностью в своей поддержке палестинской проблемы. И это объясняет наше постоянное стремление быть в Москве для совместных консультаций, обсуждения и рассмотрения перспектив.

Да упокоится с миром душа нашего дорогого друга – выдающегося политика, дипломата, ученого и мыслителя Евгения Примакова. Искренние слова уважения всем членам его семьи, всем его друзьям, ученикам и всем, кого он вдохновлял своей личностью, дружественному российскому народу, дружественному российскому руководству в лице президента Владимира Владимировича Путина и всех государственных деятелей.

ПЕРЕС Шимон

Президент Израиля в 2007–2014 гг.

Настоящий арабист

В истории отношений между Советским Союзом и государством Израиль бывали и взлеты, и падения. С одной стороны, советский министр иностранных дел голосовал в Организации Объединенных Наций за создание государства Израиль, и мы получали оружие из Чехословакии, страны – участницы Организации Варшавского договора, в которой Советскому Союзу принадлежала лидирующая роль. С другой стороны, Советский Союз одновременно поставлял оружие в арабские страны, которые грозились уничтожить нас.

Толковать решения и планы Советского Союза в период, о котором идет речь, нужно через призму холодной войны. Это была эпоха, когда впервые в истории две сверхдержавы конкурировали не за территории, природные ресурсы или мировое господство, а за победу государственного строя и идеологии, которые олицетворяла каждая из них.

Доказать своим гражданам, что большинство населения мира разделяет именно ее идеологию – коммунизм в случае Советского Союза и демократию в случае Соединенных Штатов Америки, – для каждой из этих держав стало главной целью.

В то время как американцы укрепляли свои связи с Ближним Востоком в основном ради энергетических ресурсов этого региона, Советы тратили все силы на завоевание сердец арабского мира. Взять хотя бы строительство Асуанской плотины, обошедшееся в миллиарды долларов, или бесплатные поставки вооружения в Египет – всё это делалось несмотря на то, что Египетская коммунистическая партия в тот период была объявлена вне закона. Более того, в тот же самый период Советский Союз отказал в помощи Израилю, хотя компартия там существовала вполне легитимно.

Евгений Примаков – ученый и дипломат – был одним из крупнейших экспертов в российской политике. Специалистов, знавших Ближний Восток на его уровне, можно пересчитать по пальцам. Это был настоящий арабист, который посвящал всё свое время и силы постижению Ближнего Востока и легко завоевывал симпатии представителей арабских государств.

Примаков был государственным деятелем и в советский период, и после развала СССР. Он всегда оставался истинным патриотом своей страны, который пытался найти общие интересы с Израилем не только на политическом, но и на человеческом уровне.

Понимая, что объединение Израиля и Палестины под общим государственным флагом маловероятно, он верил в перспективы создания регионального союза на классовой или социальной основе.

Однако и эта задача была не из легких, поскольку Израиль принял план ООН по разделу Палестины, в то время как арабское сообщество его отвергло. На фоне этих событий и проходили наши встречи с Примаковым в Москве и Израиле.

Во время дискуссий мы прямо выражали свои позиции. Он, например, говорил: «Вы же социалисты, ваша база – рабочий класс, то же самое можно сказать об арабах – так почему бы вам не объединиться с ними на классовой основе?» Я отвечал ему, что раздоры между нами носят национальный характер, в силу чего близость по

социальным интересам становится невозможной. К сожалению, мы так и не пришли к общему знаменателю, но меня глубоко впечатлили и его личное видение арабского вопроса, и сила его убеждений в целом.

Арабские страны не всегда реагировали на помощь российской стороны с должной благодарностью. Несмотря на всю ее щедрость, наступил момент, когда советники и специалисты Советского Союза были выдворены из Египта. Хотя между нашими двумя странами имеются разногласия, мы отказались от жестких претензий, основания для которых возникли еще в период существования Советского Союза, и сегодня, при президенте Путине, отношения Израиля с Российской Федерацией снова входят в дружественное русло.

Нельзя сказать, что наши дискуссии с Примаковым всегда заканчивались примирением сторон. Мы с ним оба иудеи, но наша схожесть лишь в происхождении, а отнюдь не в образе жизни. Однако Примаков был убежден, что коммунизм способен стирать национальные и религиозные различия. Даже если при коммунизме еврей не сможет жить по иудейским канонам, он хотя бы не станет жертвой антисемитизма. Я считал иначе и выражал надежду, что евреи должны жить согласно своим учениям, верованиям и Библии, доставшейся им в наследство от Моисея, цивилизованного человека, который верил в неизбывное превосходство нравственных ценностей над материальными.

Россия в лице Примакова лишилась человека блестящего ума, нацеленного на поиск нестандартных подходов. Он прекрасно разбирался в международных отношениях и глобальных тенденциях и был готов выслушать и понять другую сторону, даже если она придерживалась совершенно противоположных взглядов.

В этом человеке уникальным образом сочетались умение отстаивать собственную точку зрения и надежда на достижение общности позиций.

У него можно было многому научиться, и я уверен, что мы продолжим делать это и в будущем.

КИССИНДЖЕР Генри

Государственный секретарь США в 1973–1977 гг.

Незаменимый партнер

В 2007–2009 годах мы с Евгением Примаковым возглавляли группу, в которую входили бывшие высокопоставленные министры, действующие государственные деятели и руководители военных ведомств из России и Соединенных Штатов. Она была создана для того, чтобы сгладить определенные разногласия в американо-российских отношениях и определить, существуют ли пути совместного решения имеющихся проблем. В Америке она была названа группой «второго трека», что подразумевало ее поддержку обеими партиями и Белым домом. Ее деятельность была направлена на поиск путей диалога, а не на ведение конкретных переговоров. Мы чередовали встречи в наших странах. В 2007 году группу принял в Москве президент Путин, в 2009 – президент Медведев. В 2008 году президент Буш выступил в Белом доме перед представительной группой сотрудников Службы национальной безопасности и их российских коллег.

Все члены нашей группы занимали ответственные посты во время холодной войны. В периоды напряженности они отстаивали национальные интересы своих стран так, как они их понимали. Но также они, исходя из собственного опыта, осознавали опасность тех-

«Его острый аналитический ум вкупе с обширным знанием глобальных тенденций, приобретенным с годами, проведенными вблизи или непосредственно во властных кругах, а также его преданность своей стране дополнили наше видение и помогли в поиске общего подхода»

нологий, угрожающих всему человечеству. Во всём мире происходили потрясения, в определенной степени обусловленные национально-культурными особенностями и противостоящими идеологиями. Группа «второго трека» была нацелена на преодоление таких кризисов и исследование общих принципов мироустройства.

Без Евгения Примакова всё это было бы невозможно. Его острый аналитический ум вкупе с обширным знанием глобаль-

ных тенденций, приобретенным с годами, проведенными вблизи или непосредственно во властных кругах, а также его преданность своей стране дополнили наше видение и помогли в поиске общего подхода. Мы не всегда соглашались, но всегда уважали друг друга. Нам всем – и мне лично – его очень не хватает – как коллеги и друга.

Мне не нужно напоминать, что сегодня наши отношения намного хуже, чем они были десять лет назад. В действительности они, вероятно, даже хуже, чем перед окончанием холодной войны. Взаимное доверие было подорвано с обеих сторон. Конфронтация подменила сотрудничество. Я знаю, что в последние месяцы жизни Евгений Примаков искал пути выхода из этой тревожной ситуации. Прилагая такие усилия сегодня, мы бы оказали дань уважения его памяти.

В последние годы холодной войны как у русских, так и у американцев присутствовало видение стратегического партнерства, сформированного происходившим в мире. Американцы ожидали, что снижение напряженности в отношениях будет способствовать

продуктивному сотрудничеству по глобальным проблемам. Удовлетворение россиян модернизацией общества было омрачено перекройкой границ и осознанием ответственности, связанной с перестройкой и самоопределением. Многие в США и России понимали, что судьбы наших стран остались тесно переплетенными. Поддержание стратегической стабильности и предотвращение распространения оружия массового уничтожения стали усиливающейся необходимостью, равно как и создание системы безопасности в Евразии, особенно вдоль границ России. Новые перспективы открылись в торговле и инвестициях, сотрудничество

в энергетической области стояло на первом месте в этом списке.

К сожалению, важнейшие события в мире предопределили построение российской государственной политики. Олицетворением ее стало решение Евгения Примакова – тогда премьер-министра – о развороте самолета над Атлантикой по пути в Вашингтон и возвращении его в Москву в качестве протеста против начала военной операции НАТО в Югославии. Первоначальные надежды на то, что тесное сотрудничество на раннем этапе операции против «Аль-Каиды» и Талибана в Афганистане могло бы привести к партнерству по более широкому кругу вопросов, угасли в свете раз-

ногласий по ближневосточной политике, а затем растаяли из-за российских военных шагов на Кавказе в 2008 году и на Украине в 2014 году. Недавние усилия по поиску точек соприкосновения в разрешении сирийского конфликта и разрядке напряженности на Украине были недостаточными на фоне возрастающего взаимного отдаления.

Россия и США возлагают вину друг на друга. И с каждой стороны наблюдается тенденция к демонизации если и не всей страны, то, по крайней мере, ее лидеров. Поскольку проблемы национальной безопасности доминируют над построением диалога, частично вернулись чувства недоверия и подозрительности времен холодной войны. Эти чувства в России обострены воспоминаниями о первом постсоветском десятилетии, когда страна пережила острый социально-экономический и политический кризис, в то время как Соединенные Штаты наслаждались самым долгим периодом подъема экономики. Все это вызвало противоречия по Балканам, постсоветскому пространству, Ближнему Востоку, расширению НАТО, системе противоракетной обороны и торговле оружием. Противоречия, подрывавшие перспективы сотрудничества.

Возможно, решающим стало глубочайшее различие в восприятии исторических трактовок. Для Соединенных Штатов конец холодной войны означал защиту своей традиционной веры в неизбежную демократическую революцию. Это выразилось в расширении международной системы, управляемой исключительно правовыми нормами. Но исторический опыт России более сложен. Для страны, через которую веками маршировали иностранные армии и с востока, и с запада, у безопасности есть как геополитическое, так и юридическое измерение. После того как российская зона ответственности сместилась от Эльбы на тысячу миль на восток к Москве, российское восприятие мирового порядка неизбежно будет содержать стратегический

компонент. Проблема нашего времени состоит в том, чтобы совместить эти два измерения – юридическое и геополитическое – в нужной последовательности.

Парадоксально, но мы снова оказываемся перед важнейшей философской проблемой. Каким образом США сотрудничают с Россией – страной, не разделяющей все их ценности, но являющейся неотъемлемой частью мирового порядка? Каким образом Россия отстаивает свои интересы в сфере безопасности, не вызывая вопросов у соседних государств и не увеличивая число своих соперников? Может ли Россия занять достойное место в мировой политике, при этом не вызывая ненужной реакции США? Возможно ли, чтобы США, отстаивающие свои ценности, не воспринимались как на-

вязывающие их? Я не буду пытаться ответить на все эти вопросы. Моя цель – способствовать попыткам их изучения.

Многие комментаторы – как российские, так и американские – отвергли возможность сотрудничества США и России в обсуждении нового мирового порядка. По их мнению, наши страны вступили в фазу новой холодной войны. Опасность сегодня в меньшей степени связана с возвращением к военной конфронтации. В большей степени она объясняется консолидацией в обеих странах убеждений относительно сбывающихся предсказаний. Наши долгосрочные интересы предполагают преодоление текущей нестабильности и создание нового баланса сил, многополярного и взаимосвязанного мира.

Современные потрясения беспрецедентны. До недавних пор глобальные международные угрозы отождествлялись с сосредоточением власти у доминирующего государства. Нынешние же зачастую проистекают из ослабления государственной власти и роста числа неконтролируемых территорий. Ни одно государство не в силах самостоятельно справиться с этим распространяющимся вакуумом власти – вне зависимости от его силы. Этот вопрос требует последовательной кооперации между США и Россией, а также другими крупными державами. Таким образом, элементы конкуренции в решении традиционных конфликтов в межгосударственных отношениях должны быть сдержанными, чтобы конкуренция оставалась в пределах границ и создавала условия для предотвращения повторения опасной ситуации.

Как мы знаем, перед нами стоит множество острых вопросов, прежде всего – Украина и Сирия. За последние несколько лет наши страны вступали в эпизодические дискуссии по таким вопросам без заметного прогресса. Это неудивительно, потому что дискуссии проходили без согласованной стратегической про-

граммы. Каждый конкретный вопрос включает в себя более глобальный. Украина должна быть встроена в архитектуру европейской и международной безопасности так, чтобы она могла служить мостом между Россией и Западом, а не преградой. Говоря о Сирии, очевидно, что местные и региональные группировки не способны найти решение самостоятельно. Совместные усилия США и России с участием других крупных держав могут создать платформу для мирных решений на Ближнем Востоке, а возможно, и в других регионах.

Улучшить отношения можно только при условии ведения диалога о возникающем мировом порядке. Какие процессы разрушают старый и формируют но-

вый? Какие вызовы они бросают российским и американским интересам? Какую роль намерена играть каждая страна в формировании этого порядка? Как мы можем совместить концепцию России, США, других ведущих держав с учетом исторического опыта? Следует поставить задачу развить стратегическую концепцию российско-американских отношений, в рамках которой можно было бы решать сложные вопросы.

В 1960–1970-х годах я воспринимал международные отношения как отношения двух антагонистов – США и Советского Союза. Со временем стало ясно, что даже в отношениях соперничающих стран можно руководствоваться концепцией стратегической стабильности. С тех пор мир существенно изменился. В частности, в зарождающемся многополярном мире Россия должна восприниматься в первую очередь не как угроза США, а как важная часть системы глобальной стабильности.

Большую часть моей 70-летней карьеры я занимался российско-американскими отношениями. Я находился как в центрах принятия решения в момент красного уровня опасности, так и на совместных торжественных мероприятиях по случаю достижения дипломатических договоренностей. Наши страны, да и весь мир нуждаются в более прочных гарантиях, чтобы в будущем мы не конфликтовали, а вели диалог. Для этого обеим сторонам необходимо уважать жизненно важные ценности и интересы друг друга. Эти цели не могут быть достигнуты при действующих администрациях. Но важно их не откладывать в связи с американской внутривнутриполитической ситуацией. Это возможно только при наличии доброй воли как в Вашингтоне, так и в Москве, в Белом Доме и Кремле, если перешагнуть через обиды и разногласия, чтобы смело взглянуть в лицо общим вызовам, с которыми столкнутся наши страны в будущем.

ОЛБРАЙТ Мадлен

Государственный секретарь США в 1997–2001 гг.

Иствестская история

«**К**ак вы понимаете, учитывая мое предыдущее место работы, я знаю о вас всё». Это были первые слова, сказанные мне Евгением Примаковым, когда я вошла в его кабинет в Министерстве иностранных дел России во время моего первого визита в Москву в качестве государственного секретаря. Вне всякого сомнения, он имел в виду то время, когда занимал пост директора Службы внешней разведки, организации – преемника КГБ.

В последний раз я беседовала с ним по телефону за несколько [дней] до его кончины. Он болел, но был в курсе всего происходящего. «Я очень обеспокоен тем, что российско-американские отношения находятся на самом низком уровне за долгое время», – сказал Евгений. Я согласилась.

Между этими двумя разговорами прошло 18 лет, в течение которых мы встречались десятки раз – в Москве, Вашингтоне, Женеве, Брюсселе, Нью-Йорке, Куала-Лумпуре и Маниле. Одной из самых незабываемых была встреча в Санкт-Петербурге во время белых ночей, когда он устроил мне личную экскурсию по блистательному Эрмитажу.

Нам с Евгением довелось быть коллегами в особенный период, когда Соединенные Штаты и Россия вы-

страивали стабильные отношения после окончания холодной войны. Немало времени мы провели за обсуждением ближневосточного региона, экспертом по которому он был, решали, какую политику проводить по отношению к Ираку и Ирану. Также шла речь и о других глобальных вызовах – Афганистане, Китае и Северной Корее.

Конечно же, самым сложным вопросом были отношения России с НАТО в его новой форме. Целью администрации Клинтона было продолжить расширение НАТО в Центральной и Восточной Европе, в том числе в странах Балтии, сделав это максимально безболезненно для России. В первую же нашу встречу Евгений

твердо заявил мне, что Москва никогда не допустит расширения НАТО. Я ответила, что ему следовало бы рассматривать это как способ поддержания стабильности в Европе, что соответствует интересам и самой России.

Непростой задачей было нахождение компромисса между нашим и российским подходами к европейской системе безопасности после холодной войны. Чтобы прийти к согласию, мы с Евгением много часов проработали над терминологией совместного акта России и НАТО, который дал бы России право голоса (но не вето) в европейских вопросах безопасности.

Часто эти обсуждения велись на официальных встречах, где мы пользовались услугами переводчиков, и продолжались за ужином – тогда мы обходились без перевода. Евгений говорил по-русски, а я по-английски. Эти обеды проходили дома у кого-то из нас или в наших любимых ресторанах. Я помню, как-то раз я хотела пригласить его к себе домой на ужин, но не смогла – полы в моей столовой проели термиты. Поэтому нас принял у себя заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт. Разговор получился живым и откровенным. Обсудили мы и то, как работники наших ведомств своей бюрократией «съедали» взаимопонимание, которое мы достигали при непосредственном общении. С тех пор если сотрудники мешали нашему привычному формату общения, мы называли это кодовым словом «термиты».

В итоге нам удалось прийти к согласию относительно основополагающего акта Россия–НАТО. Но уже в первый же день, когда мы сидели за одним столом на совещании НАТО, стало ясно: что бы мы ни подписали, понимание этого ключевого соглашения будет у нас разным.

Также у нас были глубокие разногласия по поводу Боснии и Косово. Эти вопросы приходилось обсуждать и после того, как Примаков уже стал премьер-министром. Когда было принято решение о военном втор-

жении в Косово, он летел в Вашингтон. Вице-президент Эл Гор сообщил ему эту новость по телефону. Примаков пришел в такой гнев, что отдал распоряжение развернуть самолет и вернуться в Москву.

Министров иностранных дел часто просят делать то, что не относится к их прямым обязанностям. Например, исполнить номер на встрече министров форума АСЕАН. На первой встрече, в которой мы участвовали – в 1997 году, – Примаков играл главную роль, но не пел. В следующем году я убедила его выступить со мной дуэтом. Где-то между трудными переговорами по вопросам Балкан и Ирака мы придумали

свою версию «Вестсайдской истории», назвав ее «Ивестская история», то есть «История Востока и Запада». Мы вместе написали текст, а на репетициях было выпито немало водки. Когда настал наш час, я вышла на сцену и запела: «Прекрасней звука нет на свете – Евгений, Евгений, Евгений», – а он в ответ со своим сильным русским акцентом: «Ее сейчас я повстречал – о, Мадлен Олбрайт». Мы покорили публику.

Когда я познакомилась с Евгением в 1997 году, то сказала ему: «Я знаю, что вы преданный защитник интересов России. Вам следует знать, что я собираюсь столь же преданно защищать интересы Америки. Если мы оба будем помнить об этом, мы должны поладить». И мы поладили.

Евгений Примаков всегда твердо стоял на страже национальных интересов России. Он любил свою страну, но был прагматиком. Он верил в важность разрешения трудностей в российско-американских отношениях. Я скучаю по тому времени. И мне будет не хватать Евгения.

СОЛАНА Хавьер

Генеральный секретарь НАТО в 1995–1999 гг.,
генеральный секретарь Совета Европейского союза
в 1999–2009 гг.

Стремление к взаимопониманию

Евгений Примаков всегда служил своей стране и был поистине выдающимся человеком. Умный, честный, великолепный переговорщик, экстраверт. У меня остались прекрасные воспоминания о наших встречах, которые имели также огромное значение для моей политической карьеры. Примаков был одним из представителей того времени, которые произвели на меня наибольшее впечатление, и кроме того, я думаю, что не ошибусь, назвав его одним из лучших министров России, а также великим премьер-министром.

Я с удовольствием вспоминаю наши разговоры об арабском мире, который он прекрасно знал. Его великолепное образование и огромный опыт работы в регионе, помимо отличного владения языком, придавали особую глубину этим беседам. Мне было важно его видение Ближнего и Среднего Востока с учетом интересов России и истории, которую он также хорошо знал. Однако, без всякого сомнения, наиболее яркие воспоминания от моего общения с Евгением Примаковым

связаны с переговорами, которые проводились, когда нам удавалось находить решения серьезных проблем.

Когда меня назначили генеральным секретарем НАТО, со странами, которые входили в Варшавский договор, включая Россию, уже была подписана программа «Партнерство ради мира» – соглашение о развитии двусторонних отношений с альянсом. Некоторые из этих стран захотели стать членами НАТО, и их вступление, безусловно, привело бы к осложнениям отношений с Россией. В то время, когда только что закончилась холодная война, важно было не ухудшить отношения между альянсом и Москвой, поэтому нужно было согласовать сроки такого вступления. В рамках расширения НАТО Примаков и я сделали первые шаги в переговорах по соглашению.

В конце 1996 года мы встретились в первый, но далеко не в последний раз. Эта встреча состоялась в российском посольстве в Вене. Несомненно, со стороны России были недомолвки по поводу расширения НАТО, а также в отношении другой стороны переговоров, поскольку правительство Бориса Ельцина хотело общаться непосредственно с американцами. Но в конце концов, они начали переговоры со мной. Я неоднократно вспоминал анекдотическую ситуацию, произошедшую на этой встрече, которая свидетельствует о сложности наших переговоров. Когда мы встретились, я достал из кармана две ручки и нарисовал обеими два вектора, которые сходились, – наглядный образ того, что нам следует делать. В этот момент Примаков удивленно смотрел на меня, не понимая, что я хочу этим сказать и при чем тут ручки. После этого мы проговорили несколько часов о том, как нам следует действовать дальше.

В январе 1997 года состоялась наша первая формальная встреча. Мы встретились на подмосковной даче Примакова вместе с нашими делегациями, примерно человек по пять с каждой стороны. Я понимал

«При каждой нашей встрече с Евгением Примаковым я понимал, что дискуссии с умными людьми – такими, как он, – это не только наилучший способ продвижения к решению проблем, но и истинное удовольствие»

важность этой встречи: нам надо было создать доверительную атмосферу, поэтому я тщательно подготовил свое выступление в тот день. После приветствия и первых тостов под водку слово было предоставлено мне, и я начал с фраз, которые выучил по-русски, примерно так: «Мы пойдем так далеко, как договоримся. Нам осталось только договориться».

Я заметил, что Примаков слушает меня с удивлением. По окончании выступлений и обеда он пригласил меня прогуляться на свежем воздухе. Была зима, шел снег, поэтому мы тепло оделись и вышли вдвоем, даже без переводчиков. Мы гуляли по снегу несколько часов, пока не пришли к согласию по поводу проведения дальнейших переговоров и с большим доверием друг к другу установили те обоюдные пределы, до которых можем позволить себе пойти. Примаков откровенно сказал, что они не могут позволить, чтобы страны, которые входили в состав Советского Союза, стали членами НАТО. Я с такой же откровенностью ответил, что мы должны избавиться от понятия «зоны влияния», и поэтому не могу гарантировать нечто подобное, но могу пойти так далеко, как мы договорились. Мы еще долго продолжали беседовать, гуляя под снегом, и это был очень интересный разговор. Я горячо поблагодарил Евгения за доверие и откровенность.

После этого разговора, который многое прояснил нам обоим, у нас было еще несколько встреч. В мае 1997 года переговоры интенсифицировались, и 15 мая в Париже был подписан Основополагающий акт. Официальная церемония состоялась 27 мая на саммите глав государств и правительств стран – членов НАТО и России. Это было одно из важнейших соглашений той

эпохи. Стало ясно, что холодная война завершилась: главы государств и правительств альянса (Соединенные Штаты Америки, Франции и т. д.) и России собрались за круглым столом без председателя в неформальной обстановке. Переговорные усилия в течение нескольких месяцев принесли свои плоды, и стало ясно, что можно прийти к согласию, какими бы сложными ни казались проблемы, если есть стремление к взаимопониманию.

С тех пор наши отношения приобрели более личный характер. Примаков сказал, что был бы рад познакомиться с моей семьей и представить мне свою, поэтому однажды мы провели вместе чудесные выходные, еще больше укрепившие нашу дружбу. К сожалению, из-за постоянной занятости мы не смогли повторить такую встречу, но это был прекрасный опыт.

Мы также продолжали обмениваться мнениями по актуальным вопросам, которыми занимались. Анализ событий и советы Евгения всегда были очень ценными для меня, даже после того, как я перестал занимать должность в Североатлантическом альянсе. В качестве официального представителя Европейского союза по внешней политике я часто приезжал в Россию и всегда, когда находился в Москве, старался увидеться с Примаковым. Он продолжал играть важнейшую, хотя и неформальную, роль в отношениях России с Соединенными Штатами и Европейским союзом.

При каждой нашей встрече с Евгением Примаковым я понимал, что дискуссии с умными людьми – такими, как он, – это не только наилучший способ продвижения к решению проблем, но и истинное удовольствие.

Де ШАРЕТТ
Эрве

Министр иностранных дел Франции в 1995–1997 гг.

Интерес к формированию многополярного мира

Евгений Максимович Примаков, несомненно, был одной из самых выдающихся личностей России 90-х годов. Он оказал большое влияние на выбор внешнеполитического курса своей страны и показал себя как крупный государственный деятель в период, который, вероятно, был одним из наиболее тяжелых и болезненных в истории России.

Впервые я встретился с ним в январе 1996 г., через несколько дней после его назначения Б.Н. Ельциным на должность министра иностранных дел, на смену Андрею Владимировичу Козыреву. Задолго до этого в целях укрепления франко-российских отношений мы начали планировать мой официальный визит в Москву. Президент Франции Жак Ширак, в отличие от множества своих европейских и западных коллег, полагал, что руководству России и российскому народу необходимо оказать дружескую поддержку в столь решающий и трудный для них период. Смена руководителя МИД России, ставшая неожиданностью для меня, делала наш визит еще более своевременным – было важно понять, что из себя представляет недавно назначенный ми-

нистр, малоизвестный в дипломатических кругах. Наша встреча стала решающей, я мгновенно осознал, что внешняя политика России больше не будет прежней и что следует ожидать больших перемен.

Трудно представить себе двух более отличных друг от друга личностей, чем А.В. Козырев и Е.М. Примаков. А.В. Козырев был карьерным дипломатом, к тому же превосходным. Он часто имел дело с западными государственными ведомствами. Его можно было назвать «прозападным модернистом». По каждому случаю он искал одобрения и поддержки США. Казалось, что такой подход составлял основу его дипломатического кругозора в такой степени, что его даже прозвали «Господин “Да”». Спустя полвека конфронтации между Востоком и Западом это были, действительно, перемены – одновременно странные и значительные.

Е.М. Примаков был слеплен из другого теста. Плотного телосложения, решительного нрава, с чувством юмора, но уверенный в себе, патриот с опытом, заслуженный аппаратчик, он поднялся по служебной лестнице разведывательных служб до директора Службы внешней разведки России (бывший КГБ) – должности, которую он занимал в течение пяти лет, с 1991 по 1996 год. Он пришел на Смоленскую площадь, имея определенный политический вес и глубокое знание российских властных структур. Было сразу понятно, что он намерен посвятить всю свою деятельность восстановлению международного авторитета России, защите на всех направлениях национальных интересов своей страны и восстановлению подорванного влияния российской дипломатии на международной арене. Насколько А.В. Козырев был непопулярен, настолько Е.М. Примаков смог создать вокруг себя политический консенсус, нашедший в Москве поддержку.

Понимая, что на руках недостаточно козырей, он был прагматиком, сторонником реальной политики в отношениях с Западом в целом и с США в частности.

Будучи проницательным, он вел переговоры жестко, последовательно, умело, что вызывало общее восхищение. К 1998 г., к двухсотлетию со дня рождения А.М. Горчакова – министра иностранных дел Российской империи при Александре II – Е.М. Примаков приобрел настолько блестящую репутацию, что никто в Москве не стеснялся сравнивать двух деятелей, пришедших к власти в особенно тяжелые периоды для страны – поражение в Крымской войне для А.М. Горчакова и распад СССР с его последствиями для Е.М. Примакова. Оба в высшей мере, несмотря на препятствия, содействовали тому, чтобы голос России был услышан на международной арене.

Из внешней политики России времен Е.М. Примакова следует отметить три главных аспекта, что примечательно, актуальных и на сегодняшний день. Речь идет о НАТО, Ближнем Востоке и отношениях с другими мировыми державами.

Стремление, уверенно выраженное Вашингтоном, расширять НАТО за счет стран бывшего советского блока было воспринято русскими как глубокое оскорбление, тем более что американские руководители вели себя бесцеремонно. Со своей стороны, восточноевропейские страны, познавшие военную и политическую жесткость советской оккупации, были решительно настроены как можно быстрее присоединиться к Североатлантическому альянсу. Е.М. Примакову хватило мудрости понять, что у него не было средств, чтобы помешать этому. Он начал переговоры, которые завершились подписанием Основопологающего акта

«Было сразу понятно, что он намерен посвятить всю свою деятельность восстановлению международного авторитета России, защите на всех направлениях национальных интересов своей страны и восстановлению подорванного влияния российской дипломатии на международной арене»

между Россией и НАТО, в котором ключевым звеном стало создание совместного Постоянного совета Россия–НАТО, который, как он надеялся, станет паритетным органом, где будут совместно приниматься политические и военные решения. На деле же этого не произошло. Западные страны рассматривали создание совета лишь как формальную уступку России. Сегодня, в преддверии очередного саммита Североатлантического альянса в Варшаве 8 и 9 июля 2016 г., генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг объявляет о размещении «многонациональных батальонов в трех прибалтийских государствах и в Польше», а также упоминает о «России, чье поведение становится всё более агрессивным». Собственно говоря, ничего не изменилось. Появление системы противоракетной обороны и анонсированное вступление Косово подтверждают это. Спустя почти 30 лет после падения Берлинской стены и распада СССР Североатлантический альянс, созданный изначально в целях защиты от советской угрозы, и Россия до сих пор не нашли «модус вивенди».

На Ближнем Востоке Е.М. Примаков чувствовал себя в своей тарелке. Он начал свою карьеру в Каире, возглавлял службы КГБ во многих странах Ближнего Востока, был российским представителем в Багдаде в период первой войны в Персидском заливе. Он превосходно знал эту зону. Но он также знал, что его страна не имеет возможности влиять на события, которые там происходят.

Во время операции «Гроздь гнева», проведенной Израилем весной 1996 года против группировки «Хезболла», Ливана и Сирии, Е.М. Примаков приехал в Дамаск для встречи со мной. Было ясно, что он осознает маргинальное положение России, но также было ясно, что его главной целью было восстановление влияния Москвы на Ближнем и Среднем Востоке. Дамаск являлся для этого, в некотором роде, базовым лагерем. Сегодня российскую политику в Сирии необходимо

оценивать в свете событий тех лет. Более чем когда-либо Дамаск вновь стал приоритетной целью политической и военной стратегии Москвы в этом регионе.

Наконец, Е.М. Примаков был первым российским руководителем, который в полной мере осознал дипломатические последствия от окончания противостояния Востока и Запада. Его предшественник А.В. Козырев производил достаточно странное впечатление, желая восстановить нечто вроде равноправного партнерства с США, как во времена холодной войны, когда противостояние Восток–Запад устанавливало свой ритм и свои правила всему миру. Видение Е.М. Примакова было на порядок выше. Оно было совершенно другим. Он прекрасно понимал, что Россия больше не была равной США. Он стал искусным и упорным создателем новой дипломатической стратегии сопротивления «встречному ветру». Отсюда пришел его интерес к формированию многополярного мира с разворотом в сторону Индии, Китая и даже Японии, которым предлагалось «стратегическое партнерство», разумеется, в содержательном смысле более символичное, нежели реальное, но которое являлось проявлением настойчивого стремления к тому, чтобы Россия нашла свое место на международной арене.

Если присмотреться, можно заметить сильное сходство между внешнеполитическими курсами Е.М. Примакова и В.В. Путина. Разумеется, обстоятельства изменились, но цели и препятствия остались прежними. Е.М. Примакова по праву можно считать основоположником внешней политики, проводимой Россией сегодня.

«Он стал искусным и упорным создателем новой дипломатической стратегии сопротивления “встречному ветру”»

ВЕДРИН Юбер

Министр иностранных дел Франции в 1997–2002 гг.

Неуступчивый, но открытый к диалогу

Мое знакомство с Евгением Максимовичем Примаковым состоялось в 1997 году, когда я стал министром иностранных дел Франции. Он занял аналогичный пост в России в 1996 году после долгой профессиональной и политической карьеры, сделавшей его тонким знатоком международных отношений.

Мы сразу же стали тесно сотрудничать, несмотря на имевшиеся разногласия, в частности, в рамках Контактной группы во время печальной истории с Косово, в которую также входили Мадлен Олбрайт, Йошка Фишер, Робин Кук, Ламберто Дини, Хавьер Солана и другие. Наши дискуссии имели честный и открытый характер.

У меня как у французского министра иностранных дел сложились особые отношения с российской коллегой.

Я был поражен его превосходным знанием арабских стран и его владением арабским языком. Я высоко ценил его силу и напор, а также добродушие, здравый смысл, иронию и острое словцо.

На переговорах он проявлял себя как неуступчивый, но в то же время открытый к диалогу собеседник. Он

мог рассмешить Мадлен Олбрайт, высказывая при этом противоположную ее мнению или мнению других представителей НАТО точку зрения и т. д.

Ему удалось мудро пережить трансформацию СССР в Россию, оставаясь убежденным патриотом. Он очень любил свою страну. Его видение будущего России, его надежды и опасения отвечали требованиям времени и вызывали интерес, о чем свидетельствует его последняя книга и выступления. Он высказывался за союз между Россией, Индией и Китаем. В плане внутренней политики он полагал, что СССР требует модернизации и что не следует забывать о Сибири.

Когда Евгений Максимович в 1998 году, в период правления Б.Н. Ельцина, занял должность председателя правительства Российской Федерации, мы сохранили дружеские отношения.

Это был замечательный и обаятельный человек. Я был глубоко огорчен известием о его кончине.

ДИНИ Ламберто

Председатель Совета министров Италии
в 1995–1996 гг., министр иностранных дел
Италии в 1996–2001 гг.

Не личные амбиции, а исключительно чувство долга

С о смертью Евгения Максимовича Примакова Россия потеряла большого патриота, замечательного дипломата и выдающегося политика, которого уважал весь мир.

Мы оба стали министрами иностранных дел почти одновременно, в начале 1996 года. Я продолжал занимать этот пост в правительстве Италии и во времена, когда Примаков был премьер-министром, и после его отставки. За это время у меня с Евгением сложились очень близкие отношения – как профессиональные, так и дружеские.

В те годы Италия и Россия зачастую занимали одинаковые позиции по ключевым международным вопросам, и отношения между нашими странами значительно укрепилась.

Будучи министрами иностранных дел, мы нередко встречались в Италии и России. Особенно часто это случалось во время трудных переговоров с Соеди-

ными Штатами о расширении НАТО в Восточной Европе. Россия и лично Примаков активно выступали против, поскольку ранее США заверяли Москву в отсутствии подобных планов, чтобы добиться от нее вывода российских войск из Восточной Германии. Италия всячески поддерживала создание Постоянного совета Россия–НАТО в 1997 году. Другие вопросы, которых мы касались во время встреч и бесед, относились к ситуации на Балканах и войне в Косово, которую мы не смогли предотвратить, хотя оба оказывали на Милошевича давление, чтобы он предоставил Косово определенную автономию, и убеждали госсекретаря Мадлен Олбрайт отказаться от военного вторжения. Мы оба осознавали, что целью Соединенных Штатов было не

только предотвратить геноцид, которого, конечно же, никто не хотел, но и ослабить геополитическое влияние России в Сербии и во всем балканском регионе.

В августе 1998 года правительству Евгения Примакова пришлось искать выход из глубокого финансового кризиса. Россия была вынуждена обратиться к МВФ, чтобы получить финансовую помощь, которую ей предоставили бы при условии выполнения жестких требований к проводимой в стране экономической политике. Во время этих переговоров Евгений часто обращался ко мне за советом, поскольку раньше я работал исполнительным директором МВФ и владел нужной информацией.

Я помню, что Примаков, будучи министром иностранных дел, зачастую звонил мне после своих дипломатических визитов в Иран или Ирак, чтобы поделиться впечатлениями и оценками, и спрашивал моего мнения. Звонил ему и я.

Мне кажется, в тот период Италия внесла важнейший вклад в развитие отношений между нашими странами и помогла сближению России с Европой.

Во времена, когда Примаков руководил правительством, имел место малоизвестный эпизод, который в очередной раз доказал умение Евгения защищать интересы России, и одновременно получила разрешение неприятная ситуация, создавшая политическую напряженность между Россией, Италией и Турцией.

Это случилось в начале ноября 1998 года, когда лидер Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдулла Оджалан, путешествовавший по фальшивому турецкому паспорту, раскрыл себя при въезде из России в Италию. На Оджалана были выданы два международных ордера на арест (один – в Турции, другой – в Германии), поскольку турецкое правосудие вынесло ему смертный приговор, признав его ответственность как руководителя РПК за убийства и другие преступления. Турция отправила запрос на его экстрадицию, который Италия

«И хотя Примакову не каждый раз удавалось одержать победу, он всегда до последнего защищал интересы России»

не могла удовлетворить из-за ожидавшей Оджалана смертной казни, однако предоставить ему статус беженца тоже было невозможно, поскольку он не попадал ни под один из критериев, изложенных в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года. Тогда я

позвонил Евгению, но он ответил мне: «Ламберто, мне очень жаль, но мы не можем принять Оджалана обратно в Россию, куда он въехал по фальшивому паспорту и где контактировал с ультраправыми группировками». Примаков добавил, что в случае крайней необходимости Оджалану могли бы позволить высадиться в российском аэропорту при условии, что он сразу вылетит в другую страну. В итоге в этом не возникло необходимости. Кстати, дальнейшая судьба беглеца очень любопытна. Под чужим именем Оджалану удалось добраться до Греции, где его арестовали, после чего отправили под охраной в посольство Греции в Кении, а там его впоследствии обнаружил «Моссад», передавший Оджалана Турции. Сейчас Оджалан по-прежнему находится в турецкой тюрьме, где ждет исполнения приговора.

В ноябре 2005 года посол России в Риме обратился ко мне с просьбой представить книгу Евгения Примакова «Встречи на перекрестках», переведенную на итальянский под названием «Из СССР в Россию». На презентации должен был присутствовать и сам Евгений.

Это увлекательная книга, в которой Примаков подробно и достоверно рассказывает о своем политическом опыте, вынося острые суждения о своих коллегах и непростых ситуациях, с которыми он сталкивался внутри страны и на международной арене.

Здесь проявился характер Примакова, его честность, порядочность и смелость, его вера в прямую

дипломатию. За фасадом добродушия скрывалась исключительная компетентность, позволявшая твердо отстаивать свое мнение. Было бы абсолютно неверно принимать его мягкие манеры за слабость. Это быстро усвоили те, с кем он вел дипломатические баталии. И хотя Примакову не каждый раз удавалось одержать победу, он всегда до последнего защищал интересы России. Основываясь на своем опыте, он однажды сказал, что Россию за рубежом хорошо проанализировали, однако так и не смогли до конца понять. Кстати, Примаков считал Мадлен Олбрайт «второй железной леди». Могу добавить, что с Евгением у нее сложились вполне теплые отношения, однако по твердости характера они друг другу не уступали.

Во внешней политике Примаков исходил из того, что окончание эпохи глобального противостояния делало возможной координацию политических шагов, способных заставить любую страну следовать общепринятым нормам, а значит, избежать войны.

Всю жизнь Евгением Примаковым двигали не личные амбиции, а исключительно чувство долга. Он никогда не поддавался давлению со стороны руководства, будь то Горбачев или Ельцин. Действительно, уже будучи руководителем правительства, Евгений успешно отгородил себя, а также своих министров от искусов коррупции и бурной политической борьбы, характерной для Москвы тех лет. Его правительство было распущено Ельциным, когда тот почувствовал, что Примаков становится слишком популярен из-за широкого одобрения проводимой им политики, и когда стало очевидным намерение Примакова вести борьбу с распространившейся по политической системе коррупцией и экономическими преступлениями, разорявшими национальные богатства и подрывавшими единство общества.

Я был очень рад, когда Евгений подписал мой экземпляр «Встреч на перекрестках» словами: «Моему дорогому другу Ламберто с почтением и уважением на память о множестве прекрасных моментов».

Действительно, я тепло вспоминаю чудесные выходные, которые министр иностранных дел России Евгений Максимович со своей супругой Ириной провели со мной и моей женой Донателлой в нашем загородном доме на холмах близ Флоренции. Евгений часто говорил мне: «Ламберто, стопка водки полезна для желудка!» Но во Флоренции мы и сотрудники Министерства иностранных дел России вместо водки выпили не одну бутылку хорошей граппы, настоянной на ягодах из моего семейного виноградника.

ЙОВАНОВИЧ Живадин

Министр иностранных дел Союзной Республики Югославии в 1998–2000 гг., председатель Белградского форума за мир равноправных с 2003 г.

Примаков в Белграде пользовался большим доверием

С Евгением Примаковым я был знаком пятнадцать лет. Встречались мы главным образом в Москве и в Белграде, а как-то раз в Триполи, в Ливии. Пока я был заместителем союзного министра иностранных дел, я регулярно присутствовал на его переговорах с югославским министром Миланом Милутиновичем. Позже, когда я занял пост союзного министра иностранных дел Союзной Республики Югославии (1998–2000 гг.), мы встречались во время взаимных визитов. Мы вместе присутствовали на переговорах президентов Милошевича и Ельцина. После того как мы оба покинули официальные государственные посты, мы продолжали встречаться на различных мероприятиях, посвященных сербско-российской дружбе и сотрудничеству: на экономических, культурных и научных форумах и даже на театральных спектаклях и презентациях книг – Примаков в качестве президента Торгово-промышленной палаты России, а я в

«У меня всегда было чувство, оно и по сей день не покидает меня, что все наши встречи, переговоры и знакомство с Примаковым были моей большой личной привилегией»

качестве председателя Белградского форума за мир равноправных.

У меня всегда было чувство, оно и по сей день не покидает меня, что все наши встречи, переговоры и знакомство с Примаковым были моей большой личной привилегией. Примаков был блистательным умом России, ученым и интеллектуалом с мировой репутацией, дипломатом и государственным деятелем с неповторимо разнообразным и богатым опытом. Во время переговоров он излучал уверенность в себе и убедительность. Никогда не проявлял ни малейших признаков высокомерия, нервозности или неудовольствия. Всегда оставался непоколебимым и твердо стоял на реальной почве. Собеседников всегда уважал, слушал внимательно и понимал их интересы, подходы и даже скрытые мотивы. А когда не был согласен с той или иной позицией, обязательно находил правильный, уважительный и приемлемый способ высказать это, не задевая достоинств собеседника и оставляя поле для компромисса и достижения договоренности. Знал он много, но никогда не разбрасывался своими знаниями, не пытался с их помощью произвести впечатление на партнеров по переговорам. Говорил и демонстрировал свои знания и умения ровно в той мере, в какой это было необходимо в данном конкретном случае.

Государственное руководство Сербии и бывшей Союзной Республики Югославии воспринимали Примакова как надежнейшего друга и партнера из России, которая, как свидетельствует прошлое, и в самые бурные периоды сербской и европейской истории всегда оставалась проверенным другом и вековым союзником Сербии. В период президентства Ельцина руководство

Сербии (СРЮ) больше всего доверяло именно Примакову, уверенное в том, что он лучше всех знает проблемы Сербии, обладает самым большим пониманием ее законных интересов, да и просто является другом. Это не значит, что нам не было известно или что мы упустили из вида, что и сам Примаков имел определенные ограничения в том, насколько он может пойти нам навстречу, какую в количественном и качественном отношении поддержку может предложить Сербии или СРЮ. Эти его ограничения, однако, не были ограничениями личной природы и не вытекали из тех или иных его предубеждений, они вытекали из реальной, или, лучше сказать, из уменьшившейся силы России, из ее трактовки США и Западом в целом как зависимой от них страны и из большого влияния проамериканских сил в ближайшем окружении Ельцина. Поэтому Примаков не всегда был в состоянии пойти навстречу вполне оправданным ожиданиям Сербии и СРЮ, однако чаще всего ему удавалось выполнить то, на что он соглашался во время переговоров. И именно поэтому его ценил и уважал прежде всего президент Слободан Милошевич, а также и все другие государственные руководители Сербии и СРЮ. Хотя всем нам было хорошо известно, с какими проблемами во внутреннем и внешнем положении сталкивалась Россия начиная от терроризма и исламского фундаментализма и до сепаратизма, высокой финансовой задолженности и социальных проблем, Примаков говорил об этом редко, а еще реже ссылался на эти факторы для объяснения того, почему Россия в международном плане не делает большего для Сербии и СРЮ.

Примаков хорошо знал, каково значение исторического опыта для строительства международных отношений. И исходил из того, что Россия и Сербия всегда вместе переживали и добро, и зло, что всегда, когда одна из них оказывалась в беде из-за угроз со стороны Запада, другой тоже приходилось туго. История ясно

показывает, что беды в одной из двух наших стран всегда предвещают и беды для другой. В отличие от других российских государственных деятелей того периода Примаков никогда не упускал этого из вида. Все отношения, процессы и проблемы Примаков всегда рассматривал в развитии, а не одномоментно, вне контекста и времени, исходя лишь из интересов сегодняшнего дня, или же выбирая немного лучший, но все равно плохой вариант, или же рассчитывая на короткий период от одних выборов до других.

В обычном разговоре о вещах и делах повседневной человеческой жизни он держался непринужденно, естественно. Во время одной из его многочисленных встреч с президентом Слободаном Милошевичем в Белграде перед началом переговоров на политические темы они обменялись несколькими фразами о здоровье. По ходу дела прозвучал и вопрос о том, что лучше всего помогает защититься от простуды в холодную зиму. Милошевич сказал, что для него главное средство это горячий чай с медом и большим количеством лимона. Примаков ответил, что с ранней молодости от многих опасностей для здоровья, в том числе и от простуды, он защищается, ежедневно принимая холодный душ, даже в те дни, когда температура воздуха на улице опускается до минус двадцати градусов или еще ниже. Он утверждал, что это усиливает сопротивляемость и самозащиту организма. Мне показалось, что эту его привычку стоит запомнить. В привычках тоже находит свое выражение личность человека.

И в югославском, и в сербском правительствах тех лет, и в обществе он воспринимался как большой друг, как человек и политик, вызывающий большое доверие и неизменно нацеленный на укрепление мостов сотрудничества и понимания, взаимного доверия между Сербией и Россией, тогдашней Югославией и Российской Федерацией. Примаков был исключительно мудрым человеком и политиком, который понимал ситуа-

цию лучше многих других мировых политиков, который умел быстро думать, но тихо и рационально разговаривать с партнерами. Он всегда был на стороне борьбы за мир, стабильность, понимание и правду. Когда речь идет о югославском кризисе, о годах невероятного давления, санкциях и изоляции тогдашней СРЮ, он трудился в условиях ограниченных возможностей, чтобы внести максимальный вклад в развитие всех видов сотрудничества между Югославией и Россией. Даже в условиях санкций он вносил вклад в то, чтобы не прерывались связи и нити сотрудничества и дружбы между Сербией и Россией.

Помимо моральной и политической поддержки Примаков содействовал конкретным мерам сотрудничества, в том числе созданию такого важного документа, как межправительственный договор о беспешинной торговле, который работает и по сей день и является большой привилегией для сегодняшней Сербии.

Примакова будут помнить, как человека, который понимал природу проблем на Балканах, природу всех тех бурных событий, причин и всех тех факторов, которые привели к распаду Югославии. Он понимал, что природа проблем в Косово и Метохии не в ущемлении прав косовских албанцев, а в территориальных претензиях и в стратегии перекраивания границ на территории Балкан за счет Сербии.

Во время моего официального визита на Кубу 28 августа 2000 года меня принял председатель правительства Фидель Кастро. Первой темой нашей беседы стала агрессия НАТО 1999 года против Сербии (СРЮ). Команданте Кастро был обо всем весьма хорошо информирован. Он эмоционально говорил о решении Примакова отказаться от запланированного визита в США и развернуть свой самолет над Атлантическим океаном назад, в Москву. «Примаков честный человек, ответственный и храбрый политик. Его поступок был

не просто ответом Альберту Гору, но и мощным посланием мировой общественности о том, как себя ведут США и чем они пользуются» – вот слова Фиделя Кастро, записанные мной после встречи в Гаване. Кастро также сказал мне, что Виктор Черномырдин своим поведением и ролью посредника между Милошевичем и американцами – во время агрессии – нанес вред не только Югославии, но и России. Не исключаю возможности того, что и сам команданте Фидель Кастро в своих мемуарах подтверждает эти слова. Разумеется, я говорю это не потому, что хочу приписать незаслуженное значение себе, тому моему визиту или описанным деталям, а потому, что темы, о которых мы говорили, были более чем важны для тех тенденций, которые, по крайней мере в последующие десять лет, будут преобладать в мировых отношениях.

Примаков в Белграде пользовался исключительным доверием. Если бы тогда больше зависело от Примакова, то и политика тогдашней России была бы другой и по отношению к Югославии, и по отношению к Сербии, и к Европе. И, возможно, если бы Россия тогда следовала принципам Евгения Примакова, то, может быть, сейчас у нас было бы меньше проблем и на Балканах, и в Европе.

Сербия и сербский народ в целом на Балканах – и в Республике Сербской в Боснии и Герцеговине, и в Хорватии, и в Черногории, и где бы кто ни находился, – глубоко скорбели в связи с кончиной Примакова. Единственное, что может служить нам утешением, это то, что сегодняшняя Россия во главе с президентом Владимиром Путиным в гораздо большей мере следует целям и принципам, за которые боролся Примаков. И это позволяет с большей уверенностью и оптимизмом смотреть в будущее.

Давлю в себе раба, работаю в три смены,
Но прежним остаюсь в поступках и делах.
Быть может, наперед запрограммировали гены
До самого конца жить в кандалах?..

Евгений Примаков

Раздел 5

Национальный лидер

Сергей Степашин

Виктор Зубков

Виктор Геращенко

Алла Грязнова

Геннадий Зюганов

Владимир Жириновский

Ирина Яровая

СТЕПАШИН Сергей Вадимович

Председатель правительства РФ с мая по август
1999 г., председатель Счетной палаты РФ
в 2000–2013 гг.

Историческая личность

Я твердо всё решил: быть до конца в упряжке.

Е. Примаков

Первое мое знакомство с Е.М. Примаковым было заочным. В 80-е годы прошлого века, будучи преподавателем Высшего политического училища МВД СССР в Ленинграде, с большим удовольствием смотрел телепередачи с академиком Примаковым. Телевидение в то время было однообразным, яркие фигуры появлялись нечасто. Примаков же выделялся рядом качеств. В частности, глубоким знанием материала (особенно это касалось темы Ближнего Востока), хорошим, богатым русским языком, доверительным разговором с собеседником и, что самое главное, с телезрителем. Складывалось впечатление, что он говорит с тобой лично. И, конечно же, он выделялся особым чувством юмора.

Тогда он мне казался недостижимой величиной. Я и не подозревал, что нам придется работать вместе в самые сложные времена для нашей Родины и даже стать друзьями.

«Он смело шел в обезумевшую толпу, говорил, убеждал, пытаясь примирить людей»

В конце 80-х годов я еще лучше узнал Евгения Максимовича. Произошло это в Баку, тогда еще столице Азербайджанской ССР.

Это были окаянные дни. Когда десятилетиями жившие в мире жители интернационального Баку оказались в одночасье врагами. В городе указом Горбачева было введено чрезвычайное положение, для обеспечения которого со всего Союза перебрасывались подразделения внутренних войск и армии. Я с курсантами училища был направлен из Ленинграда для выполнения задач по поддержанию общественного порядка.

В это время Примаков находился в мятежной республике по поручению президента СССР. Ходили легенды о смелости и решительности Евгения Максимовича. Он смело шел в обезумевшую толпу, говорил, убеждал, пытаясь примирить людей. Однажды он чудом избежал смерти, когда охрана едва успела вытащить его из кольца безумцев.

В 1990 году меня избрали народным депутатом РСФСР, а затем членом Верховного Совета РСФСР и председателем комитета Верховного Совета по вопросам обороны и безопасности. В августе 1991 года, во время путча, я находился в Белом доме (там тогда размещался Верховный Совет РСФСР). Ситуация накалилась до предела. Каждый выбирал для себя, как быть. Кто-то струсил, сбежал из Москвы, кто-то врал народу о болезни Горбачева, кто-то отдавал безответственные приказы о вводе войск в возбужденную столицу. У Евгения Максимовича Примакова в отношении ГКЧП была однозначная позиция – это государственный переворот. Такой же точки зрения тогда придерживались многие, в том числе и некоторые руководители аппара-

тата ЦК КПСС (известное письмо двух заведующих отделами ЦК КПСС В. Бабичева и В. Михайлова).

Однако мое отношение к членам ГКЧП нельзя назвать однозначно негативным, хотя тогда мы были по разные стороны баррикад. Я искренне сожалею о том, что произошло с министром внутренних дел СССР Борисом Карловичем Пуго, покончившим жизнь самоубийством (арестовывать его вместе с Валентином Степанковым и Виктором Иваненко тогда навязался Григорий Явлинский).

Осенью 1991 года в штаб-квартире СВР я лично познакомился с Евгением Максимовичем Примаковым. Мне приходилось и раньше там бывать, еще в ПГУ КГБ СССР, по приглашению Леонида Шебаршина – предшественника Евгения Максимовича на посту руководителя разведки.

Здесь следует сказать несколько слов в отношении генерала Шебаршина. Это был очень яркий человек, интеллигент, настоящий профессионал своего дела. Как жаль, что его нет с нами...

Примаков пригласил меня, уже будучи руководителем «новой» разведки – ПГУ вывели из КГБ и сделали отдельной службой. Комитет Верховного Совета, который я тогда возглавлял, готовил законодательную базу, в том числе для органов госбезопасности новой России.

Совершенно неожиданно он предложил мне выступить перед руководителями службы. Объяснился просто: расскажи, что думает Верховный Совет о будущем нашей разведки. После почти двухчасовой встречи, а она прошла предельно открыто, с полным взаимопониманием, Евгений Максимович пригласил меня к себе в кабинет, в комнату отдыха, очень небольшую, на чай, хотя был уже поздний вечер. Бывает такое, видишь человека на расстоянии, он один. А при личной встрече – разочаровываешься. К счастью, здесь такого не произошло. Наш разговор о жизни, о стране, о ее

судьбе, рассказ о своих личных ощущениях запомнился мне на всю жизнь. Хотя прошло без малого 25 лет, многие детали этого разговора свежи в моей памяти. Что самое поразительное, я не почувствовал разницы в возрасте, хотя Примаков мне в отцы годился. Не давил он и авторитетом, хотя мог...

Прощаясь, он мне неожиданно сказал: «Серёга, давай на “ты”». Меня впоследствии некоторые критиковали, что, мол, тыкаешь Максимычу, но я, как мог, отбивался. Это же было его желание. Позднее я узнал, что Примаков тяжело переживает смерть сына, которому было всего 25 лет. Он даже иногда своего любимого внука Евгения называл Сашей. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что он ко мне относился больше чем как к другу...

Весной 1994 года меня назначили директором ФСК (при мне ставшей ФСБ). Наши встречи по работе стали происходить систематически. Многому тогда я у него научился. Не смог «научить» меня Евгений Максимович только двум вещам: двурушничеству и предательству, потому как сам он никогда не допускал подобного.

12 июня 1994 года в Кремле после приема нас в одну из комнат пригласил Б.Н. Ельцин. Он долго молчал, пристально глядя в наши лица. Попытался зайти А.В. Коржаков, но он его не пустил.

И вдруг задает вопрос, обращенный к нам обоим:

– Вы дружите?

– Да.

– Вы меня не предадите?

Здесь мы с Евгением Максимовичем переглянулись.

– Нет.

– Ну, давайте за это выпьем.

Выпили и разошлись. Чего хотел тогда первый президент России, мы так и не поняли. Тем более что предавать – не в наших правилах.

Однако подобный случай повторился уже в мае 1999 года. Но об этом чуть позже.

Что же касается деятельности Примакова на посту министра иностранных дел, то его коллеги по дипломатической работе лучше раскроют все аспекты его работы на этом важном посту. Мне же хотелось бы заострить внимание на двух точках зрения.

Критики говорят об отсутствии успехов на этом поприще. Произошло расширение НАТО, Югославию потеряли, Ближний Восток стал не таким «ближним». Это правда, однако новая Россия впервые с 1990 года заявила о своей внешней политике и твердо пыталась отстаивать свои интересы в мире, всё более становящемся однополярным. Евгений Примаков умел общаться «на равных» с представителями Запада, и к его мнению прислушивались. Показательны его взаимоотношения с госсекретарем США Мадлен Олбрайт. Принципы сегодняшней внешней политики России во многом были заложены Е.М. Примаковым.

Важнейшим аспектом работы Евгения Максимовича в МИДе была работа с кадрами. Костяк сегодняшней команды С.В. Лаврова составляют ученики и соратники Примакова.

В 1998 году в России произошли экономические потрясения, спровоцированные кризисом на мировых финансовых рынках и денежно-кредитной политикой монетарных властей РФ, которые умудрились одновременно повернуть дефолт государственного долга и девальвацию национальной валюты. До этого в 1997 году был отправлен в отставку В.С. Черномырдин, а затем «антикризисное» правительство С.В. Кириенко. Ситуация на политическом олимпе в очередной раз накалилась.

Я в этот период возглавлял Министерство внутренних дел. Мне позвонил Примаков: «Серёга, подъезжай». Встретились на даче. Долго ходили. Ему поступило предложение возглавить правительство. Он точно не хотел, причем искренне. Видимо, понимал, чем всё это закончится. Я тогда сказал, что это будет его решение, моя же поддержка будет при любом раскладе. При голосовании в Госдуме он набрал рекордное на тот момент число голосов.

Оценка работы его правительства дана многими. Примаков спас Россию от экономического и политического краха. Это признают в том числе и его враги, правда, с ухмылкой (мол, ничего не делал, и всё установилось). Некоторые из них и сегодня учат нас, как жить (даже «ногу не поставив в стремя», по выражению Примакова).

За 9 месяцев на посту председателя Совета министров Примаков сумел сделать многое. Он сформировал профессиональное правительство народного доверия. В этом правительстве работали представители различных политических сил: Ю. Маслюков, В. Густов, М. Задорнов, Г. Боос, Н. Бордюжа, И. Хакамада. Во главе Центробанка встал Виктор Геращенко.

Что удалось сделать? Стабилизировать курс национальной валюты, вернуть доверие банковской системе и финансовым инструментам. Произошло это за счет наполнения национальной экономики недостающей ликвидностью и ужесточения правил валютного контроля, что позволило ограничить отток капитала из страны и восстановить систему платежей и взаиморасчетов в экономике. Тут же нашлись ресурсы для поддержки реального сектора экономики и выплаты зарплат бюджетникам. В доход бюджета впервые после развала Советского Союза пошли «водочные» деньги. Была создана госкомиссия во главе с первым заместителем министра внутренних дел В.А. Васильевым, в состав которой входили руководители других ведомств и представители бизнеса. Евгений Максимович тогда заявил на заседании правительства: не будет результатов, введем госмонополию на водку, как во времена С.Ю. Витте.

Тогда услышали. Поступления в консолидированный бюджет от акцизов выросли в 8 раз.

Тема борьбы Примакова с олигархами и коррупцией стоит отдельного повествования. Он тогда серьезно напугал своих недругов.

В свое время, будучи министром внутренних дел, я передал по его просьбе список некоторых наших «влиятельных» граждан, нечистых на руку...

На одном из заседаний правительства министр юстиции П.В. Крашенинников зачитывал проект закона об амнистии (речь шла об освобождении лиц, осужденных за незначительные преступления). Максимыч неожиданно сказал: на их место нужно посадить виновных за экономические преступления. Безусловно, это была эмоциональная реакция. Кстати, тема уголовной ответственности за экономические преступления и сегодня является дискуссионной. Тем более тогда. Это был март 1999 года.

На карьере Примакова был поставлен крест. Сразу начались намеки, а затем уже и прямые обвинения Евгения Максимовича в президентских амбициях. Выглядело это омерзительно. Так же в свое время унижали Б. Ельцина. Активную роль в этой кампании играли принадлежавшие олигархам СМИ. Всё это очень унижало Евгения Максимовича, в первую очередь как человека, посвятившего значительный отрезок жизни профессиональной журналистике.

Почти каждое утро он звонил мне на Житную и спрашивал: ты читал? Я, как мог, старался поддержать его: не обращай, мол, внимание на ложь, внемли совету профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца». Только я не мог понять, зачем нужно было подсовывать ему эту гадость каждое утро.

9 мая 1999 года после парада на Красной площади я находился в своем кабинете на Житной, принимая доклады об обстановке в стране. Неожиданно позвонил Б.Н. Ельцин и попросил подъехать в... Мавзолей Ленина. Со стороны заднего фасада там есть небольшое помещение, которое было приспособлено под буфет, где всегда можно было «согреться». Я зашел, доложил президенту об обстановке. Следом подъехал Евгений Максимович. Ельцин предложил налить нам по стопке и выпить «друг за друга». А 12 мая 1999 года Евгений Примаков был отправлен в отставку.

Меня вызвали в Кремль. Я уже знал, что вместо Примакова готовят Н.Е. Аксененко. У дверей президентского кабинета лоб в лоб столкнулся с Максимычем, который был как никогда спокоен: «Я в отставке, Серёга, премьером будешь ты, я сказал Ельцину, что это лучший вариант» (насколько я тогда понял, в сравнении с Аксененко). И он пошел, чуть сутулясь, по длинному кремлевскому коридору. Тогда я еще не думал, что точно такая же участь постигнет меня через 87 дней.

После всех событий конца 1999 года мы встретились в Госдуме. Настроение было неважное. Позвонил В.С. Черномырдин, он тоже стал депутатом Государственной Думы (так же, как и С.В. Кириенко). ЧВС пригласил нас к себе в кабинет. Был уже вечер, вдруг во время беседы Черномырдин произнес: «Женя, ладно Сергей молодой, но мы-то с тобой куда попали?»

Через три месяца Примаков возглавил Торгово-промышленную палату, Черномырдин поехал послом на Украину, меня же избрали председателем Счетной палаты.

Наше сотрудничество с Примаковым продолжилось. Счетная палата и ТПП проводили совместные мероприятия, особенно по теме государственных закупок.

Ежегодно Евгений Максимович выступал с докладом в «Меркурий-клубе». Эти выступления были событием в общественно-политической жизни страны, своего рода альтернативой «гайдаровским чтениям». К сожалению, не ко всем рекомендациям академика прислушивались. Это были выступления политика, интеллектуала, гражданина, искренне любящего свою Родину.

Не могу не сказать несколько слов об удивительной семье Евгения Максимовича.

Любимая жена, красавица Ирина, будучи хорошим врачом, отдала себя дому и мужу. Те, кто бывал в гостях у Примаковых, подтвердят, что по-настоящему счастливым он чувствовал себя только в кругу друзей и в семье.

Последняя встреча с Е.М. Примаковым у меня состоялась перед майскими праздниками в 2015 году. Я приехал с сыном, мы говорили о политике, о жизни, причем прекрасно понимая, что, скорее всего, это наша последняя встреча: тяжелая болезнь уже практически съела Евгения Максимовича. 26 июня 2015 года Евгения Максимовича Примакова не стало. Похоронили его как национального лидера. Он был этого достоин.

ЗУБКОВ Виктор Алексеевич

Председатель правительства РФ в 2007–2008 гг.,
специальный представитель президента по
взаимодействию с форумом стран – экспортеров
газа с 2012 г.

Душой болевший за судьбу Отечества

Я не могу сказать, что был другом или близко знал нашего выдающегося современника. Судьба сложилась таким образом, что мы стали часто общаться лишь в последние годы его жизни. Тем не менее мне есть чем поделиться с читателями, желающими лучше понять масштаб личности человека, который у многих ассоциируется с началом возрождения современной России.

С Евгением Максимовичем Примаковым нас объединяли схожие этапы в биографиях и по работе в разведке (в моем случае, в финансовой – в Росфинмониторинге), и в правительстве, а потом и в Совете взаимодействия (Interaction Council) – международной организации, в составе которой бывшие главы государств и правительств различных стран используют накопленный ими опыт для поиска решений глобальных проблем современности.

Помню, первое, что меня поразило и, очевидно, обращало на себя внимание всех входящих в его кабинет,

это была скромность. Она проявлялась во всём – и в окружающей Евгения Максимовича обстановке, и в манере его разговора. Он не придавал внешним атрибутам какого-то особого значения. Примаков одинаково уважительно общался и с президентом государства, и со своим водителем. Это был по-настоящему внутренне свободный человек.

Несмотря на солидный возраст, в нем не угасло стремление к познанию нового, а в разговоре чувствовалась острота и цепкость ума, благодаря которым он сразу вникал в суть обсуждаемых вопросов, причем из совершенно разных областей.

Он мог включить лежавший на столе ноутбук и найти в Интернете необходимую информацию, доба-

вить в избранное интересный новостной сайт, получить и отправить электронную почту, позвонить по Skype и т. д. Это звучит совершенно обыденно для современного поколения, но скольких людей, кому за 85, вы знаете, которые сегодня с той же легкостью обходились бы с компьютером?

Общение с Евгением Максимовичем было интересным и потому, что ему с удивительной точностью удавалось прогнозировать будущее развитие глобальных процессов в стране и в мире. Кстати сказать, признание за это пришло к нему еще в советское время. В 1980 году группе ученых во главе с Примаковым за спрогнозированную задолго до своего начала войну между Ираком и Ираном закрытым указом была присуждена Государственная премия СССР. Надо сказать, что после Великой Отечественной эта война стала самой продолжительной, кровопролитной и разрушительной войной XX века. Опираясь во многом на прогноз Примакова, Советским Союзом была выстроена стратегия, отвечавшая политическим, экономическим и военным интересам государства, позволившая укрепить его позиции на Ближнем Востоке.

До последнего Евгений Максимович старался быть максимально полезным своей стране. Многие в шутку называли его офис в Центре международной торговли филиалом то МИДа, то Белого дома, поскольку за советами Примакова выстраивалась очередь из зарубежных и российских политических и общественных деятелей. К его мнению прислушивались и в Кремле. Владимир Владимирович неоднократно консультировался с ним, приглашал на различные встречи и переговоры. По просьбе президента Евгений Максимович совершал поездки к своим давним знакомым на Ближний Восток. Возглавляя «Меркурий-клуб», Примаков выносил на экспертное обсуждение острые социально-экономические проблемы современной России, а рождавшиеся в напряженных спорах предложения ложи-

лись потом на стол президенту. Это же касалось, насколько я знаю, и результатов ситуационного анализа, проводимого также под его руководством. Того самого, по методологии которого была спрогнозирована иракo-иранская война. Во главе совета директоров крупного российского высокотехнологичного холдинга он буквально «пробивал» создание национальной системы по повышению обороноспособности страны, уже существующей у некоторых иностранных государств. Параллельно с этим в составе Совета по науке и образованию при президенте Российской Федерации делал всё от него зависящее для безболезненного проведения реформы Российской академии наук, в заседаниях Президиума которой регулярно принимал участие.

Вообще все, кто лично знал Примакова, отмечали его уникальную работоспособность. Сам же Евгений Максимович объяснял ее тем, что именно работа, а не коллекционирование, спорт, путешествия и даже не стихи, которых, надо сказать, он написал немало, была его любимым увлечением, которому он посвящал множество бессонных ночей и выходных дней. Причем ко всему, чем бы он ни занимался, он подходил с позиции государственника, человека, душой болеющего за судьбу Отечества.

Я хотел бы рассказать историю, неизвестную широкому кругу читателей, которая оказала сильное влияние на мое личное отношение к Примакову, заставив проникнуться к нему еще большим уважением и симпатией. Она относится к периоду, когда Евгений Максимович возглавил правительство в очень непростое для нашей страны время.

Нелишним будет напомнить, что цена на нефть тогда составляла 8–10 долларов за баррель, а золотовалютные резервы насчитывали всего два с половиной миллиарда долларов. Предприятия останавливались одно за другим, многие люди по полгода не получали зарплату. Постоянно шли митинги. В стране начинался

голод. Ни МВФ, ни наши зарубежные партнеры не предоставили нам в той ситуации ни цента кредитных средств.

Только что утвержденный Госдумой премьер-министр созвал заседание правительства, в ходе которого один из высокопоставленных чиновников предложил с учетом тяжелой экономической ситуации не направлять в полном объеме бюджетные ассигнования на содержание детей-сирот. В качестве аргумента автор идеи начал говорить: «Они все равно не наши...»

– Как это не наши?! – возмущенно перебил его Примаков.

– А чьи же они?

– Это наша страна, и это наши дети! Мы во что бы то ни стало просто обязаны обеспечить их будущее.

В результате все необходимые средства были выделены, тот чиновник был снят с занимаемой должности и, как вы знаете, за восемь с небольшим месяцев Евгений Максимович сумел не только вывести страну из глубокого кризиса, но и добился невиданного ранее роста промышленного производства. В дальнейшем он стал перечислять детям, оказавшимся в непростых жизненных ситуациях, существенную часть гонораров за свои книги и целиком денежные составляющие разных премий, включая Демидовскую премию для ученых и Государственную премию Российской Федерации. А будучи президентом Торгово-промышленной палаты РФ, учредил благотворительный фонд «Центр помощи беспризорным детям», который работает и по сей день.

В завершение своих воспоминаний о Евгении Максимовиче Примакове я хотел бы процитировать президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который однажды очень емко и метко сказал: «Хотелось бы, чтобы в нашей стране было как можно больше таких примиковых!»

ГЕРАЩЕНКО Виктор Владимирович

Председатель Государственного банка СССР в 1989–1991 гг., председатель Центробанка РФ в 1992–1994 и 1998–2002 гг.

С ним было очень комфортно работать

С Евгением Максимовичем я познакомился в конце 60-х в Бейруте, когда работал там заместителем управляющего ливанским отделением Московского народного банка. А Евгений Максимович в то же самое время был ближневосточным собкором газеты «Правда». В Ливане тогда у «Правды» не было собственного корреспондента, ему же требовалось поближе сойтись с руководством Сирии – задание у него было такое. А у нас в то время как раз был для советских людей свободный проезд из Ливана в Дамаск. Нам на службе в банке надо было находиться только первую половину дня, с 8 до 14 часов – правда, только с одним выходным, шесть дней в неделю, – но зато после обеда мы могли заниматься своими делами. И довольно часто мы с Евгением Максимовичем в это послеобеденное время встречались, шли куда-нибудь – посидеть, пивка выпить, поговорить на разные темы. Наш банк тогда активно работал с Египтом и Сирией – мы кредитовали разные проекты в этих странах. Поэтому мне было не просто чрезвычайно интересно, но

и крайне полезно для моих банковских дел порасспрашивать Евгения Максимовича о том, какая ситуация в этих странах, чего следует ждать. И хотя он был на 8 лет старше меня, между нами сложились вполне дружеские и доверительные отношения. К тому же эти наши посиделки были не просто интересны и полезны для меня, но и выгодны: я приносил счет в банк, говорил, что у меня был ужин с клиентом, и мне его оплачивали.

В 1989 году я перешел из Банка внешнеэкономической деятельности СССР, где был первым зампредом правления, на должность председателя союзного Госбанка. У моего предшественника на этой должности Гаретовского никак не складывались отношения с председателем совета министров Рыжковым, и к 1989 году вопрос о замене руководителя Госбанка уже настоятельно требовал решения. На этот момент у меня за спиной была богатая профессиональная биография. Помимо Ближнего Востока, мне удалось поработать в Лондоне, ФРГ, Сингапуре, подняться до должности первого зампреда правления Внешторгбанка, откуда я потом перешел на аналогичный пост в Банк внешнеэкономической деятельности. И здесь моя судьба оказалась в довольно сильной зависимости от Евгения Максимовича: мою кандидатуру рассматривали на заседании Верховного Совета, а он тогда возглавлял Совет Союза и вел то самое заседание. Помню, как он организовывал желающих задать мне вопросы, потом проводил голосование по моей кандидатуре. Ну и в результате для меня всё закончилось благополучно: я был утвержден председателем Госбанка и пробыл на этом посту вплоть до конца 1991 года, то есть до его упразднения после распада СССР.

Но уже меньше чем через год обо мне снова вспомнили и поставили руководить Центробанком России. Я проработал там почти два года – до печально знаменитого «черного вторника», 11 октября 1994 года, когда

курс рубля рухнул из-за заговора коммерческих банков. Меня тогда Ельцин попросил пойти в отставку, и я ушел. Правда, как потом оказалось, не навсегда, а лишь на 4 года. Когда в 1998 году случился дефолт, меня снова стали заманивать в Центробанк на мое прежнее место. Это было как раз в начале сентября, когда Ельцин предлагал Черномырдина в премьеры, а Дума его не пропускала. Я тогда сказал заместителю главы администрации президента Руслану Орехову, который вел со мной переговоры на сей счет: «Если назначат опять Черномырдина, хотя у меня с ним хорошие, товарищеские отношения, я не пойду, потому что он никогда Ельцину не возражает, он всегда соглашается с

его заявлениями, даже если они экономически неправильные». А когда Дума во второй раз провалила Черномырдина, Орехов меня снова позвал и сказал: «Хватит тебе из себя кого-то строить, соглашайся. Третий раз Черномырдина предлагать не будем. Сейчас президент разговаривает со Строевым, потом с Примаковым будет говорить». На меня и мои товарищи-банкиры стали надавливать: «Хватит тебе ломаться, принимай предложение, а то опять придет кто-нибудь из минфиновских, и мучайся с ним!» Ну и я согласился. А на следующий день звонит Евгений Максимович: «Можешь ко мне подъехать?» Отвечаю ему, усмехаясь: «Я к тебе сейчас подъеду, если меня пустят под ваш шлагбаум». Приехал к нему на Смоленку, а он и говорит: «Ты знаешь, я вчера дал себя уговорить стать премьер-министром, а ты, я слышал, выкобениваешься, не хочешь идти в Центробанк. Поэтому у меня к тебе просьба – дай согласие, пожалуйста». «Да я вчера вечером, вроде, согласился уже», – отвечаю. И он с облегчением вздохнул: «Ну и молодец».

Так мы стали работать в одной связке. Хотя Центробанк формально, как и в других странах, не подчиняется правительству, мы тем не менее очень тесно сотрудничали с Евгением Максимовичем и в целом с его кабинетом. Иначе и быть не могло, поскольку тогда велись регулярные переговоры с Международным валютным фондом, к нам всё время приезжал его руководитель Камdessus. Евгений Максимович всегда лично участвовал в этих переговорах, и я, естественно, тоже был рядом с ним. Надо сказать, что переговоры он вел просто прекрасно. Чувствовалась его многолетняя корреспондентская сноровка вытянуть из собеседника нужную информацию. Ну и, конечно, не только корреспондентская, но и опыт руководства внешней разведкой тоже. Он обычно очень просто и совершенно естественно так прямо и говорил иностранным переговорщикам: «Ребята, ну потерпите, мы сказали,

что через некоторое время начнем платить». И на такую непосредственность просто нечего было возразить.

Каждую неделю я приезжал на заседания Совмина. Мое личное присутствие там было необходимо, потому что постоянно возникали те или иные вопросы межведомственного взаимодействия – и, соответственно, бюджетного обеспечения такого взаимодействия. Мы всегда старались прийти к компромиссу, понимая, что ситуация непростая и выход из нее можно найти только всем вместе. Не скажу, что я тогда общался с Евгением Максимовичем особенно часто. Да этого и не требовалось, мы и так всегда находили взаимоприемлемые решения. С ним было очень комфортно работать – и профессионально, и чисто по-человечески.

Я тоже был в том самолете, который Евгений Максимович в марте 1999 года развернул над Атлантикой. Он тогда сказал нам: «Вот, я договаривался с вице-президентом Гором, чтобы американцы крепко подумали, вмешиваться ли им в югославские дела. Если надумают вмешаться, я не полечу». Потом он отлучался, звонил и, наконец, вышел к нам и сказал: «Они приняли решение бомбить Белград, поэтому мы сейчас разворачиваемся и летим назад».

Потом, когда Евгений Максимович уже работал в Торгово-промышленной палате, он меня часто туда приглашал к себе обсудить разные проблемы, связанные с финансированием и банковским кредитованием. Приходил я туда и на разные мероприятия – юбилеи, дни рождения и обязательно на его ежегодные доклады, в которых он делился своими взглядами об экономике и вообще о происходящем в мире и в России. Я всегда с большим интересом шел туда – это было и интересно, и появлялась возможность с ним самим пообщаться. Он был исключительно образованный и культурный человек с тонким чувством юмора, и с ним всегда было как-то по-домашнему уютно, хорошо, надежно.

ГРЯЗНОВА Алла Георгиевна

Президент Финансового университета
при правительстве РФ

Когда идти по жизни рядом – незабываемое счастье

Для меня лично Евгений Максимович Примаков – образец мудрого государственного деятеля, обладающего энциклопедическими знаниями, богатым практическим опытом, высочайшей степенью ответственности, смелый, принципиальный, кристально чистый в своих помыслах и делах, истинный патриот своей Родины.

Демократичный по натуре, он проявлял незаурядный дар дипломата, эффективного переговорщика, человека стратегически мыслящего и аргументированно убедительного.

Евгений Максимович очень дорог мне и как образец мужчины, умеющего глубоко, верно и преданно любить свою супругу, прекрасный отец и семьянин; человек добрейшей души, чуткий, отзывчивый, настоящий надежный друг и коллега.

Каждое сказанное слово могу подтвердить делами, поступками, свидетелем которых была лично. Приведу лишь несколько примеров.

В перестроечные 90-е годы для обобщения передового мирового опыта и изучения возможности его применения в России был создан Интерфонд «Мировой опыт и экономика России», и мы ежегодно стали проводить в Государственном Кремлевском дворце тематические экономические форумы. Несколько раз главным докладчиком приглашали Евгения Максимовича, и несмотря на то что в это время широко пропагандировалась необходимость вступления в ВТО, Евгений Максимович в своем докладе аргументированно удерживал от поспешного решения этого вопроса и четко обозначал реальные экономические угрозы, особенно для сельского хозяйства. Для такого подхода требовались и стратегическое мышление, и принципиальность, ответственность за судьбу страны, а также дипломатичность и интеллигентность в оглашении такой позиции.

И хотя Герман Оскарович Греф провел огромную работу по «выбиванию» особых условий для вступления России в ВТО, а сама подготовка потребовала почти двух десятилетий, когда наступил финансовый кризис и последовали незаконные санкции по отношению к нашей стране, многие открыто пожалели о том, что мы стали членами ВТО.

Другой пример. Всем памятен дефолт 1998 года, приглашение президентом России Б.Н. Ельциным на пост председателя правительства России Евгения Максимовича. Не все знают о том, что он несколько раз отказывался от такой должности и согласился лишь после настоятельной просьбы депутатов Госдумы, причем твердо обозначив в качестве условия самостоятельное формирование нового правительства, способного вывести страну из позорного дефолта. На ключевые позиции он смело пригласил опытных, грамотных специалистов, в верности Родине которых был твердо уверен. В частности, на решение денежно-кредитных проблем был приглашен самый опытный банкир, про-

шедший все ступени карьерного роста и неоднократно показывавший высокую эффективность работы как в России, так и за рубежом – в Европе и Азии, – в зарубежных банках с российским капиталом. Он был общепризнанным авторитетом с прочно закрепившимся за ним именем «Геракл». Я хорошо знаю Виктора Владимировича Геращенко, потомственного банкира. Мы вместе учились в Московском финансовом институте, имели счастье слушать лекции корифеев экономической науки, финансистов и банкиров с богатейшим опытом работы.

Российская экономическая наука, в отличие от зарубежных специалистов, давала более глубинную трактовку инфляции, рассматривая ее не как чисто монетарное явление, а как явление, имеющее воспроизводственный характер, на динамику которого воздействуют как монетарные, так и немонетарные факторы. Казалось бы, это всего лишь разные теоретические позиции. Но они ведут к разным практическим решениям. Поэтому в 1998 году В.В. Геращенко смело предложил, а Е.М. Примаков согласился включить печатный станок и тем самым решить сразу три задачи: снизить социальную напряженность, ликвидировать задолженность по зарплате перед бюджетниками, а их отложенный спрос превратить в платежеспособный, дающий мощный сигнал производству. Направление при этом основной части новой денежной массы в реальный сектор экономики одновременно простимулировало рост производства.

Никогда не забуду, как испугались многие находившиеся у власти либералы, исповедовавшие зарубежную трактовку инфляции как чисто монетарного явления и послушно следовавшие рекомендациям МВФ. Ко мне приехал помощник Б.Н. Ельцина Александр Яковлевич Лившиц и выразил свою уверенность в том, что включение печатного станка в эпоху дефолта – грубейшая ошибка, и всего через два-три месяца следует ожи-

дать мощного всплеска инфляции, возможно, даже гиперинфляции. Зная мои добрые отношения с Е.М. Примаковым, просил срочно предупредить его о трагических последствиях. Одновременно Александр Яковлевич сообщил, что решил организовать прогнозный центр и попросил меня как ректора и председателя Ученого совета Финансовой академии при правительстве РФ (ныне Финансовый университет) разрешить ему ежеквартально докладывать на нашем Ученом совете прогнозные оценки по развитию экономики и при совместном обсуждении итогов выявлять неучтенные факторы, чтобы в конечном счете разработать оптимальную модель прогнозных оценок. Свой выбор именно нашего вуза он обосновал как нашим личным знакомством и дружескими отношениями, так и демократичной обстановкой в научном коллективе, высоким профессионализмом ученых. Я, естественно, согласилась. Однако с его первой ноябрьской прогнозной оценкой, касавшейся инфляции, категорически не согласилась и твердо сообщила, что считаю в сложившейся ситуации контролируруемую денежную эмиссию разумной мерой, которая даст импульс производству и не вызовет всплеска инфляции, подчеркнув, что о разумности этой меры говорит и отечественный, и зарубежный опыт.

Естественно, к Евгению Максимовичу я не пошла, а по прошествии трех месяцев и А.Я. Лившиц убедился в ошибочности своей позиции. Кстати, правильная экономическая политика правительства под руководством Е.М. Примакова привела уже через восемь месяцев к росту промышленного производства более чем на 10 процентов, и никакого страшного всплеска инфляции не произошло.

В Евгении Максимовиче меня очень привлекает еще одна важная черта как руководителя. Он всегда очень уважительно относился к людям, был строг, но доброжелателен. Не случайно, что в каких бы организациях

он ни работал, о нем всегда вспоминают с большой теплотой. Мне лично об этом говорили многие сослуживцы Евгения Максимовича, с которыми мы вместе проводили научно-практические конференции, круглые столы, осуществляли совместные научные разработки, вели большую работу по повышению финансовой грамотности населения, особенно молодежи.

Однажды в личной беседе Евгений Максимович рассказал мне, почему был вынужден покинуть правительство. Когда Е.М. Примаков предложил всем политическим партиям (а их тогда было более 140!), которым дорога судьба Родины, принять мораторий на конкурентную борьбу и взаимные обвинения, ибо у всех должна быть одна задача – вытащить страну из дефолтной ямы, обеспечить экономический рост, – все партии единодушно поддержали это предложение.

Я хорошо помню эту ситуацию и напрямую спросила у Евгения Максимовича: «А с Борисом Николаевичем вы этот вопрос согласовали?» – на что он удивленно посмотрел на меня и, улыбнувшись, четко ответил: «Конечно да, разве может быть иначе?» Но, как оказалось уже через два дня, мое беспокойство было ненеприятным. Нашлись «доброжелатели», которые восприняли этот шаг как демонстрацию авторитета Примакова и шаг к президентскому креслу. Какая дурь! Но именно эту дурь «всесильный» Б. Березовский донес до Б.Н. Ельцина. Борис Николаевич вызвал на следующий день Е.М. Примакова, сказал много добрых слов в его адрес, подчеркнул, что он ему полностью доверяет, но в народе пошел абсолютно ненужный разговор о том, что он якобы стремится стать президентом, и предложил написать заявление об уходе в связи с резким ухудшением здоровья, вспомнив при этом о болезни ноги и возможной операции.

Будучи предельно честным, ответственным и смелым человеком, Евгений Максимович отказался это сделать, сказав, что он чувствует себя хорошо и готов

продолжать свою работу. Однако президент имеет право принять любое решение и Евгений Максимович его исполнит, причем никаких обсуждений и неудовольствий по этому поводу с его стороны не будет.

После этих слов Евгений Максимович покинул кабинет президента. Что было потом, всем известно: последовало отстранение мудрого, эффективного Е.М. Примакова от руководства правительством. Как много потеряла страна, можно только с огромной болью осознавать.

Для меня лично в достаточно полном объеме колоритность, многогранность фигуры Е.М. Примакова стала понятна благодаря «Меркурий-клубу», который он создал в 2002 году. На его регулярных заседаниях

собирались представители законодательной и исполнительной власти, представители бизнес-сообщества, научная общественность, и в свободной дискуссии обсуждались самые злободневные проблемы, формировались конкретные предложения по исправлению ситуации. Знаю, что по итогам этих обсуждений у Евгения Максимовича неоднократно были встречи с Владимиром Владимировичем Путиным, к которому Примаков относился с глубочайшим уважением.

Незабываемыми для всех нас были новогодние сборы 13 января. Они всегда начинались с 45-минутного доклада Евгения Максимовича, где он подводил итоги года, четко и прямо говорил, что удалось сделать и что, по его мнению, приходится констатировать как недостатки или ошибки, стараясь всегда предложить и меры для их преодоления.

Поскольку, как правило, доклады Евгения Максимовича на следующий день публиковались в открытой печати – в «Российской газете», – то все могли прочитать и еще раз убедиться в принципиальности, четкости и открытости, аргументированности высказываний, позитивности критики, уверенности в высокой миссии России и ее светлом будущем. Однако многие дискуссии остались лишь в протокольных записях и в прессу попадали лишь в виде краткого информационного и итогового материала. Поэтому приведу один пример, который говорит о потрясающей интуиции Евгения Максимовича, умении четко отделять главное от второстепенного, даже, казалось бы, за пределами его профессиональных компетенций.

Речь шла о цене нефти в связи с развязанной войной в Ираке. Большинство было склонно ожидать резкого снижения цены, приводилась масса аргументов. Мне было особенно важно услышать мнение В.В. Герасценко как самого опытного банкира среди всех присутствовавших (около 200 человек) в зале. Его прогноз был таков: возможно падение до 11 долларов за бар-

рель. Несколько голосов предположили наоборот резкий рост цены.

Я была удивлена, когда, подводя итог дискуссии, Евгений Максимович, поблагодарив всех за активное участие в дискуссии, сообщил свое мнение: «Думаю, никаких резких скачков с ценой не произойдет, она будет оставаться стабильной в диапазоне 24–25 долларов за баррель, ибо есть для этого 4 главные веские причины», – и четко их перечислил.

Время показало, что прав оказался Евгений Максимович.

Новые черты характера и новые таланты удалось мне узнать во время нескольких прогулок на теплоходе в небольшой компании, а также на отдыхе в Барвихе.

Евгений Максимович обладал тонким чувством юмора, знал огромное количество анекдотов, был дивным рассказчиком комичных житейских и деловых ситуаций, а о его удивительных тостах и говорить не приходится. Полным откровением для меня стал поэтический дар Евгения Максимовича, его дивные стихи, адресованные своей красавице-жене, своим друзьям по работе.

Во время теплоходной прогулки впервые услышала, как Евгений Максимович поет, и на удивление обнаружила широкий диапазон его песенного репертуара, его знание современных направлений в эстрадной музыке.

Несмотря на масштабность фигуры Евгения Максимовича, в общении с ним всегда было просто, тепло и уютно. Это тоже редкий дар, который отмечают не только его друзья, но и сослуживцы – независимо от занимаемой должности и социального положения.

Безмерно благодарна судьбе за то, что многие десятилетия имела счастье идти по жизни, общаться, советоваться с таким мудрым, замечательным, незабываемым человеком – Евгением Максимовичем Примаковым.

ЗЮГАНОВ Геннадий Андреевич

Председатель фракции КПРФ в Государственной
Думе РФ

Лучшая память – следовать его заветам

Евгений Примаков был талантливым государственным, честным, искренним и открытым человеком, под его руководством правительство РФ отвечало вызовам своего времени и проводило политику в интересах большинства населения России.

Я входил в состав «Меркурий-клуба» и много лет работал вместе с Евгением Максимовичем Примаковым. Последнее заседание он вел, как всегда, талантливо и умело. Он был крайне обеспокоен происходящим в мире и стране. И даже в последние минуты старался всё сделать, чтобы поправить ситуацию, помочь выбраться из тяжелого финансово-экономического кризиса, из тех санкций, которыми Россию обложили со всех сторон.

Я был одним из тех, кто убеждал его после дефолта занять кресло премьер-министра. Он нам ответил тогда: «Вы мне предлагаете не путевку в Сочи, а тяжелейшую каторжную работу в стране, в которой обвалились все финансы, в которой положение просто аховое». Баррель нефти тогда стоил 12–15 долларов, а

золотовалютных резервов оставалось 6–7 миллиардов. Не хватало денег на пенсии, стипендии и зарплаты.

Мы все-таки убедили Примакова возглавить правительство. Он попросил к себе в заместители из нашей фракции в Госдуме Юрия Маслюкова. Это был один из лучших, талантливых управленцев. А Геращенко возглавил финансовую систему. Вот тогда они втроем спасли страну, оттащили ее от края пропасти.

По сути дела, Евгений Максимович в самые тяжелые часы для России оказался у руля управления и всё сделал, чтобы страна не рухнула окончательно. Международный валютный фонд предлагал ему различные рецепты по выходу из кризиса, которые сегодня навязывают Украине. Но он сделал с точностью до наоборот. Примаков обеспечил выполнение социальных обязательств перед пенсионерами и студентами. Он ввел жесткий контроль над потоками валюты и над нефтегазовыми королями, которые хотели в несколько раз взвинтить цены на энергоносители. Но он их сразу предупредил, что из этого ничего не получится и что они будут обязаны выполнять приказы и поручения правительства.

Я его ценил за мудрость, взвешенность и одновременно за очень развитое чувство юмора.

В то же время неоднократно советовал членам правительства ходить на заседания «Меркурий-клуба», на которые Примаков ежегодно, накануне Старого Нового года 13 января, собирал самых талантливых инженеров, конструкторов, директоров предприятий, предпринимателей. Они откровенно делились своими проблемами, трудностями, подводили итоги прошедшего года. Там было много деловых предложений. Но меня всегда поражала нелюбознательность некоторых наших министров. Они не хотели слушать мудреца и его талантливую команду. Но если бы в правительстве тогда прислушались к Примакову, мы уже давно преодолели бы многие сегодняшние проблемы.

Полистайте страницы его докладов за последние годы, и вы увидите, какие были интересные предложения, насколько они актуальны. Примаков оставил нам в наследство свой талант, волю, любовь к стране, умение налаживать контакты с политиками, руководителями, предпринимателями и промышленниками.

Когда он стал премьером, признаюсь, иногда заседания и встречи с ним затягивались за полночь. Ночью писали проекты решений, а утром Дума с листа их принимала, несмотря ни на какие регламенты. Это

было то, что нужно для спасения экономики и поддержки граждан. За время, пока он был премьером, промышленность прибавила 24 процента. Это лучший результат. Я не раз предлагал на Госсовете президенту Путину: «Возьмите за основу левоцентристский вариант политики Примакова, Маслюкова и Геращенко. И вы увидите колоссальные подвижки довольно быстро».

Примаков умел окружать себя талантливыми людьми. Я к нему ездил на совет, когда он еще не возглавлял Торгово-промышленную палату. Просто хотел побеседовать с умным, опытным человеком. Выслушать его

замечания и пожелания. Горжусь тем, что меня с ним связывала тесная дружба все эти трудные годы. Его совет помогал и мне, и нашей партии, и народно-патриотическому союзу встать на левоцентристский путь, который крайне важен для страны в нынешнее ответственное время.

Мы не устояли на одной левой ноге, хотя КПСС была могучей, сильной и крепкой. На правой ноге, избитой молью, чинодральством и коррупцией, вообще устоять невозможно. Пример правительства Примакова для нас во многом является образцом. Поэтому мы должны не только поклониться светлой памяти Евгения Максимовича Примакова, но и сделать всё для того, чтобы его дело, его мысли, его советы и пожелания были воплощены в практику нынешней России. Это будет ему самым добрым и лучшим памятником.

ЖИРИНОВСКИЙ Владимир Вольфович

Советский и российский политический деятель,
основатель и председатель
Либерально-демократической партии России,
заместитель председателя Государственной Думы
в 2000–2011 гг.

Он отлично знал нашу страну

Евгения Максимовича я лично знал много лет. Это был прекрасный человек, дипломат, ученый, востоковед, журналист, писатель. В разные годы он занимал высочайшие посты в нашей стране. Он возглавлял Совет Союза Верховного Совета СССР, руководил Службой внешней разведки, возглавлял Министерство иностранных дел, был депутатом, лидером фракции. Конечно, высший пост, который он занимал, – это председатель правительства. Венец его карьеры.

Он прошел блестящий трудовой путь, прожил великолепную жизнь – и творческого человека, и чиновника, и общественного деятеля. Я бы даже сказал, что за последний век его можно считать одной из первых фигур в нашей общественно-политической жизни. Всё, за что бы он ни брался, работало на «отлично». К нему испытывают глубочайшее уважение все сотрудники Министерства иностранных дел, наши разведчики. А как журналисты его всегда любили! В Торгово-про-

мышленной палате – его последнем месте работы – он пользовался огромным авторитетом. Благодаря ему каждое заявление «Меркурий-клуба», работающего под эгидой Торгово-промышленной палаты, приобретало реальный резонанс, к нему прислушивались.

И он ведь очень плодовитым автором был, столько книг написал! Не во всём я с ним согласен был. Буквально за несколько месяцев до смерти он прислал мне свою последнюю книгу – «Встречи на перекрестках», – а незадолго до этого я прочел «Мысли вслух». В обеих, по сути, воспоминания о работе, о становлении страны после распада Союза – то есть живая история нашей

жизни последних трех десятилетий, которую он пропустил через себя. И он в сопроводительном письме просил, чтобы я свои критические замечания высказал. Я ему тогда честно написал, что не разделяю его терпимости по отношению к власти 1990-х. Не понимаю, почему он не осуждает политику Горбачева, которая привела к распаду СССР. Но он, конечно, сам был в исполнительной власти все эти годы и не мог критиковать ту структуру, частью которой был, хотя, возможно, он и не был со всем согласен.

При этом в профессиональных качествах Евгению Максимовичу не откажешь. Он отлично знал нашу страну. Его слова и действия прямо влияли на общественную, государственную, политическую жизнь России. Он и международные связи имел огромные: и с Генри Киссинджером накоротке разговаривал, и с Мадлен Олбрайт на «ты». Весь Государственный департамент США знал, да и представителей других внешнеполитических ведомств мира. Он был выдающимся востоковедом, отличным арабистом, встречался со всеми руководителями арабских стран – его там отлично знают.

При этом Евгений Максимович не был похож на очень жесткого человека. Скорее – добрый, даже великодушный. У него была хорошая улыбка. В том смысле, что он не был из числа тех, кто постоянно улыбается – это не всем нравится, – но он понимал, что этим можно разрядить обстановку. И эта его улыбка подталкивала окружающих к нему, вызывала уважение.

Но при этом в принятии каких-то решений он был непререкаемым авторитетом. Это выражалось во всём:

«Благодаря ему каждое заявление “Меркурий-клуба”, работающего под эгидой Торгово-промышленной палаты, приобретало реальный резонанс, к нему прислушивались»

начиная с момента принятия решения и заканчивая постановкой вопроса, если речь о периоде его работы в Госдуме.

Я очень рад, что мне довелось быть знакомым с Примаковым, работать с ним. Он человек нашей общей эпохи. Мы с ним общались, когда он занимал разные должности, особенно когда он был министром иностранных дел и председателем правительства. Он регулярно приглашал меня, мы встречались, беседовали.

Да и уже здесь, в Госдуме, он руководил фракцией «Отечество – Вся Россия» и был одним из кандидатов на пост председателя Госдумы. И даже в последние годы жизни он регулярно приглашал меня на заседания «Меркурий-клуба», и я всегда с уважением относился к этому, не пропускал заседаний, которые он вел. Потому что Примаков действительно смог создать такую площадку, которая могла оказывать влияние. Мне нравилось, что я вхожу в такой клуб.

Другими словами, самое тесное общение у нас было все эти годы. Жаль, что он ушел. И ведь до последнего он сохранял ясную голову. Даже говорил, что страдает из-за того, что в мыслях, головой он готов на любую новую работу, может и хочет трудиться, но тело уже, увы, подводит. Это, конечно, трагедия. Он еще очень много мог сделать, если бы оставался с нами. Мы могли достичь еще больших успехов.

ЯРОВАЯ**Ирина Анатольевна****Председатель комитета Государственной Думы
по безопасности и противодействию коррупции**

Объединяющее наследие

Говорить о таких людях, как Евгений Максимович Примаков, – большая ответственность. Масштаб личности Евгения Максимовича гораздо больше, чем те слова, которые о нем могут быть сказаны.

В моем представлении Евгений Максимович смог сделать невероятное: на сломе исторических, политических, психологических, экономических эпох для нашей страны остаться в парадигме государственничества, сохранить себя как государственного человека. Принципиальное отличие Примакова в том, что он и в СССР, и в России – разных по содержанию государствах, разных политических системах – никогда не стремился к конъюнктуре. Он стремился соответствовать России в широком смысле преемственности, соответствовать России как Отечеству с тысячелетней историей. В этом секрет Примакова, который был уважаем, мнение которого имело вес и значение в эти разные периоды слома России и ее становления.

Евгений Максимович Примаков именно в нашем президенте видел государственного деятеля, для которого Россия и есть его судьба. Та поддержка, которую

Примаков высказывал публично президенту, никогда не была лестью или просто одобрением. Всегда было глубокое, осмысленное прочтение политики, которую реализует Владимир Путин. Именно той самой политики национального достоинства и суверенитета, которая для нашей страны стала спасением от проблем прошлого и фундаментом будущего. Примаков – международник, который не только лично знал очень многих глав государств, но и знал многое из того, что за кадром официальной хроники, мог в полной мере оценить роль личности в истории стран и народов. Евгений Максимович, безусловно, высоко оценивал то, что Путин вернул стране экономический баланс, нацио-

нальный суверенитет и достоинство, и понимал, насколько это было непросто.

Доклады, которые готовил Евгений Максимович, направлялись президенту. Примаков стремился быть не сторонним наблюдателем политики России, а максимально полезным через свой опыт и свое видение того, какие проблемы еще надлежит решить и как это можно сделать.

На последнем заседании «Меркурий-клуба» Евгений Максимович попросил СМИ покинуть зал. Вероятно, он не желал показать даже малейшее недомогание. Его огромная сила духа и воли всегда воодушевляли других. То, что он нашел в себе силы и сделал этот доклад, говорит о том, что ему было важно успеть поделиться своими глубокими гражданскими суждениями о будущем России. И ему это удалось.

Когда мы говорим об учебниках истории, мы всегда ставим на некий пьедестал то прочтение исторического пути, которое было до нас. Примакову при жизни удалось, хотя он к этому не стремился и даже, наверное, не думал об этом, быть на таком историческом пьедестале. Его экспертное суждение было больше, чем личный взгляд на проблему. В этом феномен «Меркурий-клуба» – интеллектуальной научно-изыскательской лаборатории и одновременно команды практиков высшей лиги, которая, безусловно, всегда ассоциировалась с Примаковым.

Наверное, именно это объясняет его готовность и стремление к тому, чтобы находить, слышать и воспринимать скромный взгляд тех, кто был новичками в политике, тех, кому еще предстояло доказать состоятельность своих суждений.

Желание Евгения Максимовича Примакова услышать мои скромные суждения я, с одной стороны, относил к кредиту и авансу доверия, а с другой стороны, всегда рассматривала это как строгое требование к своей личной ответственности. Выступление перед ним

было больше, чем экзамен, это скорее глубокий самоанализ, а не оценка извне. Думаю, что каждый, кому давал оценку Примаков, чувствовал вот такую личную ответственность. Это феноменальная ситуация, когда ты ощущаешь особую сопричастность к судьбе страны. Она воспринимается точно оголенным нервом. Абсолютное большинство тех, кто приходил по приглашению Примакова, были нацелены на глубокое личное осознание того, что ты можешь сделать для России. Лично ты. Прямо сейчас.

Труды Примакова, доклады, которые он готовил по разным темам, если их свести к общему знаменателю, – это больше чем размышления о России, это скорее самопостановочные задачи для самих себя по развитию своей же страны. Примакову удавалось как раз не дать рецепты, а сформировать видение того, как мы должны жить и работать во благо Отечества. Когда государство имеет образ человеческий и народный. К этому многие стремятся, но не у всех получается.

«Россия. Надежды и тревоги» – именно так называется последняя книга Евгения Максимовича. Те тревоги, которые он обозначил, фактически являются современной политической и экономической повесткой России и даже глобальной повесткой безопасности. Очень важно, чтобы анализ и решения, предложенные им, были не просто в повестке мнений, а в планах действий. Думаю, что наши действия сегодня должны стать продолжением созидательных действий Примакова по осуществлению надежд на успех России.

Наследие Примакова особенное, оно объединяет, и оно очень обязывает к действию. Каждый раз, когда перечитываешь работы Евгения Максимовича, находишь новое созвучие с жизнью, понимаешь, что это обязательно должно знать молодое поколение. Это понимание истории государственного строительства России.

Много споров об учебниках истории, о том, как описать период Сталина, как понимать период перестройки и современный период России, как формируется система безопасности в глобальном мире, какова роль России. Академик Примаков блестяще выполнил эту задачу, выразил науку и практику через честное и ответственное гражданское прочтение. Евгений Максимович очень понятно, что важно, доступным русским языком, в хронологии исторических фактов дает ответы на эти сложные вопросы. И просто необходимо сделать так, чтобы в учебниках обществознания и истории России присутствовало гуманитарное наследие Примакова.

Мы видим, что современная политика России в вопросах безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, миграции отражает и взгляд Примакова. А значит, и для студентов-международников, будущих юристов, военных, политологов, государственных и муниципальных служащих эти знания могут быть представлены курсом лекций академика Примакова «Россия. Надежды и тревоги». Безопасность России в самом широком аспекте (политическая, экономическая, продовольственная, гуманитарная) сегодня как никогда актуальна. Темы современного неолиберализма, офшоров, незавершенности в строительстве, олигархического монополизма, здравоохранения, роли Российской академии наук и многое другое отражены в работах Примакова.

«Прима» в переводе с латыни означает «первая». У Евгения Максимовича было ПРИМАвидение – не эгоистичное желание быть первым, а желание быть первым в ответственности. Таких желающих не так много. Я не припомню, чтобы Примаков когда-то пытался, говоря о самых тяжелых проблемах, дистанцироваться от своей личной ответственности. Хотя ко многим проблемам он не имел вообще никакого отно-

шения с точки зрения их создания. Он скорее имел отношение к ним с точки зрения их разрешения.

Евгений Максимович, как учитель, пытался наставлять нас – политиков разных взглядов, разного политического спектра. У меня было ощущение, что Примаков всегда пытался привести даже противоположные политические ситуации к общему знаменателю – России.

У Евгения Максимовича кладезь цитат, и некоторые из них можно было бы объединить в «пятерку Примакова».

1. Я исповедую оптимизм.
2. Достижения не должны заслонять проблемы.
3. Остановиться за шаг до хаоса.
4. Правильное понимание соотношения демократии и суверенитета определяет будущее мира.
5. Наше развитие зависит от нас самих.

Евгений Максимович говорил: «Люди говорят – уходит время. Время говорит – уходят люди». Но имя и труды Примакова для России – на все времена. Поэтому для меня Примаков – это моя страна, это наставник, это гражданин, это то, что в моем представлении означает общую судьбу со страной и личный успех как успех России.

Когда годов отстукало немало,
То любишь или рубишь не плеча,
Идешь «на вы» не с поднятым забралом.
Давно уже не дружишь с кем попало
И не осудишь сгоряча...

Евгений Примаков

Раздел 6

Н

а служении Отечеству в НОВОМ ВЕКЕ

*Вячеслав Голицын
Борис Пастухов
Владимир Шаманов
Георгий Петров
Борис Титов
Иван Гореловский
Андрей Клепач
Юрий Якутин
Павел Дорохин
Валерий Кузнецов*

ГОЛИЦЫН Вячеслав Анатольевич

Генеральный директор АНО «Союзэкспертиза»
ТПП РФ

Надежность и защищенность

Мое знакомство с Евгением Максимовичем Примаковым состоялось практически в момент его избрания в декабре 2001 года на пост президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Тогда я работал руководителем одной из учрежденных ТПП РФ организаций. И по долгу службы участвовал во многих мероприятиях, проводимых под руководством Е.М. Примакова в рамках деятельности палаты. Сразу стало понятно, какого масштаба человек, специалист, политик возглавил ТПП РФ. Примаков – это целая эпоха в истории нашей страны, человек чести, огромных знаний, глубокой мудрости, всегда выполнявший свои обещания, относившийся к себе критически и даже с иронией, не позволявший неуважительного отношения к окружающим. У находившихся рядом с ним всегда возникало чувство надежности и защищенности.

В августе 2004 года мне поступило предложение возглавить Автономную некоммерческую организацию «Союзэкспертиза» ТПП РФ (СОЭКС) – крупнейшую в России независимую экспертную организацию, имею-

щую восьмидесятилетний опыт работы в области контроля качества, экспертизы, оценки и сертификации товаров и услуг. СОЭКС поддерживала деловые связи с экспертными организациями стран – членов СНГ, ведущими мировыми инспекционными компаниями, партнерскими структурами в зарубежных странах. Организация неоднократно подтверждала свое соответствие международным нормам для независимых инспекционных компаний и в конце девяностых годов стала полноправным и единственным в России членом Международной федерации инспекционных агентств (IFIA).

При назначении на этот пост я получил от Евгения Максимовича четкие рекомендации о направлениях развития экспертной системы ТПП РФ, которые должна возглавить АНО «Союзэкспертиза» как головная организация этой системы, включая развитие инфраструктуры экспертных организаций территориальных звеньев палаты, укрепление лабораторной составляющей экспертной деятельности, развитие методологической базы и стандартов этой деятельности, совершенствование подготовки и повышения квалификации специалистов-экспертов, ориентацию на крупные проекты экспертной поддержки различных отраслей экономики страны и предпринимательских структур, развитие международного сотрудничества в сфере экспертизы.

Следуя этим рекомендациям, мы приступили в 2004 году к созданию договорного холдинга СОЭКС, в состав которого вошло более 40 экспертных организаций, в основном работающих во взаимодействии с территориальными торгово-промышленными палатами и другими региональными структурами. На базе холдинга был разработан механизм корпоративного сотрудничества при реализации территориально распределенных экспертных проектов с использованием единой методологической базы и материально-технологиче-

ского обеспечения экспертной деятельности. И, используя в полной мере эти элементы экспертной системы ТПП РФ, каждый из участников холдинга и взаимодействующие с ним экспертные подразделения территориальных торгово-промышленных палат четко выполняли свои функции при реализации таких проектов.

Одним из примеров работы над такими проектами являлась работа по контролю качества продукции тылового назначения, поступающей для удовлетворения нужд российской армии. Этот проект был инициирован Евгением Максимовичем по договоренности с тогдашним министром обороны С.Б. Ивановым.

Это случилось после того, как от военнослужащих некоторых воинских подразделений стали поступать жалобы на недостаточно качественное питание и обмундирование. Для подтверждения или опровержения таких сведений необходимо было использовать механизм независимой экспертизы. В связи с этим Е.М. Примаков в своем обращении к министру обороны в феврале 2006 года предложил использовать для указанных целей возможности экспертной системы ТПП РФ во главе с СОЭКС, опирающейся на нормы действующей правовой базы и направленной на контроль соблюдения технических регламентов и стандартов, определяющих качественные характеристики и безопасность товаров.

Эта инициатива была поддержана, и экспертная система ТПП РФ приступила к выполнению эксперимента по контролю качества некоторых видов пищевых продуктов и вещевого имущества.

В рамках этого эксперимента в 2006 году было проведено около 300 экспертиз продовольствия и вещевого имущества на базах и складах Минобороны России. Результаты экспертизы были обескураживающими. Около половины продовольствия от общего количества проверенных партий не соответствовали полностью

или частично требованиям по качеству, указанным в контрактах поставки и в нормативно-технической документации. По вещевому имуществу некачественная продукция составляла около четверти от числа проверенных партий.

Кроме того, в 2006 году стали достоянием гласности факты массового заболевания курсантов одной из военных академий в связи с потреблением некачественного продовольствия. Эти факты не могли пройти мимо внимания руководства Минобороны РФ со всеми

вытекающими последствиями. Состоялись громкие отставки должностных лиц, и были приняты решения, связанные с совершенствованием системы закупок продукции для Вооруженных сил и усилением контроля качества этой продукции.

Учитывая эффективность независимой экспертизы, проявившейся в том числе в работах по контролю качества продукции тылового назначения, поступающей для нужд российской армии, в сентябре 2006 года Е.М. Примаков обратился с предложением к президенту Российской Федерации В.В. Путину о необходимости усиления внимания государственных заказчиков к вопросу формирования и реализации государственного заказа и контролю качества поставляемой продукции в соответствии с нормами Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд». По мнению Евгения Максимовича, экспертная система ТПП РФ могла бы оказать продуктивное содействие решению этой проблемы.

Данные предложения также были поддержаны, и соответствующие указания были даны председателю правительства Российской Федерации, министрам обороны и финансов РФ. Началась реализация ряда масштабных проектов по экспертному сопровождению государственных закупок.

Так, Министерство обороны РФ приняло решение о проведении в 2007 году масштабных работ, связанных с контролем качества продукции тылового назначения и привлечением независимых экспертных организаций. Был объявлен соответствующий тендер на оказание экспертных услуг, победителем которого стала СОЭКС. По результатам тендера был заключен соответствующий государственный контракт.

Начало реализации этого контракта потребовало проведения многих подготовительных работ, связан-

ных с созданием методических документов, которые должны были обеспечить понятный механизм взаимоотношений различных звеньев экспертной системы ТПП РФ и соответствующих тыловых служб Минобороны РФ как в Москве, так и регионах страны. Предстояло укрепить материально-техническое состояние лабораторной составляющей экспертной деятельности, включая создание новых лабораторий в регионах, обеспечить оценку кадрового потенциала экспертов, которых планировалось привлечь к исполнению контракта, и повышение их квалификации. Необходимо было разработать оптимальную логистическую схему по доставке образцов и проб продукции в соответствующие лаборатории, пополнить базу данных дополнительной нормативно-технической документацией (стандартами, техническими условиями и другими). И подготовительная работа, и ход исполнения контракта находились под постоянным вниманием и контролем Евгения Максимовича. В случае необходимости он принимал оперативные решения, оказывающие существенное влияние на повышение эффективности всего комплекса работ при исполнении контракта.

Привлечение независимой экспертизы к контролю качества продукции тылового назначения Минобороны осуществляло в 2008 году и в последующие годы. Силами экспертного сообщества ТПП РФ только за два года было осуществлено более 10 тысяч экспертиз по контролю качества партий продуктов питания и обмундирования, проведенных на базах и складах практически всех военных округов и флотов. В этой работе приняли участие эксперты более 50 организаций договорного холдинга СОЭКС и экспертных подразделений территориальных торгово-промышленных палат во многих субъектах Российской Федерации.

Естественно, массированная проверка качества продукции тылового назначения для нужд российской армии не могла не сказаться и на отношении поставщи-

ков этой продукции. Они стали внимательнее осуществлять собственный контроль качества выпускаемой продукции. И это привело к значительным положительным результатам, свидетельствующим и о правильном решении Минобороны РФ, и об эффективности независимой экспертизы. Участие независимых экспертов в процедурах приемки стало решающим фактором снижения объемов некачественной продукции. В сравнении с 2006 годом такое снижение составило за два последующих года по разным товарным группам от 3 до 6 раз.

В 2009 году и в последующие годы примеру Минобороны России последовали и другие ведомства силового блока (МВД России, УФСИН, МЧС России, Рособоронзаказ). Не остались в стороне и другие государственные заказчики, а также соответствующие государственные корпорации и естественные монополии. Многие из них привлекли в установленном порядке к работе по контролю качества заказываемой или выпускаемой продукции организации экспертной системы ТПП РФ.

Проанализировав накопленный за несколько лет опыт по экспертному сопровождению госзаказа, а также трудности в использовании этого механизма из-за отсутствия полноценного законодательного обеспечения независимой экспертной деятельности, соответствующие подразделения ТПП РФ и ее комитетов, эксперты СОЭКС с участием специалистов Института управления закупками и продажами имени А.Б. Соловьева НИУ ВШЭ разработали предложения для законодателя, касающиеся вопросов активного использования независимой экспертизы в повышении эффективности государственного и муниципальных заказов и предотвращении возможных коррупционных проявлений при их формировании, размещении и исполнении.

Понимая, какие трудности ждут разработчиков этих предложений при их рассмотрении в заинтересованных министерствах, в соответствующих комитетах Государственной Думы, Е.М. Примаков оказывал постоянное содействие продвижению предложений. И эта работа не осталась без результатов, хотя результаты были гораздо скромнее ожиданий.

Сообщение о смерти Евгения Максимовича было для меня, как и для всех, кто с ним работал, глубоким потрясением. И стоя в почетном карауле у гроба Евгения Максимовича в Колонном зале Дома Союзов, я понимал, что с его смертью ушла целая эпоха в жизни нашей страны.

Конечно, смерть всегда несправедлива. Она несправедлива многократно, когда из жизни уходят те, кто тебе дорог, с кем ты работал бок о бок на протяжении значительного отрезка твоей собственной жизни. И за очень многое в своей жизни я благодарен Евгению Максимовичу. Не всё, над чем я и мои коллеги работали, выполняя его рекомендации и указания, было осуществлено при его жизни. Дело нашей чести – завершить его начинания и дела в совершенствовании той сферы деятельности, в которой мы продолжаем работать. Выполнение этой задачи будет нашим сильным вкладом в память об этом выдающемся человеке.

ПАСТУХОВ Борис Николаевич

Старший советник генерального директора
Центра международной торговли, Старший
вице-президент Торгово-промышленной палаты
РФ в 2002–2011 гг.

Шедший напролом

Не часто так бывает, что даже «самого видного», «самого выдающегося» деятеля провожает в последний путь глава государства. Но так было, когда провожали Евгения Максимовича Примакова, – именно президент России В.В. Путин бросил первую горсть земли в могилу Евгения Максимовича на Новодевичьем кладбище. Он произносил свою надгробную речь, шел за гробом после отпевания, а у многих в голове вертелись его слова: «Я учился у Примакова, я учился по его книгам».

В тот день народ шел и шел в Колонный зал, чтобы проститься с Е.М. Примаковым, сказать последнее слово ушедшему из жизни выдающемуся государственному деятелю, одному из самых уважаемых и принципиальных политиков мирового уровня, ученому и практику, сделавшему немало для процветания России и укрепления ее позиций на международной арене.

Да, мы понесли невосполнимую потерю, но жизнь продолжается.

Где бы ни работал Евгений Максимович, он относился к порученному делу как к своему первому, любимому и последнему, отдавая всего себя работе, делу. Он так и не мог сказать, какое поручение было для него лучшим: Служба внешней разведки, Министерство иностранных дел или Торгово-промышленная палата, но всюду он привнес свое, новое, примаковское.

Мне посчастливилось работать с Е.М. Примаковым не один год, и потому я позволю себе поделиться некоторыми воспоминаниями.

Стало расхожей фразой, что он был выдающимся востоковедом. Да, это так, но многие почти не вспоминают его вклад в развитие Содружества Независимых Государств, ликвидацию кровопролитных конфликтов, которые достались нам в наследство от рухнувшего СССР.

Это был смелый политик, который рисковал жизнью, выполняя поручения Родины. Так было на Ближнем Востоке, так было и в Абхазии, Таджикистане, Приднестровье. Его формулы урегулирования, если бы тогда они были приняты сторонами конфликтов, принесли бы мир и благополучие на многострадальную землю (кровопролитный конфликт в Таджикистане нам всё же удалось урегулировать).

О годах его работы на посту президента ТПП РФ также стоит сказать несколько слов.

В декабре 2014 года был подписан президентом и вступил в силу Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации». А ведь далеко не все знают, что первые варианты этого закона были сделаны под руководством Е.М. Примакова в Торгово-промышленной палате еще в 2003 году. Стоит упомянуть и исключительно полезное функционирование в течение почти 15 лет «Меркурий-клуба» – одной из самых успешных дискуссионных площадок России. Записки по итогам некоторых заседаний клуба рассматривались руководством России.

Трудно забыть удивительное чувство юмора и самоиронии, которым обладал Евгений Максимович. Он умел как бы непроизвольно расположить к себе любого спорщика или участника важного совещания.

Свои книги и статьи он писал сам. Его стихам могут позавидовать многие профессионалы.

И еще об одном. Он очень любил петь. Садясь к нему в машину, отправляясь на какое-то важное совещание или переговоры, всегда слышал его мурлыканье себе под нос популярных в свое время мелодий.

Все мы очень дорожим днем 13 января последних лет, когда в Центре международной торговли в рамках заседаний «Меркурий-клуба» выступал с докладом Е.М. Примаков. В докладах подводились итоги прошедшего года и всегда представлялся его взгляд в будущее. А потом было застолье по случаю Старого Но-

вого года и обязательно песня, за которую отвечал Иосиф Давыдович Кобзон. Он подходил с микрофоном в руках к наиболее заметным гостям и хозяевам, и те пели, разумеется, с его участием. Сколько раз мне говорил Примаков: «Скажите вы Кобзону, пусть не насилует меня этим пением. Не хочу, не буду».

И вот наступило 13 января 2015 года. Евгений Максимович уже был болен, плохо говорил, плохо двигался, но пропустить эту дату не мог. Ее не мог пропустить ни один член «Меркурий-клуба». В этот день Примаков как бы попрощался с нами.

Настало время песни. К Примакову подошел Кобзон, и они а капелла исполнили замечательные строчки Ярослава Смолякова:

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям,
Не сочтите, что это в бреду:
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду.

Зал затих. Кобзон уже следовал с микрофоном к другому столику, видимо, считая, что бывший партиец больше одного куплета не знает, а Примаков выразительно продолжал:

Я шагал напролом,
Никогда я не слыл недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых жестоких боях,
Забинтуйте мне голову
Русской лесною дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.

Евгений Максимович, спасибо, что вы были в нашей жизни. Что каждому ученику вы оставили свою «звезду». Вы научили нас работать, работать много и честно, любить свое дело и свою Родину, быть скромными и отзывчивыми людьми.

ШАМАНОВ Владимир Анатольевич

Командующий воздушно-десантными войсками
России с 2009 г.

Нас сплотил праздник ВДВ

С Евгением Максимовичем мы знакомы давно – при разных обстоятельствах пересекались еще до моего назначения на должность командующего воздушно-десантными войсками России. А уже теплое товарищеское общение между нами установилось в 2009 году. Можно сказать, что нас сплотил праздник всех служащих и ветеранов воздушно-десантных войск, День улицы Ильинки и пророка Божия Илии – Ильин день. Евгений Максимович тогда возглавлял Торгово-промышленную палату, и мы активно взаимодействовали во время подготовки к ежегодному празднованию 2 августа. Проводя мероприятия оргкомитета, мы и познакомились более тесно. Поворотным моментом тогда стала встреча, в которой также принял участие его заместитель – бывший заместитель министра внутренних дел и мой давний товарищ Владимир Петрович Страшко, с которым я выполнял задачи, будучи командующим группировкой Министерства обороны в Чеченской Республике, а он на тот момент был заместителем полномочного представителя президента РФ в Чеченской Республике,

представляя интересы нашего правительства в Грозном. Также на встрече был возглавлявший на то время Союз десантников России генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов. Чуть позже к нашему совещанию подключился настоятель храма на Ильинке отец Андрей. И с этого момента наше взаимодействие перестало ограничиваться только вопросами подготовки и празднования 2 августа на Ильинке и Красной площади, и мы находили возможности пообщаться и по другим поводам.

Мы все благодарны Евгению Максимовичу Примакову за то, что вместе с Александром Петровичем Колмаковым и во взаимодействии с тогдашним мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым ему удалось убедить руководство страны в необходимости переломить стереотип относительно десантников. Ведь еще с советских времен возникал образ лихого рубахи-парня десантника, ныряющего в фонтаны 2 августа. И в зависимости от настроения в обществе эта интерпретация доходила от хвалебной или сострадающей до откровенно ругательной. И командование, Военный совет войск всегда искали способы взаимодействия как с федеральными, так и региональными – в частности, московскими – структурами и гарнизонами, чтобы как-то отойти от этого стереотипа. Были попытки взять под контроль празднование Ильина дня офицерами полиции и военнослужащими, в том числе спецназа, которые проходили службу по призыву в десантных войсках. Но все они в той или иной мере наткнулись на различные препятствия и не решали проблемы. И предварительная работа, проведенная Георгием Ивановичем Шпаком, а в последующем продолженная Александром Петровичем Колмаковым, привела к тому, что было найдено альтернативное решение – о проведении целого комплекса праздничных мероприятий с привлечением Русской православной церкви. Главные торжества должны были проходить в Москве,

в районе Лобного места, на Васильевском спуске. И это была непростая задача, ведь решение по этому вопросу могло принять только первое лицо государства. Но, опираясь на авторитет и понимание Евгения Максимовича, тогда удалось в прямом смысле преодолеть Кремлевскую стену.

И Евгений Максимович, за исключением, наверное, последних лет, когда состояние здоровья ему уже не позволяло, всегда активно принимал участие в праздничных мероприятиях Ильина дня. Даже когда ему уже очень сильно нездоровилось, он находил в себе мужество и силы и всегда приходил на торжественный концерт в Торгово-промышленной палате, что вызвало у нас искреннее восхищение и признательность.

Его присутствие, конечно, придавало особый колорит этому мероприятию, которое подводило итог всем праздничным событиям – крестному ходу, концерту

на Васильевском спуске. В его программе была и церемония награждения, и подведение итогов года, тем более что все эти годы происходили в достаточно непростое для России время. А войска всегда, как говорится, на виду.

В 2015 году мы отметили 85-летие наших войск. И то, что нам оказали доверие и разрешили провести мероприятие в Кремлевском дворце, можно считать высокой оценкой заслуг всех поколений десантников, того, что делалось и делается ВДВ во имя и во благо безопасности нашего государства. Торжественные мероприятия мы просто не могли не посвятить памяти Евгения Максимовича – человека, который своим авторитетом словно окаймлял наше десантное братство. Именно благодаря ему сегодня Ильин день стал праздником, поддерживающим хорошие традиции, в кото-

ром принимают участие многие десантники и члены их семей. День ВДВ приобрел духовность, стал запоминающимся. И мы надеемся, что это будет продолжаться в последующие годы: крестный ход по улице Ильинка, в котором также участвуют и прихожане храма пророка Илии, и жители города; концерт на Васильевском спуске, в котором традиционно выступают коллективы воздушно-десантных войск и такие известные артисты, как Александр Маршал, Олег Газманов, группа «Любэ» и другие коллективы, которые посвящают свое творчество военно-патриотической теме.

Я благодарен Евгению Максимовичу еще и за то, что он ввел меня в узкий круг интеллектуалов, его коллег, занимавшихся вопросами международной деятельности. Это и бывший министр иностранных дел Игорь Сергеевич Иванов, и ряд других его коллег по цеху во внешней разведке.

К сожалению, по-настоящему тесные и доверительные отношения между нами не успели сложиться в силу разных обстоятельств – и не потому, что он или я этого не хотели, а просто ни у меня, ни у него не было возможности. Но совершенно точно я могу сказать, что Евгений Максимович – человек поистине планетарного масштаба. Люди из этого яркого ряда, как он, – такие, как Сергей Владимирович Михалков, Мстислав Леопольдович Ростропович, Святослав Николаевич Федоров, – это люди особой категории. Их объединяет то, что при их внешней простоте и публичной скромности они аккумулируют в себе абсолютно уникальные качества, которые у них проявляются и с профессиональной точки зрения, и в личном общении. Это умение емко и понятно высказать двумя-тремя фразами то, о чем другие могут часами путано рассказывать, так и не сумев донести суть. И, конечно же, меня всегда поражала его острота ума, высочайший интеллект и интеллигентность.

ПЕТРОВ Георгий Георгиевич

Вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ в 2002–2016 гг., советник президента ТПП РФ с 2016 г.

Ледокол

Случилось так, что в мае 1998 года меня пригласили на работу в МИД России. Вскоре после этого Евгения Максимовича назначили председателем правительства страны, и в министерстве мне с ним поработать не довелось. В ноябре 2001 года Евгений Максимович был избран президентом Торгово-промышленной палаты России, и в канун нового 2002 года (я в то время возглавлял департамент экономического сотрудничества МИД) он, совершенно неожиданно для меня, позвонил и попросил приехать к нему в ТПП. Скажу откровенно, по дороге в палату я рассуждал, что работа в этой организации – дело для Евгения Максимовича абсолютно новое, и пытался представить, как МИД может помочь ему на этом участке работы.

Однако, вопреки моим ожиданиям, он начал беседу со мной с предложения стать его заместителем по международным делам палаты, сказав, что основная моя задача будет состоять в укреплении ее авторитета за рубежом и расширении внешних связей.

– Даю вам карт-бланш в этой области, – сказал он.

«Высокопоставленные дипломаты многих иностранных держав добивались в то время аудиенции у Евгения Максимовича и высоко ценили высказанные им мнения и информацию, которой он делился с ними»

Честно говоря, для меня это предложение было абсолютно неожиданным. Я ответил в том смысле, что по принятым в МИД и хорошо известным ему, как бывшему министру иностранных дел России, нормам служебной этики и дисциплины не имею права без разрешения своего начальства обсуждать с ним такие вопросы.

– А кто у вас начальник? –

Спросил он и сам же ответил, – Игорь Сергеевич Иванов.

Евгений Максимович тут же позвонил Игорю Сергеевичу и сказал: «Я забираю у вас Петрова и обещаю, что больше никого переманивать не буду».

Так началась моя работа в ТПП. Случались в ней счастливые дни, когда удавалось общаться с Евгением Максимовичем, но были и несчастливые – когда не удавалось с ним повидаться в силу его занятости. Конечно, работать с ним было нелегко, но необычайно интересно.

Должен сказать, у меня была непростая миссия. Понятно, что к такому человеку, как Евгений Максимович, какую бы должность он ни занимал, где, на каком поприще ни работал, тут же выстраивалась очередь из послов, аккредитованных в Москве. Мне приходилось докладывать ему об их просьбах найти в его напряженном графике время для встреч с ними. Всякий раз он ворчал на меня, по-отечески и чуть иронично приговаривая: «Не превращайте меня в Министерство иностранных дел». Скажу откровенно – даже тогдашний посол США в России Александр Вершбоу, которого Евгений Максимович при встречах не стеснялся отчитывать, ходил к нему, как на Голгофу, терпел его критические замечания и снова просился на прием. Высо-

копоставленные дипломаты многих иностранных держав добивались в то время аудиенции у Евгения Максимовича и высоко ценили высказанные им мнения и информацию, которой он делился с ними.

Никогда не забуду о его регулярных – сначала неформальных, а потом проводившихся в рамках специально учрежденной для этого группы – встречах с Генри Киссинджером, как не забуду и его встреч с экс-канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. Их последняя беседа, состоявшаяся лет шесть назад, касалась судеб Греции и Евросоюза в целом, а также вопросов энергетического сотрудничества России с ЕС. В частности, обсуждался вариант поставок энергоносителей, известный ныне как проект «Южный поток». Поразительно, что эти два человека, не занимавшие в то время высоких государственных постов, уже тогда, шесть лет назад, предвидели то, что происходит сегодня.

Евгений Максимович отработал в Торгово-промышленной палате десять лет, с 2001 по 2011 годы. Потом, до последних дней жизни, он продолжал возглавлять «Меркурий-клуб», на заседаниях которого обсуждались актуальные проблемы международных связей страны и с трибуны которого он выступал с интереснейшими докладами и анализом ситуации как внутри России, так и за рубежом. Он ушел из жизни накануне последнего заседания клуба, которое он полностью подготовил. Для нас, работников ТПП России, вся его деятельность на посту президента палаты и председателя «Меркурий-клуба» была не просто поучительна, но представляла собой высшую школу как в плане профессионального совершенствования, так и умения служить Родине. И нам безмерно жаль, что эта школа больше не откроет своих дверей.

Сейчас очень многие делятся в СМИ воспоминаниями о Евгении Максимовиче, и нет такого издания, газеты, где бы их ни публиковали. Обидно, однако, что даже его близкие друзья-тбилисцы утверждают,

«Более того, он отказался от заработной платы, установленной в ТПП, а ведь она была существенно выше депутатской. В этих вопросах, включая авторские гонорары, он был честен и необычайно щепетилен»

что, дескать, после Службы внешней разведки, МИД и правительства России Е.М. Примаков возглавил синекуру – Торгово-промышленную палату. Но Евгений Максимович никогда синекурных должностей не занимал. Действительно, будучи избранным на пост президента ТПП России, он какое-то время (до 2002 года) оставался депутатом Государственной Думы и получал

там заработную плату в размере 15000 рублей. Тогда многие получали зарплату в конвертах, он – никогда, я это знаю. Более того, он отказался от заработной платы, установленной в ТПП, а ведь она была существенно выше депутатской. В этих вопросах, включая авторские гонорары, он был честен и необычайно щепетилен.

Горечь утраты очень остра, но мы сегодня говорим о нем еще и для того, чтобы память об этом великом многогранном человеке запечатлелась в истории. Отмечая многогранность различных качествах натуры Евгения Максимовича, Анатолий Васильевич Торкунов справедливо отметил чувство юмора, ироничность, включая и самоиронию. Действительно, у Евгения Максимовича было много должностей, но он всегда любил подчеркивать, что он академик. Когда М.С. Горбачев в 1991 году назначал его директором Первого главного управления Комитета госбезопасности, был подготовлен проект указа о присвоении Е.М. Примакову звания генерал-полковника. Евгений Максимович просил этого не делать по двум причинам: во-первых, чтобы дослужиться просто до полковника, его будущим сослуживцам приходится, как он выразился, «много лет на пузе ползать, а я сразу приду генерал-полков-

ником»; во-вторых, заявил он, «не хочу, чтобы забывали о том, что я академик». Приехав домой, Евгений Максимович рассказал об этом эпизоде своей супруге Ирине Борисовне, которая – видимо, ирония была у них семейным качеством – очень своеобразно отреагировала: «Вот если бы тебе предложили адмирала, ты бы точно не отказался».

Много приходилось бывать с Евгением Максимовичем в самых разных странах. В Китае его принимали на высшем уровне и всегда относились к нему с большим уважением. Его уважали там, в частности, и за то, что в 1989 году ему удалось отговорить М.С. Горбачева от посещения площади Тяньаньмэнь. Думаю, что сегодня с Китаем у нас не было бы таких тесных отношений, не уреди Примаков Горбачева воздержаться от этого поступка. У китайцев, кстати, с памятью всё хорошо. Институт стратегических исследований КНР – есть у них такое учреждение, в котором работают члены Политбюро, отставные генералы, министры правительства, – периодически приглашал Евгения Максимовича выступить с лекциями. В очередной его приезд китайцы подготовили для него прекрасную программу и говорят: «Товарищ Примаков, скажите, а с кем бы вы хотели у нас встретиться?» Мы, сопровождавшие его, думали, что он скажет – с председателем КНР Ху Цзиньтао или, в крайнем случае, с министром иностранных дел Китая. Но Евгений Максимович говорит: «Я хотел бы встретиться с товарищем Цзян Цзэминем», – а тот к тому времени уже никаких должностей не занимал и находился в Шанхае в «золотой клетке». Его контакты с внешним и не только с внешним миром не допускались. Я посмотрел на китайцев, их лица вытянулись. Они растерялись и спрашивают: «Товарищ Примаков, а почему с Цзян Цзэминем?» Вот тут нужно быть Примаковым, который понимал, как много значат числа в жизни китайцев. Он сказал: «Знаете, на последней моей встрече с товарищем Цзян

«На наш взгляд, его именем было бы хорошо назвать не только улицу в Москве, но и ледокол, потому что он был настоящим ледоколом как в политике, так и в экономике»

Цзэминем он сказал, что это наша восьмая встреча; у вас счастливая цифра – восемь, а у нас в России – девять, поэтому я хотел бы с ним встретиться в девятый раз». Китайцы отбежали, куда-то позвонили, посоветовались, пришли через десять минут и говорят: «Евгений Максимович, Цзян Цзэминь ждет вас в Шанхае». Вот таким

был Евгений Максимович Примаков.

На наш взгляд, его именем было бы хорошо назвать не только улицу в Москве, но и ледокол, потому что он был настоящим ледоколом как в политике, так и в экономике. Он всегда напоминал, что является доктором экономических наук. И действительно, одна из заслуг Евгения Максимовича Примакова состоит в том, что он не позволил столкнуть Россию в пропасть.

В Старый Новый год, 13 января, все члены «Меркурий-клуба» собирались вместе, и Евгений Максимович выступал с докладом. И в последний раз, 13 января 2015 года, он сделал блестящий доклад. Доклад этот – по существу, политическое завещание Е.М. Примакова, имеющее большее значение для современной России.

И в заключение еще один факт о Евгении Максимовиче. В 2006 году вышла в свет Большая российская энциклопедия. Это 62 тома. С точки зрения полиграфии, блестящее издание: великолепные иллюстрации, сафьян, золото, всё это там присутствует. Издание, если не ошибаюсь, выпущено под редакцией Президиума Российской академии наук. Открываю 39-й том, как раз на букву «П». Там, естественно, напечатана биография Евгения Максимовича Примакова. В ней приводятся известные сведения: когда и где родился, где учился, какие должности занимал. Однако далее сообщается, что с 1989 по 1990 г. Евгений Максимович

Примаков возглавлял «палату Союза Вооруженных Сил СССР». Как видно, молодежь не знает, что ВС – это не только Вооруженные силы, но еще и Верховный Совет. Вот, наверное, девочка, которая получила биографию из Интернета, превратила Совет Союза Верховного Совета в то, что теперь написано в энциклопедии. Я, естественно, не преминул показать эту «замечательную» статью Евгению Максимовичу. Он посмотрел и сказал: «Ну, слава богу, что только о вооруженных силах написали».

ТИТОВ Борис Юрьевич

Уполномоченный при президенте России
по защите прав предпринимателей

Теоретик экономического роста

Всем известно, какое наследие оставил Евгений Максимович. А я очень хорошо знаю, какое наследие он оставил в среде предпринимательской. С ней он очень активно общался, будучи председателем правительства, и не всегда это было такое, скажем, позитивное общение. Но когда он был избран руководителем Торгово-промышленной палаты, мы, предприниматели, поначалу не очень поверили, что это может быть эффективное и активное управление бизнес-средой. Но получилось совершенно по-другому. Когда он уходил из Торгово-промышленной палаты, то я думаю, ни один из предпринимателей – крупных, средних и малых – не мог сказать, что он не уважает Евгения Максимовича. Он настолько быстро разобрался во всех проблемах, настолько четко сформулировал позицию ТПП по развитию предпринимательства, развитию бизнеса, что в очень короткие сроки стал и для них большим авторитетом.

Лично я ему очень благодарен. Многие знают, что он сам себя создавал – выбрал путь арабиста, не избрал для себя пути китаиста, – но вот меня он направил как

«Мы сегодня говорим о том, что Евгений Максимович очень многое сделал для того, чтобы обеспечить суверенитет страны – прежде всего политический»

раз в Китай. Он предложил мне роль руководителя Российско-китайского делового совета. А еще более благодарен ему за то, что, когда меня назначили председателем Комитета мира, дружбы и развития, он согласился на то, чтобы тоже остаться в комитете и руководить Советом мудрецов. У нас был с ним очень такой

теплый разговор на эту тему, и он сказал: «Конечно, у меня много должностей. Понимаете, я не хочу просто отсиживать на очередном месте, быть свадебным генералом, но я согласен, потому что это очень важное направление». Потом мы с ним говорили, и он очень много нам помог.

И еще одно, в чем он меня серьезно сориентировал, направил, можно сказать, – это, конечно, наши вопросы и наши отношения к экономической ситуации, макроэкономике. У нас, предпринимателей, всегда очень узкий взгляд на многие вещи. Когда мы впервые разговаривали с Евгением Максимовичем после его назначения в ТПП, он сказал, что «надо смотреть шире, надо смотреть на всю экономику в целом, и не замыкаться». После этого, собственно, «Деловая Россия», которую я тогда возглавлял, начала писать доклады президенту. Первый из них в 2005 году назывался «Политика роста». Евгений Максимович читал все доклады и давал мне свои заключения, всегда мне говорил, что ему понравилось, что не понравилось. Мы сегодня говорим о том, что Евгений Максимович очень многое сделал для того, чтобы обеспечить суверенитет страны – прежде всего политический. Но наш очередной – по моему, пятый – доклад, который назывался «Суверенная экономика», ему очень не понравился. Впервые я видел, как Евгений Максимович на меня сердится, по-

тому что мы взяли такой политический тренд и начали вводить его в наши экономические взгляды. И это тоже было для меня ценным опытом.

Он прочитал мой первый доклад как уполномоченного по защите прав предпринимателей. Я представил ему доклад еще до того, как его подписал и направил президенту. Евгений Максимович на многое обратил мое внимание, показал, что нужно было исправить, и я ему за это благодарен.

Сегодня очень сложный период для нашей экономики. Меняется внешняя и внутренняя среда. Мы

должны говорить о смене экономической модели развития. По существу, Евгений Максимович дал нам основу наших взглядов, и наши взгляды сегодня – это взгляды Евгения Максимовича. Это те взгляды, которые действительно могут сделать нашу экономику опять эффективной, развивающейся и растущей.

Только недавно мы опубликовали предварительные результаты нашей работы – не готовый вариант, но уже вызвавший очень большую критику либеральной экономической мысли. (Хотя я не хотел бы называть эту мысль либеральной; вот мы – либеральная мысль, а та мысль не совсем либеральная, по нашему мнению.) Мы пытаемся найти решение и предложить его обществу на базе тех идей, которые были получены от Ев-

гения Максимовича. Наша работа называется «Экономика роста», в ближайшее время мы будем представлять ее обществу. Главная мысль: вся экономическая политика России должна быть направлена на рост, который должен быть реализован в результате активной экономической политики государства. Такой политики, которая обеспечила бы необходимые ресурсы для того, чтобы росла промышленность, происходила модернизация экономики, притекали инвестиции, развивался малый и средний бизнес и, конечно же, чтобы была эффективной и социальная сфера. Поэтому мы продолжаем дело Евгения Максимовича. Конечно, очень жаль, что сегодня у нас нет возможности сверить с ним наши мысли, но мы надеемся, что мы достаточно подготовлены для того, чтобы делать эту работу и дальше. У России, и об этом всегда говорил Евгений Максимович, есть возможность быть эффективной и современной промышленной страной.

«По существу, Евгений Максимович дал нам основу наших взглядов, и наши взгляды сегодня – это взгляды Евгения Максимовича. Это те взгляды, которые действительно могут сделать нашу экономику опять эффективной, развивающейся и растущей»

ГОРЕЛОВСКИЙ Иван Иванович

Советник президента Торгово-промышленной палаты РФ

Талантлив во всём

С Евгением Максимовичем Примаковым мы были знакомы более 30 лет. За годы нашего общения мне посчастливилось близко узнать этого удивительного человека, меня не раз восхищали его эрудиция, энциклопедические знания и многогранность всех его талантов.

В Евгении Максимовиче привлекала его необыкновенная простота и доступность в общении с ним. Своим легким прищуром пронизательных глаз, неповторимой обаятельной улыбкой, умением слушать Евгений Максимович легко устанавливал контакт с любым собеседником.

Мое знакомство с Евгением Максимовичем состоялось на дне рождения нашего общего друга Валерия Алексеевича Кузнецова.

Тогда я впервые узнал, что Евгений Максимович влюблен в Грузию, ценит культуру и уважает вековые традиции грузинского народа. Евгений Максимович оказался непревзойденным тамадой. Тогда я по достоинству оценил его умение вести застольный праздник, был восхищен его манерой произносить тосты. Мне, как и всем присутствующим, доставляло огромное удовольствие слушать разные случаи из его необычно-

венной жизни. Поражала его память, уникальная способность воспроизводить нужную информацию.

Евгений Максимович обладал удивительно живым даром рассказчика. Он находил слова, которые емко и точно характеризовали достоинства каждого из гостей. По-новому становились видны деловые и личные качества присутствующих.

Впоследствии я узнал, что Евгения Максимовича и Валерия Алексеевича связывала многолетняя, братская дружба. Их отношения базировались на доверии, уважительном отношении и полном взаимопонимании.

Меня восхищало в Евгении Максимовиче то, что он никогда не оставался безучастным и равнодушным к проблемам и бедам своих друзей и коллег.

Так случилось, что в 1998 году в мою семью пришло большое горе. Очень серьезно заболела моя любимая жена Наталья Тихоновна. Средств на то, чтобы пройти полный и самый эффективный курс лечения в Германии в полном объеме, у меня не было.

Евгений Максимович, сам переживший боль утраты родных и дорогих людей, с пониманием, заботой и участием воспринял мою боль и беду. Евгений Максимович в эти трудные, черные для меня дни не только постоянно поддерживал меня морально, но сумел оказать материальную помощь, найдя необходимые средства на лечение моей дорогой безвременно ушедшей жены.

Складывалось так, что много раз, в самые тяжелые минуты моей жизни он оказывался рядом и всегда был готов прийти на помощь.

Как говорится в поговорке: «Если человек талантлив, он талантлив во всём». Евгений Максимович помимо таких человеческих качеств, как сострадание, душевная теплота, доброта, искренность, отличался большой требовательностью и ответственностью к работе, которую выполнял сам. Этого же он требовал и от других.

Благодаря удивительной интуиции и прозорливости Евгений Максимович очень неожиданно и грамотно решал вопросы подбора и расстановки кадров. Его кадровые решения всегда оказывались самыми эффективными, плодотворными и полезными для дела.

Часто мне и моим коллегам приходилось присутствовать на деловых заседаниях и совещаниях, которые проходили при непосредственном участии Евгения Максимовича. Именно весомость его присутствия, личный сплав ума и таланта, масштаб его личности и деловых качеств создавали особенную атмосферу при проведении этих мероприятий.

Неоднократно во время заседаний в ТПП участникам казалось, что Евгений Максимович не слушает выступающих. За расслабленную позу, отсутствующий вид, слегка прикрытые глаза Евгения Максимовича часто называли «спящим львом». Однако «лев» не дремал.

Окружающие всегда поражались, какой молниеносной была реакция Евгения Максимовича на то или иное выступление, его способность аргументированно дать отпор или позитивную оценку докладчику.

Я убежден, что потребуются многие годы, чтобы приблизиться к пониманию личности Евгения Максимовича. Человек вселенского масштаба, истинный патриот и гражданин, гениальный ученый, мудрый политик, любящий семьянин, надежный и верный товарищ. Все, кто хоть раз соприкасался с ним, безусловно, испытывали на себе всю силу его обаяния. Особенно это было заметно при его общении с детьми. Ведь маленьких людей невозможно обмануть! Они принимают или не принимают сердцем. И для моих внучек всегда был праздник, когда Евгений Максимович приезжал в гости. Они всегда старались занять место рядом с ним. Дорогого Евгения Максимовича они любили всем сердцем.

Евгений Максимович был из тех людей, для которых дружба, товарищеские отношения имеют максимальную ценность. Всегда готовый к общению с близкими, потрясающий рассказчик, душа компании, оптимист,

обязательно расскажет свежий анекдот. К примеру, любил говорить в компании: «Единственный способ сохранить здоровье – есть то, что не любишь, пить то, что не нравится, и делать то, чего не хочется делать».

И еще об одной жизненно важной стороне деятельности Евгения Максимовича мне хотелось бы рассказать. О здравоохранении. Безусловно, самым дорогим, близким и любимым врачом для Евгения Максимовича была замечательная супруга – Ирина Борисовна. Медицина для нее является и профессией, и призванием. Профессионал с большой буквы. Отзывчивая, чуткая, мудрая.

Отдельно хочу остановиться на двух памятных и очень важных заседаниях гостиной «Меркурий-клуба». «Меркурий-клуб» – одно из любимых детищ Евгения Максимовича. Каждое заседание превращалось в живое обсуждение поставленных задач. Евгений Максимович приглашал и в качестве основных участников, и в качестве гостей очень интересных людей, профессионалов, неординарных личностей.

Одно из них состоялось 20 апреля 2014 года и было посвящено совершенствованию нейрохирургии и легендарному Институту нейрохирургии имени Бурденко. Глубоко запомнились слова Евгения Максимовича: «Есть выдающиеся коллективы, их нужно поддерживать вдвойне <...> это наша гордость, это наша заслуга – коллектив, которым руководит академик Александр Николаевич Коновалов».

По инициативе Евгения Максимовича 23 апреля 2015 года на заседании гостиной «Меркурий-клуба» снова была рассмотрена тема здравоохранения. Обсуждались три основных вопроса: 1) как отражается современная реформа в медицине на положении населения; 2) каково соотношение между государственной и частной медициной; 3) корректировка работы медицинских учреждений на страховой основе. Активное обсуждение темы заседания позволило рассмотреть вопросы финансирования здравоохранения в стране, были опре-

делены источники и резервы, проанализировано состояние медицины в сельской местности. Отдельно указывалось на необходимость наращивания сельской медицинской инфраструктуры, обсуждались планы по введению в стране 850 федерально-акушерских пунктов и созданию межмуниципальных центров. Указывалось на достижения в области высокотехнологичной системы оказания медицинской помощи. В Москве рост в этом направлении составил около 40 процентов. Отдельно подчеркивались личный вклад и успехи директора Научно-практического центра интервенционной кардиоангиологии профессора Давида Георгиевича Иоселиани. На заседании в выступлении Вячеслава Ивановича Трубникова прозвучало предложение обсудить вопрос о здравоохранении как о приоритете развития России на Совете безопасности. Григорий Алексеевич Рапота отметил важность развития медицинской инфраструктуры, особенно в малонаселенных пунктах.

Кто хоть раз общался с Евгением Максимовичем Примаковым, безусловно, оставался под гипнозом этой незаурядной личности. Для всех нас он был символом целеустремленности, силы, остроты ума и трудолюбия. Он демонстрировал верность жизненным принципам вне зависимости от складывающейся конъюнктуры.

Говорят, ни на одних часах не найдешь стрелку, указывающую, как надо жить. Счастливое исключение – Евгений Максимович, который был камертоном в оценке жизненной ситуации. Его мудрым жизненным принципом были слова: «Не грех пасть под ударом судьбы, грех не подняться». Всё, что им достигнуто, сделано человеком с сильной волей, мужественным сердцем и, безусловно, чистой совестью.

В заключение хочу сказать, что я горжусь тем, что лично знал и работал под руководством этого удивительного человека. Евгений Максимович был для меня учителем, наставником и другом. Всегда с теплом, любовью и благодарностью вспоминаю всё, что Евгений Максимович сделал для меня и моей семьи.

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич

Заместитель председателя «Внешэкономбанка»

Опыт Примакова и будущее России

Для каждого из нас встреча и общение с Евгением Максимовичем – это событие, которое много изменило в нашей жизни, а главное – его служение, его работа изменила очень многое в жизни России. Достаточно вспомнить его антикризисную программу 1998 года. Но это была не просто стабилизация экономики – это во многом действительно переломный момент в современной истории России, когда раскол, который был не только в экономике, но и в обществе, удалось преодолеть. И то, что мы живем в нынешней России, – это происходит именно благодаря тому, что произошло тогда, в 1998 году.

Сейчас мы опять подходим к очередному переломному моменту. И дело не столько в том, что ВВП снова упал, сколько в том, что в 2015 году – как и в 1998–1999 годах – Россия столкнулась и с внутренними, и с геополитическими, внешними вызовами, которые снова требуют новых решений и такого же нарушения правил, на которое пошло правительство Евгения Максимовича в денежной и в бюджетной политике. Дело,

наверное, даже не в традиционных экономических инструментах, а в том, что фактически есть ценности, которые действительно значат больше, чем экономика. Нравственность и власть, их соединение помогли преодолеть экономические и социальные проблемы, которые были в 1998 году. И хочется надеяться, что соединение нравственности и политики поможет решить те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас и столкнемся, видимо, в ближайшее время. Это соединение – или, перифразируя Александра Невского, не сила, а правда – позволят сохранить Россию, дать ей новые силы для развития.

Предпоследняя книга Евгения Максимовича называлась «Россия. Надежды и тревоги». Тревог у нас сей-

час много. Тот внутренний раскол и те раны, которые тянутся – что-то еще вообще из 1917 года, что-то из 1991 и 1998 годов, – могут начать опять кровоточить. И нам придется уже без Евгения Максимовича, но опираясь на его идеи, на его любовь к России, найти решения, которые помогли бы преодолеть эти тревоги. И тогда оправдались бы наши надежды, наступило бы подлинное возрождение, исцеление. У нас нет права опять допустить тот раскол общества, который, по сути дела, погубил в каком-то смысле Россию в 1917 году, когда конфликт в элитах привел к тому, что распалась страна и мы погрузились в гражданскую войну. Раскол 1991 года тоже привел практически к восьми-девяти годам очень тяжелых испытаний. Сейчас тоже есть проблемы. Они другие, история не повторяется, но наша обязанность – внимать урокам Евгения Максимовича, принимать и реализовывать такие решения, которые он одобрил бы и был бы спокоен за судьбу России.

ЯКУТИН Юрий Васильевич

Научный руководитель издательского дома
«Экономическая газета»

Всегда в теме

В 2015 году Евгений Максимович прислал мне свою последнюю книгу «Россия. Надежды и тревоги» и сопроводил ее таким текстом:

Уважаемый Юрий Васильевич!
Посылаю Вам мою новую книгу.
Буду рад любым замечаниям.
Ваш Е. Примаков.

Наша страна отмечала 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, и мы хотели издать по этому случаю трехтомник, посвященный вопросам военной экономики. Разделили его по срокам выхода так: первый том выпустили к 9 мая, второй – к концу мая, а последний – к 24 июня, дате, когда проходил Парад Победы в 1945 году. Работы накануне выхода трехтомника полно, а предложение от Евгения Максимовича пришло перед майскими праздниками. Я пообещал, что обязательно сделаю рецензию.

Мы сдали последний том, должны были ехать на Прохорово поле, и я собирался после этого сесть за работу над рецензией.

А 26 июня пришло сообщение, что на 86-м году жизни скончался Евгений Максимович Примаков. И получилось так, что обещание свое я не сдержал. Но я себе сказал, что обязательно выполню его и буду использовать любую возможность, чтобы высказать свое мнение о книге.

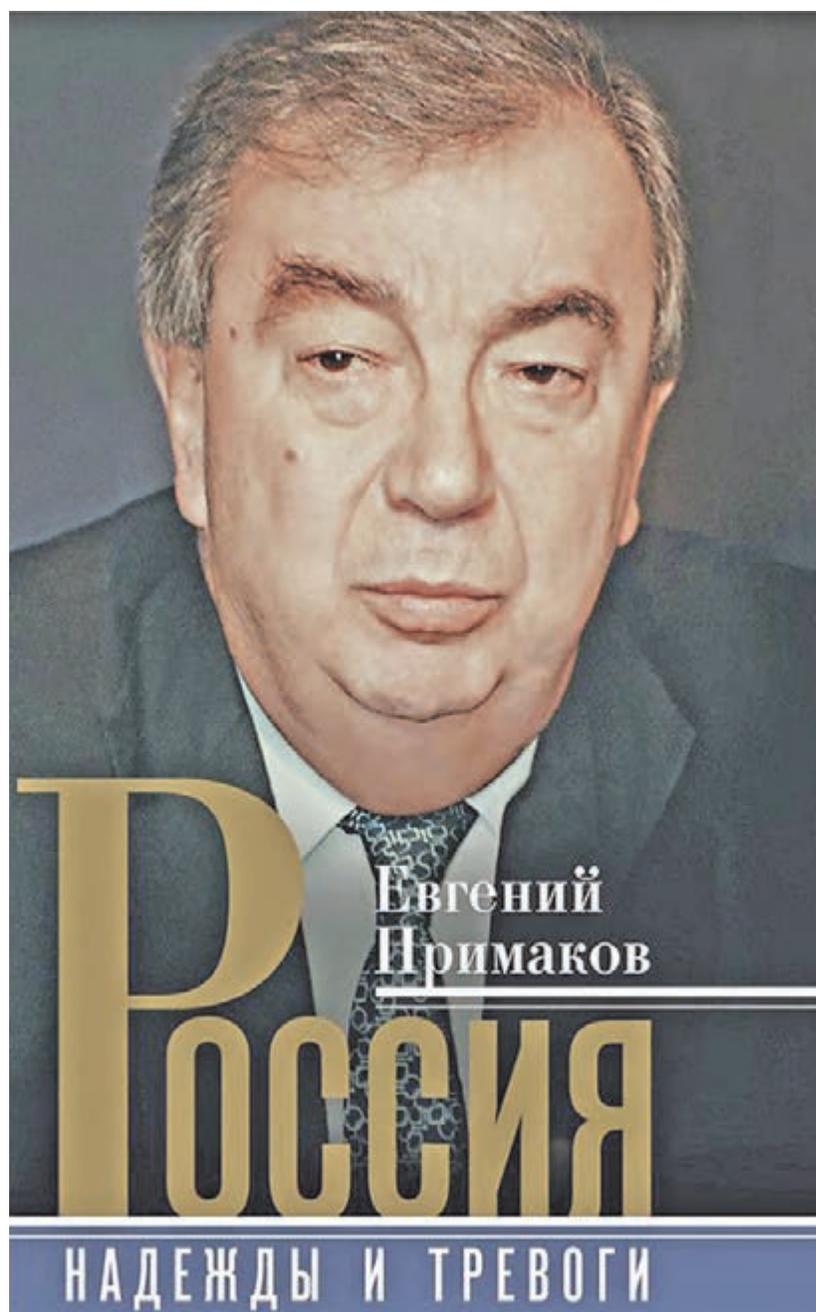
Но одно дело – рецензировать книгу при жизни человека, а другое – когда он от нас ушел и его труд воспринимается уже как завещание. Когда смотришь под этим углом зрения, книга «Россия. Надежды и тревоги» – это послание всем нам от человека, который всегда отстаивал интересы России, ее суверенитет, за-

ставлял уважать Россию. Вспомним знаменитый разворот над Атлантикой и самостоятельную позицию Евгения Максимовича, когда появилось твердое слово Российской Федерации на международной арене. Так вот, мне кажется, что сегодня все высказывания Евгения Максимовича – как хорошее благородное вино: чем дольше хранится, тем лучше пьется, тем больше вкуса, настоя, запаха, крепости. Так и у Примакова – его мысль со временем и богаче становится, и крепче, и емче, и глубже.

Евгений Максимович говорил, что в свое время задачей реформ было не приблизить перестройку, а уйти от кондовой административно-командной системы, репрессивного аппарата, возможных рецидивов того плохого, что происходило с нашей страной. Поставить ее на рельсы цивилизационного обновления, придать новый импульс развитию страны и обеспечить такой его характер, который соответствовал бы интересам самой России, ее народов и позволил бы занять достойное место в мире той российской цивилизационной модели, о которой в последнее время так много говорится.

Если оценивать научное творчество и результаты труда Евгения Максимовича в качестве государственного деятеля, то, конечно, он был одним из тех, кто проторил сегодняшний путь развития России. Я спрашивал Евгения Максимовича, когда он впервые задумался о том, что России нужна реформа. Понимание того, что со страной что-то не так, говорил он, пришло к нему уже в 50-х годах, когда он учился в Московском институте востоковедения, а затем в аспирантуре экономического факультета МГУ. По словам Примакова, они много размышляли над этим с будущим академиком Степаном Арамаисовичем Ситаряном. Он с ним в

«Так вот, мне кажется, что сегодня все высказывания Евгения Максимовича – как хорошее благородное вино: чем дольше хранится, тем лучше пьется, тем больше вкуса, настоя, запаха, крепости»

одном блоке жил, в одной комнате, и эту студенческую дружбу они пронесли через годы.

В книге «Россия. Надежды и тревоги» Е.М. Примаков анализирует современные направления развития страны с точки зрения 2015 года. И он отрицает оголтелое стремление к тому, чтобы сохранить неолиберальный курс, опору на сугубо рыночные методы управления.

От общего тренда мирового экономического развития Россия, разумеется, не должна отрываться. Но мы – страна с особым путем развития, к тому же столько лет строили социализм, перешли всего четверть века назад к построению социально-ориентированного рыночного хозяйства и хотим сразу же добиться всего. Не преодолены структурные диспропорции российской экономики, далеко не полностью освоены методы рыночного управления народным хозяйством, а старые хорошие методы забыты. Надо и то осваивать, и это использовать. В общем, от неолиберального курса нужно отказываться, нужно использовать весь арсенал наработанных советской и российской экономической наукой форм и методов хозяйствования, которые обеспечили бы стране достойное развитие – с учетом ее ресурсов, ее возможностей, научно-технического и человеческого потенциала. Вот суть этой книги.

В ней Примаков обозначил много политических вопросов, актуальных для 2015 года. И в качестве одной из главных проблем назвал «Исламское государство». Он считал, что международный терроризм и ИГИЛ могут все карты нам спутать, станут одной из главных угроз, и оказался прав.

Мне посчастливилось лично знать Евгения Максимовича, беседовать с ним, встречаться и на официальных мероприятиях, и в неформальной обстановке.

Я был парламентским корреспондентом газеты ЦК КПСС «Экономическая газета» и присутствовал на разных совещаниях и заседаниях, брал интервью. В самом

начале перестройки, когда Евгений Максимович был в 1989–1990 годах председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, меня первый раз послали от газеты взять у него интервью. Так и познакомились. Потом было еще несколько интервью с ним в этом качестве. Когда он перешел в МИД России, я пару раз присутствовал на конференциях с обсуждением вопросов экономики и международного экономического сотрудничества, в которых принимал участие Е.М. Примаков. Они проходили в Центре международной торговли на Красной Пресне. Но это были встречи, связанные с моей профессиональной деятельностью. Более хорошо мы с Евгением Максимовичем познакомились, когда он начал заниматься партийно-политической деятельностью (он был избран председателем избирательного блока «Отечество – Вся Россия»), с Лужковым стали работать. У нас был тогда еще московский выпуск «ЭЖ», и для подготовки его материалов мы несколько раз тоже встречались. Ну, а наша дружба – когда за столом сидят, вместе выпивают – началась уже после того, как Евгений Максимович возглавил Торгово-промышленную палату России.

Я тогда, кстати, был президентом Клуба православных предпринимателей, и с Евгением Максимовичем мы часто ездили в гости к патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Есть политики, у которых как бы ветер в голове, они порой сами до конца не понимают, что говорят, и не отвечают за свои слова. Евгений Максимович никогда не опускался до уровня болтовни, у него каждое слово было взвешено. Он всегда обдумывал, что сказать, – и когда проводил заседания «Меркурий-клуба», и когда писал свои книги (а их у него много), и когда работал над статьями, и когда общался с аудиторией. Он чувствовал аудиторию, но никогда ей не подыгрывал, выражал свою точку зрения.

Он мог честно сказать: я пока не готов ответить на этот вопрос, мне надо еще подумать. Но уж если при-

шел к выводу, то отвечал убедительно, обоснованно и доходчиво.

В ТПП есть такой институт – Президиум палаты, на заседаниях которого обсуждаются очень сложные вопросы отраслевого и регионального развития, перспективные направления экономического роста, задачи предпринимателей. Я всегда удивлялся: он все вопросы знал, видел, понимал. Не случайно же его избрали академиком РАН. Очень, так сказать, выверенный был человек, очень.

У Евгения Максимовича было еще одно замечательное качество: он умел создать команду единомышленников, окружить себя верными, умными, талантливыми людьми.

Приведу один эпизод. Несколько лет назад мы отмечали 80-летие академика Абалкина, и по его просьбе я помогал ему провести встречу гостей на этом мероприятии. Всё проходило в Институте экономики РАН, точнее, в его рабочем кабинете, а желающих поздравить юбиляра было очень много, выстроилась целая очередь – представители администрации президента, академических институтов, научных учреждений, вузов, делегации различных общественных организаций, партий, движений. Поздравить Леонида Ивановича Абалкина приехал и Примаков. Мы прошли в дальние комнаты. Евгений Максимович так растрогался и говорит: «Вот ты, Лёня, не помнишь, я был председателем счетной комиссии, когда тебя избрали академиком, я тебе эту радостную весть-то и принес». Абалкин улыбнулся и задумался, начал вспоминать прошлое. И я, чтобы заполнить паузу, говорю:

– Евгений Максимович, а как вы успеваете-то всё – и в академии, и в ТПП, и общественную деятельность ведете плюс еще книги.

А он мне ответил:

– Надо хороших помощников иметь. Они и в жизни помогут, и в принятии решений.

Одному человеку, конечно, всего не охватить, а у Примакова всё время была хорошая солидная твердая команда. Она с ним пошла и в Службу внешней разведки, и в МИД, и в правительство. Он ценил этих людей, уважал, отмечал их работу, что тоже характеризует его как руководителя.

Если взять главные моменты работы Примакова как государственного деятеля, в первую очередь я бы выделил его деятельность в качестве министра иностранных дел. Это и разворот над Атлантикой, который я уже упомянул, и отстаивание интересов России – впервые с момента распада Советского Союза на мировой арене весомо, полноценно начал звучать голос России. Международное сообщество начало осознавать национальные интересы России, считаться с ними.

Второй момент – это, конечно, деятельность в качестве премьер-министра в трудное время 1998 года. Хотя он был председателем правительства РФ всего восемь месяцев, он успел сделать очень многое.

Проводившие реформы так называемые чикагские мальчики (их еще называли «мальчики в розовых штанишках», «киндер-сюрпризы») решали всё за счет национальных интересов России, спешили всё приватизировать, уповали на всемогущие рыночные механизмы, которые насаждали без достаточной подготовки. Что тут говорить, если всё национальное богатство России считали сопоставимым по рыночной стоимости с экономикой одного американского штата Юта. Западные дельцы готовы были всё раскупить. Собственно, и дефолт-то был сделан для того, чтобы еще раз руки погреть на российской экономике. Но Примаков ничего не отдал. Он начал возвращать твердое государственное регулирование экономической жизни. Я знаю, какую борьбу он начал с кланом Березовского и его приспешниками. Примакову угрожали, но он не ослабил эту борьбу.

Кстати, в начале 2016 года проходил Московский экономический форум, и на нем советник президента

России Сергей Глазьев заявил, что в нынешней обстановке нужно воспользоваться опытом по обузданию кризисных явлений Евгения Максимовича Примакова, который возглавлял правительство в непростом 1998 году. Глазьев уверен, что фиксация более низкой процентной ставки, снижение бюджетных расходов, вливание в экономику денег могут помочь и сейчас.

В личном плане Евгений Максимович был закрытым человеком. Не скажу, что он был «человеком в футляре». В своей компании он мог и повеселиться, и анекдот рассказать, и песню спеть. Но умел себя держать с большим достоинством, как говорится, «нести себя». Это вызывало уважение. Глубокое уважение. Иногда бывали такие моменты, которые особенно ярко характеризовали именно его личные качества. И они мне очень нравились. Так, в бытность премьер-министром Примаков начал строить дачу. Спрашиваю:

– Евгений Максимович, ну как у вас там с дачей-то?

– Сказали мне, вот заплати столько-то, всё будет готово. Заплатил – и трети не сделано! Вот окна поставить надо, опять давать столько-то. Дал. Кажется, что проще – окна поставить. Нет, не сделали. Еще надо столько же заплатить...

– Евгений Максимович, как же так, вы же премьер-министр...

– А я для них не премьер-министр, а всего лишь очередной заказчик, кошелек, который нужно потрясти.

Он знал себе цену, спокойно относился к своему высокому государственному статусу, но никогда не использовал свое служебное положение в личных целях. Это был абсолютно честный, кристально честный человек.

Вот еще один эпизод, который характеризует его как личность.

Наш издательский дом «Экономическая газета» выпустил книгу по ленд-лизу, автором которой был Ни-

колай Иванович Рыжков. Это серьезный, уникальный труд. И я предложил провести его широкую презентацию. Участвовать в ней приглашал и сам автор, и мы. На свой страх и риск я позвал Евгения Максимовича, опасаясь, правда, отказа. Ведь есть такое неписаное, но обычно соблюдаемое правило, что если ты был премьер-министром и я был премьер-министром, то в отношениях существует какая-то неуловимая грань, которую переходить нельзя, но и выдержать очень трудно, так как нельзя уронить ни свое достоинство, ни достоинство другого каким-то неосторожным словом или намеком.

Евгений Максимович согласился дать отзыв, хотя должен был куда-то ехать. Попросил материал. Я ему прислал книгу, ее еще не подписывали в печать. Он надиктовал три-четыре страницы, и этот текст вошел в книгу. В день, на который была назначена ее презентация, Евгений Максимович опять должен был куда-то ехать. На посту президента ТПП РФ ему приходилось часто ездить по России, а в качестве руководителя различных общественных организаций – нередко бывать и на международных мероприятиях. Но Примаков отложил свою поездку и пришел на презентацию. После презентации был фуршет, все расслабились. Евгений Максимович встал, чтобы произнести тост, сказал, что здесь дана правда о ленд-лизе, он с интересом прочитал книгу, узнал новые цифры, что книга необходима. Люди должны знать, что помощь по ленд-лизу была нам важна, но не сыграла, как ныне иногда считают, решающей роли. Общий объем поставок составлял примерно 7 процентов всего отечественного промышленного производства. А потом вдруг говорит, обращаясь ко мне:

– А вы знаете, дорогой Юрий Васильевич, что я был последним премьер-министром, который подписывал документы по ленд-лизу?

– Какие документы?

– Продлевал срок выплат по нему американцам до 2030 года. Сумма небольшая, но платежи всё еще идут каждый год. Мы всё еще должны за эту помощь, хотя Советский Союз внес главный вклад в разгром фашизма. Напомню еще, что в 1972 году США списали долги по ленд-лизу всем получателям, кроме СССР.

Об этом вспоминаю потому, что, во-первых, Примаков, как всегда, был в теме, а во-вторых, у него не было никаких комплексов, как сейчас модно выражаться. Если что-то нужно было сделать ради интересов России, то тут уже не до протокольных церемоний, не до политеса. Для него было важно поддержать нужную работу.

Когда Евгений Максимович праздновал свое 85-летие, президент РФ В.В. Путин среди прочих подарков привез ему... примус. Примаков стал звать свою супругу:

– Ира, Ира, смотри, что Владимир Владимирович подарил – примус. Это нам пригодится на даче!

Почему же был выбран такой подарок? Думаю, весьма удачный. Его же так прозвали в кулуарах – Примус. Первый на латыни. *Primus inter pares*. Первый среди равных. И если говорить о когорте людей, которые в Советском Союзе занимали высокие посты, а затем не побоялись с ними расстаться, приняли активное участие в строительстве новой России, то я, кроме Примуса, пожалуй, вообще и назвать никого не могу с такой высокой репутацией, как у Евгения Максимовича. Примус – всегда Примус.

ДОРОХИН Павел Сергеевич

Представитель Торгово-промышленной палаты РФ в Италии в 2004–2009 гг., советник ФГУП «Рособоронэкспорт» в 2010–2011 гг., депутат Государственной Думы с 2011 г.

Работа с деталями

Я благодарен Богу и судьбе за возможность в свое время работать в команде Примакова – патриарха российской политики. Неоценимый опыт, который я получил, работая с ним, постоянно мне помогает, в том числе и в Государственной Думе РФ.

Меня поражал в нем прежде всего масштаб личности, умение видеть ситуацию не фрагментарно, а в комплексе, как часть глобального процесса со всеми хитросплетениями. Он всегда принимал правильные решения, исходил не из сиюминутного результата, а из его анализа на перспективу. Умение просчитывать на несколько ходов вперед – важнейшее качество политика.

И в то же время Е.М. Примаков обладал также уникальным качеством вникать во все детали. Он не упускал мелочей ни при подготовке документов, ни при подготовке публичных мероприятий. А людям импонировало его такое человеческое качество, как интересоваться, казалось бы, незначительными деталями из жизни человека и помогать ему.

«Он всегда заботился о людях. Так, многие из тех, кто с ним работал, знают, что, приходя руководителем на новое место, он начинал с улучшения бытовых условий работы сотрудников и с повышения зарплат»

Он всегда заботился о людях. Так, многие из тех, кто с ним работал, знают, что, приходя руководителем на новое место, он начинал с улучшения бытовых условий работы сотрудников и с повышения зарплат. Так было и в СВР, и в МИД, и в правительстве РФ. Мне же запомнилась работа с ним в ТПП России. Там я провёл восемь лет, а в общей сложности

знал Евгения Максимовича на протяжении полутора десятков лет.

В начале нулевых он направил меня своим представителем (ТПП России) в Италию, в Милан. За те шесть лет, что я работал в этой прекрасной стране, Е.М. Примаков три раза приезжал туда с официальными визитами, и опыт личного общения в ходе этих встреч дал многое.

Особенно мне запомнилась тогда наша встреча с вице-премьером правительства Италии Жанфранко Фини, который был одновременно и министром иностранных дел страны. На протяжении трех часов Фини, не скрывая своего уважения к Евгению Максимовичу, больше сам задавал вопросы и просил совета Примакова по животрепещущим вопросам мировой политики, особенно по Ближнему Востоку и Ирану. Чувствовалось, что Фини понимает, с каким авторитетом он беседует.

За годы работы в Италии нам удалось издать три новые книги Е.М. Примакова на итальянском языке. На презентациях его книг был весь итальянский бомонд, ведущие политические деятели, съезжавшиеся со всей страны – от Рима до Милана и Венеции. Все хотели засвидетельствовать личное уважение даже не

российскому, а мировому политическому патриарху и сфотографироваться с ним.

Примаков много сделал в моей судьбе, рекомендовав после Италии на службу в «Рособоронэкспорт», а затем поддержав избрание депутатом Госдумы РФ.

Работая в парламенте, я регулярно просил его совета или консультации при подготовке законопроектов. И он, несмотря на занятость, всегда принимал и досконально изучал документы. Большую помощь он оказал при подготовке важнейшего системного закона «О промышленной политике в РФ».

Приведу эпизод. Когда я попросил у него в кабинете дать мне рекомендации по основным разделам законопроекта, он задал вопрос: «А весь текст с вами?» Я достал документ и сказал: «Евгений Максимович, текст очень большой – это займет много времени». На что он сказал: «А вы сильно торопитесь?» Я ответил, что нет, и он с карандашом в течение полутора часов правил текст законопроекта, вникая во все детали. Так мог себя вести только Примаков.

Еще одна особенность, которую я очень ценил: Примаков никогда не повышал голоса на подчиненного. Даже критикуя, он уважительно относился к собеседнику. И главное, что было основой его жизни и политической биографии, – это огромная любовь к своему Отечеству, верность народу и ответственность за принимаемые решения.

КУЗНЕЦОВ Валерий Алексеевич

Директор «Меркурий-клуба» с 2002 г.

Национальная идея Примакова

Евгений Максимович не любил и не умел празднично проводить время. Даже в дни отдыха, включая дружеские встречи и застолья, где он был великолепным, остроумным тамадой. Каждый его тост нес в себе глубокое, продуманное содержание. Общение с ним, пусть и не деловое, обогащало собеседников интеллектуально и духовно.

Помню жаркое лето 87-го. Я жил тогда на казенной даче в «Усово» на Рублевке, на берегу Москвы-реки, а Максимыч неподалеку, в академическом дачном поселке. С тех пор как он внезапно потерял сына Сашу и жену Лауру, я старался не оставлять его одного в часы досуга и приглашал поплавать. Он и пловцом был отменным, чувствовалась юношеская выучка в Бакинском военно-морском училище.

Однажды ему довелось возглавить творческую группу, образованную при Политбюро ЦК, по поиску и формулированию национальной идеи, которая помогла бы сплотить народ в новых, сложных социально-экономических условиях. Мне было поручено содействовать. С этим он приехал ко мне одним воскресным утром, и мы отправились на берег. На усовской ку-

пальне взяли лодку, он сел за весла, и мы, не торопясь, поплыли по реке. Максимыч сразу стал делиться мыслями на заданную тему. Я поразился его обширными научно-историческими познаниями и начитанностью в мировой литературе. Он легко воспроизводил содержание произведений великих мыслителей, философов-гуманистов и писателей прошедших веков, включая Вольтера, Руссо, Герцена, Льва Толстого, Чернышевского, Достоевского, Плеханова, Энгельса и других. Так мы беседовали (я больше в качестве слушателя)

часа два. Прослушав эту «лекцию», я вообще совершенно по-другому, иначе, по-новому взглянул на то, что раньше воспринимал как нечто само собой разумеющееся, – на то, что такое идея в политическом преломлении, что должна представлять собой национальная идея, как она соотносится с идеологией, каким образом одно вытекает из другого. И хотя время было уже перестроечное и на все эти темы можно было совершенно открыто говорить, каких-то особых откровений никто не высказывал. Вспоминая этот наш разговор, я жалею

о том, что те бесценные наработки Максимыча так и пропали втуне, не были использованы. Кто знает, если бы наверху смогли их оценить и пустить в дело, как сложилась бы судьба СССР...

Сегодня вспоминаю надгробное слово патриарха Кирилла, отпевавшего Максимыча: «Он жил по совести». Мне кажется, что это высказывание – точнее, определение «жить по совести» – могло бы послужить национальной идеей для россиян.

Комом к горлу, комом к горлу
Прожитые годы.
Комом радости и горе,
Свадьбы и разводы.
Комом смерти, комом роды,
Прожитые годы.

Евгений Примаков

Раздел 7 Друг

Рафик Нишанов

Мэлор Стурра

Александра Пахмутова

Александр Добронравов

Иосиф Кобзон

Георгий Данелия

Зураб Церетели

Давид Иоселиани

Архимандрит Сергей

НИШАНОВ**Рафик Нишанович**

Посол СССР в Иордании в 1978–1985 гг.,
председатель Совета Национальностей Верховного
Совета СССР в 1989–1991 гг.

Долгая дорога вместе

На своей последней книге, которую Евгений Максимович подарил мне незадолго до ухода, он написал: «Дорогому моему другу, с которым мы прошли столь длинную дорогу...» Если задуматься, сколько же лет мы были рядом? Почти сорок, с тех пор как в 1978-м встретились в Доме на набережной в квартире у Владимира Ивановича Бураковского, директора Института сердечно-сосудистой хирургии. Впрочем, я прибавил бы сюда еще лет десять. В 1967 году, через месяц после окончания Шестидневной войны между Израилем и Египтом, Сирией, Иорданией, я во главе делегации советской общественности оказался в Каире. Поездка и переговоры были крайне сложными. Как же мне хотелось увидеться с собкором «Правды» в Египте Евгением Примаковым, чьи репортажи я всегда искал в свежем номере, поражаясь их глубине и анализу. По этим материалам, в частности по «Многоэтажному Дамаску», я выверял свое представление о Ближнем Востоке и теперь надеялся лично пообщаться с блестящим знатоком региона. Увы, в те дни Примакова не оказалось на месте, он был в разъездах. Однако я неизменно продолжал сле-

«Мог ли я тогда представить, что на себе испытаю, каким преданным, великодушным и нежным товарищем способен быть Женя с людьми, которых впускал в свое сердце!»

дить за его публикациями – так пристально и заинтересованно, словно Женя был мне уже не чужим человеком.

И вот после того как меня только-только назначили послом в Иордании, мой давнишний приятель Леон Оников, работавший в ЦК КПСС, позвал меня в гости к Бураковскому, с которым прежде доводилось пересекаться. Теперь

его дочь с мужем-дипломатом собирались в заграничную командировку в Амман. Я охотно согласился, тем более что Леон обмолвился: дома у Владимира Ивановича будет и Примаков. Надо сказать, Бураковский, Оников и Примаков были не разлей вода со времен их общей тбилисской юности. А как говорил Евгений Максимович, друг – это превосходная степень близости. Мог ли я тогда представить, что на себе испытаю, каким преданным, великодушным и нежным товарищем способен быть Женя с людьми, которых впускал в свое сердце! Удивительное дело: мы не были знакомы, но когда Евгений Максимович по-юношески быстрыми шагами вошел в комнату, в каком-то порыве мы крепко обнялись и затем не отходили друг от друга до конца вечера. Безусловно, мне было невероятно важно и полезно услышать, что рассказывал о Ближнем Востоке эксперт такого ранга, как Примаков – тогда уже директор Института востоковедения Академии наук СССР, уловить подводные течения, хитросплетения, противоречия взрывоопасного региона, куда вскоре надолго улетаю. Но не меньше, чем мудрость будущего политического тяжеловеса, меня покорили в собеседнике его чисто человеческие оценки, наблюдательность, чувство юмора, а главное – отсутствие какой бы то ни было отчужденности, которая нередко ощуща-

ется, когда люди лишь вступают на общую «длинную дорожку». В Жене поражала пленительная доверчивость – я никогда ни у кого больше не встречал этого редкого сочетания открытости души и трезвости ума, здравомыслия.

Кажется, в тот чудный московский вечер и зародилась наша дружба.

Примаков несколько раз прилетал в Амман. Дважды мы вместе были у короля Хусейна, подолгу оживленно беседовали с ним. Евгений Максимович разделял мое уважение к этому умному, просвещенному, харизматичному монарху, с которым меня связывали неформальные отношения. Хусейн же, со своей стороны, подпал под обаяние личности Примакова. Его масштабность, фундаментальность знаний и понимание расклада сил на Ближнем Востоке произвели на Хусейна сильное впечатление. Он полностью согласился со многими доводами Примакова, поддержал позицию Советского Союза по урегулированию ближневосточного конфликта, довольно резко осудил попытки США расколоть единство арабского мира. Схожесть ли подходов, а может, умение Примакова в самой официальной обстановке вести себя непринужденно так расположили короля, что в один из приездов Евгения Максимовича в Амман Хусейн, узнав, что тот в городе, сел на мотоцикл Harley Davidson и, не предупредив черкесов из личной охраны, примчался с ним повидаться.

Да, вокруг Примакова всегда образовывалась особая атмосфера. Я бы назвал ее территорией тепла. Никогда не забуду наш первый совместный пикник в лесу вблизи Аммана. В выходной день после окончания череды переговоров с официальными лицами королевства я пригласил Женю отдохнуть в кругу моей семьи.

«В Жене поражала пленительная доверчивость – я никогда ни у кого больше не встречал этого редкого сочетания открытости души и трезвости ума, здравомыслия»

Моя супруга Рано Назаровна и дочь Фируза навсегда влюбились в Евгения Максимовича, очарованные его простотой, раскованностью, умением развеселить компанию всякими анекдотами и забавными байками. Кстати, с тех давних пор у нас сложилась традиция вместе отдыхать, отмечать семейные торжества, часто бывать друг у друга на даче. И хотя высочайшее мастерство Рано Назаровны в приготовлении узбекского плова – неоспоримая реальность, никто лучше Евгения Максимовича и его супруги Ирины Борисовны не умел найти более лестных и щедрых похвал.

В мае 1985 года мне предложили вернуться в Узбекистан. Примаков сердечно приветствовал мое возвращение после пятнадцатилетней дипломатической службы на руководящую работу в республике. При встречах он живо интересовался происходящим в Уз-

бекистане, и для меня было очень ценно, что наши мнения о положении дел в республике (например, негативное отношение к так называемому «хлопковому делу») всегда совпадали. Судьба в те годы неоднократно сводила нас. Так, в 1986-м, когда состоялся государственный визит М.С. Горбачева в Индию, обоих включили в состав делегации. Примаков и я провели тогда плодотворные, но невероятно изнурительные переговоры с лидерами индийской компартии, не во всем одобрявшими затеянную в СССР перестройку. Однако и в этом вопросе – о необходимости кардинальных перемен в стране – мы с Евгением Максимовичем были горячими единомышленниками. Весной 1989-го судьба сделала совсем неожиданный поворот: Примакова избрали председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, а меня – председателем Совета Национальностей. Таким образом, мы опять оказались вместе – на этот раз в самом центре бушующих политических страстей. Уговаривая меня оставить пост первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, Горбачев заметил: «Соглашайся, Рафик, будешь работать со своим другом – Евгением Примаковым». Конечно, это не стало для меня главным аргументом, но мысль о присутствии в руководстве парламента столь близкого человека сыграла немалую роль в принятии решения.

Не могу сказать, что работа в Верховном Совете СССР приносила нам с Евгением Максимовичем большое удовлетворение. В обеих палатах парламента шли жаркие дискуссии. Зачастую обескураживали некорректность выступлений, беспечелляционный тон ораторов, граничащий с грубостью, переходом на личности. И Евгений Максимович, и я старались вести заседания сдержанно, терпеливо, хладнокровными или шутивными репликами помогали громоздкому кораблю обходить опасные рифы. Но, к сожалению, в наши обязанности, в представлении первого заместителя председателя Верховного Совета А.И. Лукьянова,

«На всех своих высоких постах Примаков щепетильно сохранял безупречную репутацию, оставался кристально честным человеком, больше всего ценящим дружбу и ненавидящим предательство»

в основном входило вести заседания, по регламенту представлять слово, ничего при этом не комментируя. Примаковым всё больше одолевала скука. Не вынося никакой бодяги, он даже мог задремать. Что и стало толчком для сочинения по мотивам популярной в те годы песни смешного, злободневного романса:

Все наши решения известны заранее,
Поэтому кратко и без дураков:
Поручик Нишанов, ведите собрание!
А ну-ка проснитесь, корнет Примаков!

Примерно через год на посту председателя Совета Союза Женя сказал мне: «Рафик, эта работа не по мне. Я не имею права даже как-то корректировать явно ошибочные предложения, отражать нападки на страну, на перестройку». И, вздохнув, добавил: «Хочу попросить Горбачева о переходе на другую работу». Мне было жаль, но я сознавал, что заседательская суета и монотонность угнетают Примакова. Поэтому поддержал его стремление вырваться на волю. Горбачев тоже скрепя сердце смирился и назначил Примакова членом Президентского совета.

А Лукьянов, как известно, оказался чуть позже одним из организаторов ГКЧП. О путче мы с Евгением Максимовичем узнали, отдыхая в Крыму в санатории «Южный». Я – с Рано Назаровной и Фирузой, он – с любимым внуком Женей. В тот же день – 19 августа – удалось вылететь в Москву, выступить против антиконституционного переворота. Последующие годы для моего друга оставались «годами в большой политике». На всех своих высоких постах Примаков щепетильно

сохранял безупречную репутацию, оставался кристально честным человеком, больше всего ценящим дружбу и ненавидящим предательство. Возглавив Торгово-промышленную палату, он поддержал мою идею создать Фонд содействия российско-арабскому сотрудничеству, помог в его организации. Мы снова работали рука об руку, вместе ездили в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Султанат Оман, Ливан, Сирию, Иорданию, Египет, сообща продвигали интересы российского бизнеса.

...Когда Евгений Максимович тяжело заболел, всех, кто был рядом, буквально ошеломяла его стойкость. Настоящий мужчина, гордец, он не только не позволял себе раскиснуть, пожаловаться – напротив, словно удесятерив свою известную волю, работал напряженно, неистово, до упора. Без преувеличения – до последних дней. Мы виделись еженедельно. Едва отойдя от тяжелых процедур, Женя, как встарь, заставлял меня хотеть, травя – откуда он их только брал? – какие-то новые анекдоты. И лишь за два дня до госпитализации в ЦКБ произнес слова, которых я никогда от него не слышал: «Рафик, я устал». Я запротестовал, напомнив, как мужественно он держался все эти трудные последние месяцы, стал успокаивать, что усталость – временная, пройдет, надо только не загонять себя работой, отлежаться. Евгений Максимович улыбнулся, сделал вид, что согласен. Но из больницы позвонил мне и уже без эвфемизмов завел речь о своем уходе. Он говорил с трудом, задыхаясь. Последние слова были наполнены не жалостью к себе, не страхом смерти, а беспокойством за семью, мыслями о любимых – Ире, Нане и, конечно, Жене... Просил не оставлять родных без внимания. Я обещал. И он знал, что мое обещание железно. «Ты ни о чем не волнуйся. Только держись и крепись», – я едва сдерживал слезы. Комок, который стоял в горле, остался, кажется, до сих пор.

СТУРУА Мэлор Георгиевич

Советский, российский журналист-международник

В подлинной дружбе нет табели о рангах

Это скорее о Жене, чем о Евгении Максимовиче. Для меня он был Женей, даже в роли премьер-министра. Так повелось. Мы дружили на равных. В подлинной дружбе нет табели о рангах. Но как более красноречивого тамаду Женя пропускал меня вперед...

В моей памяти он останется премьером правительства друзей, президентом которого был великий хирург Владимир Бураковский, академик Российской академии медицинских наук. Наше правительство было компактное и вполне вольготно размещалось в квартире моего племянника Давида (Датули) Иоселиани, где стены были сплошь увешаны картинами тогда еще никому не известного художника Зверева. Владимир (Вова) был учеником академика Иоселиани, деда Датули, и учителем Датули, ставшего профессором и главным кардиологом Москвы.

В правительство входили также два ответственных сотрудника ЦК КПСС перестроечной закваски – Николай (Коля) Шишлин и Леон (Лёва) Оников. Судьба последнего потрясает. Он, можно сказать, начинал как

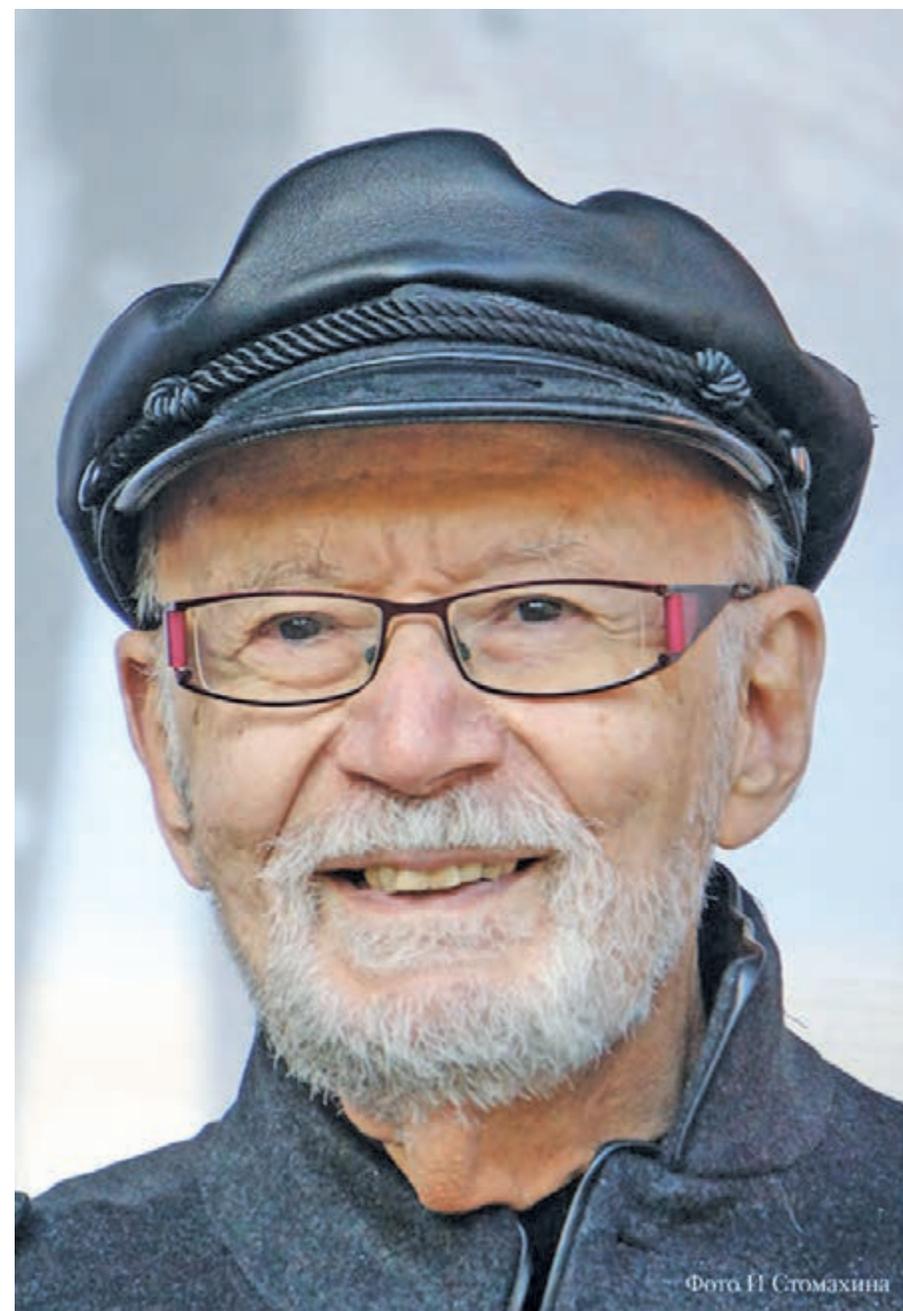

Фото Н. Стомахина

«Женя был премьер-министром России и мог стать ее президентом, если бы умел бороться с грязью “семибанкирщины”, с ее телеклеветами»

тбилисский уголовник со стажем! Кстати, наше правительство тоже было с тбилисским уклоном. И Вова, и Женя, и Лёва, и Датуля, и я были в прошлом «тбилисскими ребятами». Прорабы перестройки Коля и Лёва спорили до хрипоты о том, кто «первое перо» российской журналистики – Стани-

слав Кондрашов (Стасик) или я. Коля был болельщиком Стасика, Лёва – моим. Их ожесточенные схватки прерывал Женя, предоставляя пальму первенства мне как тбилисскому парню.

Вот такое было у нас правительство. Время вело по нам прицельный огонь. Один за другим уходили в небытие товарищи, и вот ушел и Женя.

Его часто сравнивали с Генри Киссинджером. Но их мало что объединяло – возраст, быть может, и некоторая размеренность, даже замедленность речи. И тот и другой входили в ареопаг мудрецов, решавший более сложные вопросы, чем «кто первый» – Стасик или я. Киссинджер никогда не мог бы стать премьером или президентом Соединенных Штатов. Премьером – потому что в Америке эту должность занимает президент, а президентом – потому что Генри родился в Германии. (По Конституции США человек, родившийся не на земле Америки, не может быть ее президентом.)

Женя был премьер-министром России и мог стать ее президентом, если бы умел бороться с грязью «семибанкирщины», с ее телеклеветами. Помню, приехал я в Москву в самый разгар предвыборной борьбы. Женя, зная мою страсть к футболу, пригласил меня на какой-то международный матч и на прием после него.

Никогда не забуду такую сцену. Женя и мэр Москвы Юрий Лужков в длинных пальто шествуют из прави-

тельственой ложи в банкетный зал. Полы их пальто развеваются, а публика – весь политический свет Москвы и России – расступается перед ними.

В те дни большинство губернаторов страны уже успели присягнуть избирательному блоку Примакова–Лужкова. В его победе мало кто сомневался. И вдруг всё обрушилось. Привыкшие к масштабному противостоянию, Женя и Лужков растерялись перед несусветной клеветой – и оставили поле боя.

Однажды мы все ужинали в ресторане Дома писателей на улице Герцена*. Я просто глазам своим не верил. Предвыборный штаб советников Жени, а именно он составлял большинство участников трапезы, выглядел как «Тайная вечеря», где все двенадцать апостолов – сплошные Иуды, не думающие о том, чтобы повеситься. Я был потрясен слепотой Примакова и несколько позже сказал об этом Лужкову. Но и он мне не поверил.

Женя никогда не был прорабом перестройки. Слово «прораб» к нему просто не подходило. Но дело было не только в этом. Его экономические взгляды были более обширными и совсем не сиюминутными. Тем не менее именно его взял Горбачев в Лондон в качестве советника. Женя попал в очень сложное положение. Ему надо было контролировать нас, журналистов, среди которых были его ближайшие друзья, например, Томас Колесниченко (Том) и я, которых он считал выше себя как профессионалов.

Именно в Лондоне произошла наша первая и единственная размолвка. Би-би-си устроила круглый стол, на котором я требовал от Горбачева чуть ли не отказа от коммунизма. (Кстати, я всегда доставал Михаила Сергеевича вопросом о том, когда он перестал быть коммунистом.) Женя вызвал меня, как говорится, на ковер. Но ковер оказался не борцовским, а в худшем случае бухарским. Признаюсь, больно было наблюдать

* С 1994 года – Большая Никитская улица.

«Кто не помнит, как Женя тащил матушку-Россию за спутанные волосы из болота дефолта»

за тем, как он бил по своим, выполняя волю генерального корректировщика огня.

Кто не помнит, как Женя тащил матушку-Россию за спутанные волосы из болота дефолта. Как-то звонит он мне из Москвы в Америку и предлага-

ет поехать вместе с ним в Малайзию, где он должен был заменять ставшего нетранспортабельным «царя Бориса». От таких предложений не отказываются. И я полетел.

Под конец саммита Женя дал мне обширное интервью. Но я сейчас о том, что осталось за бортом. Речь зашла о дефолте, который поразил Малайзию не меньше, если не больше, чем Россию.

– Посмотри, что здесь происходит, – говорил Женя. – Почти всё, что взяла в долг Малайзия, было ею освоено. Небоскребы в Куала-Лумпуре, новые шоссе, дороги, казармы для вооруженных сил... Это, я бы сказал, был позитивный дефолт. А теперь посмотри на Россию. Мы тоже набрали долги, но...

– Разворовали? – вставил я.

– Ну, не разворовали, а разбазарили, – Женя не любил категоричности в словах.

Сейчас я иногда думаю, а знал ли он, что эти долги как раз и сыграли главную роль в его отставке с поста премьера? Наворовав сколько влезет, «семья» стала подумывать о том, как сохранить награбленное после ухода «родоначальника». Вряд ли премьер и бывший глава внешней разведки не знал фактов и хотя бы основных цифр. Но он не мог, не хотел поверить в то, что бабло стало идеологией руководителя страны. Он витал в других эмпиреях, размышлял иными категориями. Марксизм в России не привился. Это понятно. Перестройка захлебнулась. Это тоже понятно. Но философия бабла и того, как не оказаться за решеткой, в

качестве высшей национальной идеи? Нет, позвольте, это сверх моих представлений, сверх моих подзрений.

Он понимал «семью», но не принимал ее за обыкновенную шайку грабителей... квартиры, дома, а тем более целого государства! Он не мог представить себе идеологию, философию, смысл государства, не только России, как уворованное добро, которое надо спрятать. Сталин, конечно, был тиран. Но у него было всего два френча – ежедневный и парадный. Брежнев был сибаритом коммунистического труда. Его дочь покупала в специальной секции ГУМа по дешевке шубы и сбывала их с помощью перекупщиков спекулянтам. За трехкилограммовую банку икры можно было схлопотать «вышку». И вряд ли Брежневу и его семье (без кавычек) снились пляжи на Лазурном Берегу или в Майами, миллиарды на сверхсекретных счетах каких-то несуществующих островов или свои внуки в Оксфорде и Кембридже. Квартира Брежнева на Кутузовском проспекте, а затем поближе к Кунцеву сейчас вряд ли устроит даже средней руки миллионера. О миллиардах не говорю. Все они в Лондоне и Нью-Йорке. Но даже Леонид Ильич верил в трудно произносимое слово «коммунизм», как свергнутый им Хрущев – в «социализм». А эти...

Женя не хотел быть хранителем ключей от общака пещеры сорока разбойников. «Семья» это быстро поняла и избавилась от ненадежного ключника.

Но в этом были свои – то есть наши – преимущества. Чем больше он отдалялся от источника кремлевской власти, тем ближе он становился датулиной квартире с картинами непризнанного Зверева. Он был почти неподъемным и являлся к Датуле или к кому-нибудь из нас как нелегал на явочную квартиру. Став председателем Торгово-промышленной палаты, Женя как бы обрел крылья. Стали выходить его новые книги. Стали ходить к нему его старые друзья.

Человеку, наблюдавшему за жизнью Примакова со стороны, могло показаться, что она горит ровным огнем, что в этой жизни был лишь один протуберанец – поворот над Атлантикой, уже вошедший в историю международных отношений. Премьер-министр России решил, что он не может вести переговоры с президентом Америки, отдавшим приказ беспощадно бомбить Югославию. Меня в том самолете не было. Я несколько раз пытался воссоздать в мыслях лицо разгневанного Жени, но мне это не удавалось. Я как-то рассказал ему о моих неудачных попытках. Он криво усмехнулся и ответил:

– Покажи мне второе Косово, а я покажу тебе лицо мое во гневе...

Нет, отнюдь не ровным огнем горела жизнь этого человека. И лишь огромная сила воли сдерживала его протуберанцы. Смерть первой супруги. Смерть сына Саши... Саша был талантливым журналистом. Он шел по стопам отца, работая на Среднем Востоке журналистом. Подписывался Саша псевдонимом. О смерти сына Женя сказал мне:

– Тебе как отцу двоих сыновей должно быть понятно, что не отцы должны хоронить своих сыновей, а сыновья – отцов.

Смерть Саши была его незаживающей раной.

Ровный огонь? Вспоминается история одного крупного партийного работника Грузии. Не буду называть его фамилии. На него пал гнев Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, в то время всемогущего министра иностранных дел Советского Союза. Примаков и Бураковский буквально выкрали его из-под носа грузинских правоохранительных органов в Тбилиси, а затем долго прятали по московским больницам. Когда об этом разнюхал Шеварднадзе, он пришел в неопределимую ярость. Академики еле унесли ноги, вернее, спасли головы.

А вы говорите: горела ровным огнем...

На всех днях моего рождения Женя становился тамадой. В последний раз это произошло в апреле 2014 года. Мы собрались в ресторане. Женя был весел и единственный среди нас пил водку. Глядя на моего правнука Никиту, который с нескрываемым ужасом взирал на стены ресторана, украшенные головами могучих диких зверей, Женя со свойственной ему легкой усмешкой сказал:

– Это еще что. А ты представь себе, что произойдет, если все эти звери ворвутся сюда.

– Я не боюсь этих зверей, – ответил мой правнук. – Но украшать стены их головами нельзя.

Мы обомлели, а Женя сказал:

– Правильно говоришь, Никита.

В отличие от Брежнева и Ельцина Примаков не любил охотиться, тем более на двуногого зверя с человеческим лицом.

ПАХМУТОВА Александра Николаевна

Советский и российский композитор

ДОБРОНРАВОВ Николай Николаевич

Советский и российский поэт-песенник

Гражданин

К сожалению, судьба подарила нам очень мало личных встреч с Евгением Максимовичем. Мы несказанно благодарны ему за то, что он почти всегда с удовольствием откликался на приглашения на наши концерты, особенно в Большом зале консерватории, на которых он бывал, может быть, самым заинтересованным и благодарным зрителем. Однажды он даже пришел на наш юбилейный праздник в «Президент-отеле». Большинство наших гостей были хорошо ему знакомы, и он чувствовал себя в тот вечер, как показалось нам, свободно и раскованно. Прочитал свои стихи, а надо сказать, что у Е.М. Примакова было много талантливых и ярких стихов. Но главное, что на этом вечере он даже... пел! Он очень искренне, буквально со слезами на глазах спел романс на знаменитые стихи Ярослава Смелякова «Если я заболелю». И надо признаться, что этот образ – поющего

глубоко проникновенный и лирический романс крупного политика и государственного деятеля – не вызывал никакого диссонанса у слушателей. Даже наоборот слова романса представлялись как бы подсказкой, расшифровкой каких-то тем или сюжетов, неизвестных широкой общественности. Выходило, что романсом Евгений Максимович как бы доносил до нас эзоповым языком то, о чем не мог сказать языком простым. Все присутствовавшие стоя приветствовали это незабываемое исполнение, и у нас до сих пор перед глазами стоит Евгений Максимович, так трогательно и тепло исполнивший в тот вечер этот замечательный романс.

Особенно запомнились нам встречи с Е.М. Примаковым на Старый Новый год в Центре международной торговли на Краснопресненской набережной. Это были многолюдные собрания, всегда завершавшиеся хорошими концертами, в котором принимали участие эстрадно-симфонический оркестр имени Ю. Силантьева, ансамбль внутренних войск МВД России, многие известные исполнители. И нам тоже приходилось участвовать в этих концертах, когда надо было аккомпанировать участникам собрания, изъявлявшим желание спеть ту или иную популярную, известную всем песню.

Но самым замечательным, самым запоминающимся на этих вечерах было выступление самого Е.М. Примакова перед началом концерта и банкета. В небольшом зале, забитом до отказа, Евгений Максимович читал доклад. Впрочем, не знаем, можно ли это назвать докладом. Скорее это были впечатления об уже прошедшем, уходящем в историю годе. И обязательно – выводы, которые надо сделать из успехов и неудач прошедшего года для года наступившего. Настолько яркими, самобытными, не всегда похожими на официальную точку зрения были эти доклады, что они традиционно сопровождались продолжительными аплодисментами и долго не прекращавшимся обсуждением такого действительно всеобъемлющего анализа событий минувшего года.

Мы каждый раз просили помощников Евгения Максимовича дать нам с собой печатные экземпляры этих новогодних посланий Примакова, чтобы еще раз своими глазами прочитать мудрые и столь нестандартные суждения о прожитых нами годах.

Думаем, что не только мы, но и многие-многие люди на долгие годы сохранят в своих сердцах незабываемый образ великого гражданина нашей страны – Евгения Максимовича Примакова.

КОБЗОН Иосиф Давыдович

Советский и российский эстрадный певец,
член Государственной Думы РФ с 1997 г.

Он был душой всех встреч

Посчастливилось мне в далекие 80-е годы в доме моей сестры Гелены и ее мужа великого нейрохирурга Эдуарда Канделя познакомиться и подружиться с великим Евгением Максимовичем Примаковым.

Ах, какая собиралась компания! Бывали советник Брежнева Евгений Самотейкин и заместитель министра иностранных дел СССР Анатолий Адамишин. Заходили известные журналисты – Анатолий Аграновский, Томас Колесниченко, Генрих Боровик, Виталий Игнатенко, – а также комсомольцы: Борис Пастухов, Виталий Миляев. Из завсегдатаев на этих собраниях можно было встретить великих медиков – Александра Коновалова, Владимира Кулакова, Дмитрия Харкевича, Святослава Федорова, Николая Палеева. Из неизменных гостей можно также назвать Александру Пахмутову и Николая Добронравова. Но особо хочется сказать о Евгении Максимовиче. Он был душой всех встреч. Его шутки, анекдоты, афоризмы создавали общее настроение. Мы гордились общением с Евгением Максимовичем. Собственно, и политиком я стал благодаря встречам и беседам с Евгением Примаковым.

Его программные и ежегодные послания в «Меркурий-клубе» многим открывали глаза на происходящее в стране и мире, а его книги были учебниками и для руководства страны, и для всех граждан.

Как ждали его на званых вечерах. Всегда были уверены – с ним будет уютно и весело. А сколько обаяния исходило от его очаровательной и любимой супруги Ирины Борисовны. Сколько добрых слов сказал в Центре международной торговли на юбилее Евгения Максимовича Примакова Владимир Владимирович Путин, и чувствовалось, что они были сказаны ис-

кренне. Где бы ни находился Евгений Примаков – в правительстве, МИДе, Службе внешней разведки или в Торгово-промышленной палате, – везде он показывал, как нужно служить верой и правдой людям и стране.

Я горжусь тем, что неоднократно пел с Евгением Максимовичем его любимую песню «Если я заболею» на стихи Ярослава Смелякова:

Не больничным от вас
Ухожу я, друзья, коридором,
Ухожу я, товарищи,
Сказочным Млечным путем.

И здесь он говорил правду, как будто предвидел свой уход и главное – как воспримут его уход близкие, знакомые, да и вообще вся страна, с какими словами проводят, как станут вспоминать. Так оно и произошло – прямо по песне: Евгений Максимович ушел в звездную даль. Ушел, чтобы остаться с нами, в нашей памяти, с нашими повседневными делами и заботами, мечтами, радостями и горестями. Благодарю его за яркую жизнь-подвиг. Он с нами навсегда.

«Евгений Максимович ушел в звездную даль. Ушел, чтобы остаться с нами, в нашей памяти, с нашими повседневными делами и заботами, мечтами, радостями и горестями»

ДАНЕЛИЯ Георгий Николаевич

Советский и российский кинорежиссер

Драгоценный подарок

В 2005 году мы – Евгений Примаков с женой Ирой, Давид Иоселиани с женой Гурандой и я с женой Галей – полетели в Иорданию отдохнуть, покупаться в море и встретить там новый 2006 год. Прилетели в Амман, доехали до Красного моря, поселились в отеле и заказали столик в ресторане на вечер. В одиннадцать пришли. Все скачут и трясутся. Музыка такая громкая, что тосты говорить невозможно, приходится орать. Ровно в двенадцать ничего не изменилось: музыка как грохотала, так и грохочет, все как скакали, так и скачут!.. Мы встали, чокнулись, крикнули: «Ура!»

Ко мне подошел парень с фотоаппаратом и что есть мочи закричал:

– Вы кинорежиссер Георгий Данелия?

– Да.

– Мне ваши фильмы нравятся!

– Спасибо.

– Особенно «Мимино»!

– Очень приятно.

– Георгий, а как вас по отчеству?..

– Николаевич.

– Георгий Николаевич, отодвиньтесь немножко!

Я хочу с Евгением Максимовичем сфотографироваться!

За мою длинную жизнь сменилось немало руководителей. Кто-то уходил на вечный покой, кого-то снимали, кто-то отрекался от должности и власти сам. И потом в лучшем случае их забывали, а как правило – презирали и обливали грязью. А Евгения Примакова любили и уважали все – и справа, и слева, из центра и из глубинки.

В чем секрет?

В 1998 году страна была на краю пропасти. Голод. Разруха. Тысячи закрытых заводов, фабрик, институтов, стучащие касками шахтеры, миллионы беженцев, на улицах толпы бандитов и проституток. А на экранах телевизоров американская реклама женских прокладок, говорящие головы наших экономистов, дерущиеся депутаты в Думе и не очень трезвый президент. И было ясно, что не далек тот день, когда не полетят самолеты, не поедут поезда, потухнут лампы, не будет идти вода из кранов. Страна рухнет в бездну. Именно в это время назначили Примакова на пост председателя правительства России. И он со своей командой за восемь месяцев вытащил страну из ямы. Спас!

И еще. Примаков вернул России достоинство. В марте 1999-го, когда ему сообщили, что американцы начали бомбить Югославию, и он приказал развернуть самолет, летящий над Атлантическим океаном, он дал всем понять, что с Россией можно общаться только на равных.

Женя побывал во власти на высоких и самых высоких позициях, но не приобрел дворцов, яхт и футбольных команд. У него как были скромная дача под Москвой и обычная квартира в центре, так и остались.

Я встречался с Женей, когда он был председателем правительства, как правило, после одиннадцати – раньше с работы он не уходил. Женя излучал энергию, был весел, рассказывал анекдоты, шутил и никогда не говорил, как ему тяжело.

После перестройки кучка дельцов беззастенчиво грабила страну. У них было схвачено всё. На всех уров-

нях! Они агрессивно сопротивлялись реформам, угрожали, запугивали. Примаков был не из пугливых – шел напролом и много успел. Но силы были неравные. В мае 1999 года президент России Ельцин отправил Примакова в отставку.

В тот же день я поехал к нему и рассказал, что по НТВ передали, что 80 процентов россиян против его отставки. Женя был расстроен. Он сказал, что ему нужен хотя бы еще год, чтобы реформы заработали. А Ира призналась, что рада отставке: она всё время боялась, что Женю убьют (такие угрозы были – мне Женя рассказывал).

В 1976 году Женя со своим сыном Сашей были у меня в гостях. Я им рассказывал сценарий «Мимино». Они спрашивали, делали замечания, смеялись. Передо мной были не отец и сын, а два друга, равных и умных. В 1981-м Саша Примаков скончался. 1 мая вышел из дома на улицу – сердечный приступ. Его похоронили на Кунцевском кладбище. А через четыре года рядом похоронили моего сына Колю.

В 1999 году Коле исполнилось бы сорок лет. Галя устроила выставку, назвав ее «3Д» (Данелия Николай, Данелия Кирилл, Данелия Георгий). Я пригласил на выставку своих друзей и, конечно, Примакова. Утром, в день открытия, из новостей по телевидению узнал, что в Москву приехал премьер-министр Японии и у него намечена встреча с председателем правительства России. Позвонил в приемную председателя. Помощник Примакова сказал, что Евгений Максимович на открытие выставки прийти не сможет – у него на 19 часов назначена встреча с японцем.

– Жалко.

Но ровно в семь на открытие Примаков прибыл.

– А как же японец? – спросил я.

«А Евгения Примакова любили и уважали все – и справа, и слева, из центра и из глубинки»

– Протокольная служба предлагала мне взять его с собой на выставку. А я подумал, на фига тебе здесь сразу два премьера, и отправил его в Большой театр.

Примаков был человеком с великолепным юмором. Такой случай. Как-то мы ужинали в ресторане «Кура». И я сказал ему полушутя-полусерьезно:

– Женя, послезавтра я еду на фестиваль в Канны. Дайте мне какое-нибудь задание!

В то время Примаков был директором Службы внешней разведки России.

– В каком смысле?.. – спросил он.

– Ну, хотя бы горшок с цветком в гостинице на подоконнике переставить или на набережной Круазет жвачкой приклеить к скамейке снизу записку. Ну и конечно, ваши суточные и на непредвиденные расходы...

Женя сказал:

– Гия, даю тебе слово, что когда нам понадобится передвинуть горшок или приклеить жвачкой записку к скамейке, мы обратимся к тебе и только к тебе. Да, кстати, жевательная резинка у тебя есть?

– Нет. Я там куплю.

– Не покупай, я тебе пришлю.

На третий день пребывания в Каннах, когда я шел по набережной, меня догнал велосипедист в берете, остановился и спросил:

– Месье Данелия?..

– Да.

– Это вам, – он сунул мне в руки картонную коробочку и уехал.

Я открыл коробочку. Там была пластинка жевательной резинки «Ригли».

В Москве я поблагодарил Женю за подарок.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – искренне сказал он.

Директор Службы внешней разведки должен всегда говорить искренне... Но при жизни Примакова о французском велосипедисте я, на всякий случай, никому не рассказывал.

С Женей я познакомился в Москве в 1960-м. Тогда он был журналистом, а я – начинающим режиссером. Мы подружились. Часто встречались. Оба любили застолье. И где бы я с ним ни был, а бывали мы вместе в разных компаниях, в разных городах и странах, Женя всегда был лидером – центром, который притягивал всех.

Много бед со мной случилось за время нашей дружбы. И каждый раз он был рядом со мной. Сначала со своей горячо любимой мною женой Лаурой Харадзе

«Примаков поднялся очень высоко, а друзья у него только прибавлялись, но не убывали и не менялись»

(она скончалась в 1987 году). А потом с не менее любимой мною женой Ириной. Женя был очень надежным и верным другом.

Обычно, когда человек поднимается вверх по карьерной лестнице, друзья у него меняются. Примаков поднялся

очень высоко, а друзья у него только прибавлялись, но не убывали и не менялись. Когда я с ним бывал в Тбилиси, он за столом собирал своих школьных друзей. Жизнь у всех сложилась по-разному: кто-то стал академиком, кто-то таксистом. Но ни с кем Женя не терял связи, знал, у кого какие проблемы, всем помогал. Последние годы стали уходить из жизни наши друзья (мы с Женей ровесники). Остались вдовы, дети, внуки. Женя не дожидался, чтобы к нему обратились, сам звонил, спрашивал: «Чем помочь?..» И помогал.

А лично мне он помог тем, что сохранил киностудию «Мосфильм» и мосфильмовский кинофонд. Территория «Мосфильма» – лучшая земля Москвы. Было много охотников захватить ее – построить элитные дома и отели. Правление киностудии сопротивлялось, но захватчики все-таки добились решения о приватизации киностудии. Мы, мосфильмовцы, написали письмо президенту. Я отвез его Примакову и объяснил, что суть не только в земле и павильонах, но особенно – в богатейшем мосфильмовском фонде. Не исключено, что, если фонд попадет в частные руки, многие шедевры советского кино исчезнут навсегда. Примаков поехал с письмом к президенту. И президент приватизацию отменил, и мосфильмовские фильмы, в том числе и мои, до сих пор показывают по всем каналам телевидения.

В 2014-м Женя тяжело заболел. Когда я последний раз говорил с ним по телефону, он сказал:

– В гости не зову. Буду ждать тебя там.

– Так нельзя!.. Мне надо, чтобы ты был на моих похоронах, – сказал я. – Галю будут спрашивать: «А Примаков был?»

Последние тридцать лет, когда я отмечал юбилеи – 50, 60, 65, 70, 75, 80 – каждый раз на следующий день кто-нибудь обязательно спрашивал: «А Примаков был?»

– Женя, надо, чтобы ты обязательно был, – уговаривал я. – Похороны с Примаковым и похороны без Примакова – две большие разницы.

– Гия, давай придерживать порядка. Я старше. Значит, сначала я. А тебя я встречу там, и мы отметим это событие. А компанию, сам понимаешь, соберем...

Кого позовем, мы уточнять не стали. Наш близкий друг Лёва Оников, опытный тамада, учил: когда поднимаешь тост за ушедших, перечислять их по именам нельзя. Можно кого-то забыть, и ему там не нальют. Будет стоять с пустой чашей...

Когда мне исполнилось 85, я отмечал не в ресторане, как всегда, а скромно, дома, с детьми, внуками и правнуками. В живых Жени уже не было, но теплые слова он мне все-таки сказал. По каналу ТВЦ показывали фильм к моему юбилею, там был и Женя (его успели снять).

С Женей мы встречались не так часто – раз в неделю, иногда реже. А сейчас, когда его не стало, мне не хватает его каждый день. Я понимаю: это драгоценный подарок, что у меня был такой замечательный друг.

ЦЕРЕТЕЛИ Зураб Константинович

Скульптор, живописец, президент Российской академии художеств с 1997 г.

Он умел ценить и вдохновлять творческих людей

Я могу назвать себя счастливым человеком, потому что в моей жизни Бог даровал мне таких друзей, как Евгений Максимович Примаков.

Дружба наша давняя, и началась она еще в Тбилиси, мы жили на одной улице.

Евгений Максимович – человек удивительно теплый и светлый, кристально порядочный. Многие знают его как профессионала высочайшего уровня, выдающегося государственного деятеля, своей принципиальной позицией в отстаивании интересов России увековечившего себя в истории.

Но мне повезло особенно, я смог ощутить его умение дружить, искренность и теплоту дружеских отношений. Он по-настоящему умел веселиться и дарить ощущение праздника другим. Обладал тонким чувством юмора. Помню потрясающие дружеские застолья, удивительную атмосферу, которую он создавал своей мощной энергетикой, радость общения. Многие годы Евгений Максимович всегда собирал друзей 13 января на Ста-

рый Новый год, и где бы я ни был, всегда старался успеть, потому что встречи наши мне были всегда очень дороги. Всё это – незабываемые мгновения, ценность которых для меня велика.

Евгений Максимович любил и понимал искусство. Он умел ценить и вдохновлять творческих людей. Ему всегда можно было рассказать о своих мыслях, проектах, и было ощущение, что я говорю со своим колле-

гой, художником, так тонко и с таким знанием он реагировал на всё. И в то же время он уважал мнение профессионалов, прислушивался к другой точке зрения.

Его мудрость и поддержка не раз помогали в ситуации сложного выбора, необходимости срочного решения.

В своей жизни мне повезло встретить немало ярких, талантливых людей, но Евгений Примаков оставил в моем сердце особую теплоту близкого человека.

ИОСЕЛИАНИ Давид Георгиевич

Директор Научно-практического центра
интервенционной кардиоангиологии

В нем видели своего лидера, опору

И сложно, и просто писать о таком человеке, как Евгений Максимович Примаков. Сегодня, когда его уже нет, можно с полной ответственностью говорить о том, что он был великим человеком. Он был велик как государственный и политический деятель, велик как ученый. И что немало важно – был велик в дружбе. То, что об этом говорю я, пожалуй, логично, так как я его знаю лучше, чем кто-то другой. Наша дружба охватывала многие десятилетия, и за этот период я достаточно хорошо смог ощутить всё могущество его таланта и личности. Более того, Евгений Максимович Примаков играл огромную роль в моей жизни, в моей судьбе на разных этапах нашей дружбы. Сегодня, когда Евгения Максимовича уже нет с нами, но еще очень свежи воспоминания, важно поделиться мыслями о том, какие черты характера и свойства, по моему мнению, формировали его как выдающегося человека. При этом, когда речь идет о выдающемся человеке, исторической личности, очень важно придерживаться полной объективности, не под-

даваться эмоциям, не скрашивать всё своими субъективными ощущениями.

Итак, первое и, может быть, одно из самых главных – он был талантливый и Богом одаренный человек. Его талант проявлялся в умении глубоко и абсолютно точно анализировать различные события и явления, нестандартно мыслить и принимать верные решения. Увидеть, разглядеть то, что не видно простому смертному. Иногда в правильности тех или иных его решений я убеждался только по прошествии определенного времени, порой даже нескольких лет. Думаю, что у Евгения Максимовича очень хорошо были развиты интуиция, некое чутье и проницательность. Эти качества, безусловно, помогали ему – как в политике и государственном строительстве, так и по жизни вообще.

Второе – это абсолютно кристальная честность, порядочность и бескомпромиссность Евгения Максимовича. Он не только сам был крайне честным, но и в людях старался разглядеть это. Несмотря на то что он прожил крайне сложную, порой тяжелую жизнь, прошел через многие испытания, он сохранил удивительную чистоту и порядочность. Изредка, когда мы о ком-то говорили, обсуждали те или иные поступки и у меня или кого-то из окружающих вырывались какие-то не очень лестные слова об обсуждаемом, Евгений Максимович мог сказать: «Ну как ты можешь сомневаться в действиях или словах этого человека, он же мне честное слово дал!» Если человек дал ему честное слово, он этому безоговорочно верил, таков был главный критерий его взаимоотношений с людьми. Это не простота и не наивность. Он был настолько порядочен сам, так верен своему слову, что не мог себе даже представить, как кто-то может быть другим. Просто не допускал, что кто-то может обмануть. Если он сам давал честное слово – непременно выполнял то, что обещал. Так было всегда. Вообще он крайне редко отзывался негативно о ком-то. Это было ему абсолютно несвойственно. Даже

когда по телевидению была развязана травля в отношении Евгения Максимовича и некоторые из кожи вон лезли, чтобы очернить имя Примакова, он не хотел говорить об этом и переводил разговор на другую тему, разве что мог улыбнуться своей несколько хитрой, многозначительной улыбкой. Вместе с тем он был крайне жестким, когда дело касалось правонарушений и противозаконных действий.

Евгений Максимович был беззаветно предан своей стране. Он всегда на деле, а не на словах, в отличие от многих наших политиков, старался доказать предан-

«Поднимаясь по этой крутой лестнице, Евгений Максимович совершенно не изменился в дружбе. Для друзей он остался абсолютно таким, каким был в самом начале своей карьеры»

ность России, своей Родине, своему делу. Вся его жизнь являлась доказательством того, что он был истинным государственным в хорошем понимании этого слова.

Евгения Максимовича характеризовало невероятное трудолюбие. Вот по-настоящему человек, не знавший покоя. Даже на отдыхе, где можно было расслабиться, от-

дыхать и ничего не делать, он использовал время для написания книг, докладов, статей. Он писал днем, вечером, порой ночью, а утром собирал нас и наших жен и читал нам всё, что написал за день. Ему очень важна была наша реакция, он вообще всегда считался с мнением друзей, близких, но, естественно, делал всё так, как сам считал нужным.

Несмотря на то что Евгений Максимович занимал самые высокие государственные посты, он не был публичным человеком, всегда старался, если это было возможно, избегать всяких пиар-кампаний. И это тем более удивительно, что он пользовался огромной популярностью и уважением среди людей – и не только у нас в стране, но и за ее пределами. Нам периодически приходилось отдыхать за рубежом. Надо сказать, что он очень любил море и восточные страны – что понятно, так как он проработал на Востоке многие годы. И во время отдыха в этих странах у Евгения Максимовича не было покоя от других отдыхающих и местного населения. Просто выстраивались очереди за автографом. Нередко это создавало неудобства для нашего друга, но я не помню, чтобы хоть раз он отказался бы или сказал какое-то грубоватое слово. Мы даже шутили, что пора превратить это в бизнес и продавать билеты на получение автографа. Помню, отдыхали в Тунисе –

и та же история. Каждый день очереди за автографами. Как-то нам сказали, что в нашу гостиницу прибыла известная кинозвезда Сильвия Кристель, которая снялась в нашумевшем фильме «Эммануэль». Мы все обрадовались, понадеявшись на то, что у Евгения Максимовича появится возможность отдохнуть немножко от желающих получить автограф. Но не тут-то было, на второй день очередь опять к нам, а Сильвия Кристель раздавала одиночные автографы на пляже.

Он был велик в дружбе. У нас была своя «команда» – постепенно сложившийся постоянный круг друзей. Вначале эта «команда» сформировалась «по географическому признаку». Потому что большая часть ее – бывшие тбилисцы. Причем многие из тех, кто был в этой дружеской «команде», не знали друг друга в детстве или молодости там, в Тбилиси. Познакомились гораздо позднее. Но всё равно тбилисские «корни» имели большое значение. Евгений Максимович был душой и вместе с Владимиром Ивановичем Бураковским являлся лидером «команды».

В этом содружестве все были преданы и относились друг к другу с трепетом и уважением, независимо от того, кто на какой ступени иерархической лестницы находился. Поднимаясь по этой крутой лестнице, Евгений Максимович совершенно не изменился в дружбе. Для друзей он остался абсолютно таким, каким был в самом начале своей карьеры. Это не было «игрой в демократию» – это было в его натуре. Были годы – лет 25–30 назад, – когда мы практически каждые выходные устраивали какие-то посиделки. Собирались по очереди то у В.И. Бураковского, то у Е.М. Примакова, то у меня. И еще несколько семей было в нашем кругу. Когда Примаков стал премьер-министром, мы видели его загруженность и переживали, что нам будет впредь значительно труднее общаться с нашим другом, так как в такой ситуации человеку обычно маловероятно оставаться доступным для друзей и вообще для внеш-

него мира. Но он не менялся. Каждую субботу или воскресенье продолжались наши посиделки, и он всегда в них участвовал. Я жил тогда на Долгоруковской (Калаевской) улице, там был большой двор, где стояло много машин. Помню, была такая сложность: когда собирались у меня, то уже утром приезжали эвакуаторы и увозили все машины. Мне самому тоже приходилось ставить машину в другом месте. А когда вечером он приезжал к нам, то на этажах дежурили люди из службы охраны. Конечно, это не нравилось моим соседям, но когда они узнавали, ради кого это делалось, всё прощалось. Такова была людская любовь к нему.

Эти порядки не зависели от Примакова, он не мог их изменить. А у него самого никогда не было никакой мании величия. Это очень важно.

Что объединяло членов нашей дружной «команды», нашего содружества – общая система ценностей, общий Тбилиси? Пожалуй, главное – отношение к стране, к дружбе и к делу, которому мы служили, профессии. Мы все были профессионалы, люди одержимые, влюбленные в свое дело. Бураковский – великий кардиохирург, Николай Шишлин и Томас Колесниченко – известные журналисты-международники, Лев Оников – сотрудник партийного аппарата, на редкость эрудированный, образованный человек, ходячая энциклопедия, Лев Кулиджанов – талантливый кинорежиссер, высочайший профессионал, Гия Данелия – удивительный режиссер, Андрей (Туки) Якобшвили – организатор дорожного транспорта в Москве, Александр Дзасохов – государственный и политический деятель, Степан Ситарян – яркий экономист, Альберт Сагирян – опытный предприниматель. И еще много хороших и достойных людей. Среди нас не было дилетантов, людей, которые равнодушно или небрежно относились бы к своему делу.

Кроме того, нужно, наверное, сказать, что все мы любили красивые застолья. Это тоже вполне в духе

кавказских традиций. Любили вкусную еду, красивые умные тосты. Другое дело, что наши застолья не были бесконечными, не продолжались по десять часов, как это порой бывало в Тбилиси. Мы собирались, чтобы порадоваться и снять напряжение. Все негативные переживания и проблемы, которые накапливались за неделю, нам удавалось сбросить с души. Обменивались новостями, каждый рассказывал, что интересного произошло в той области, где он работает. Владимир Иванович Бураковский очень красочно говорил про медицину, какие новые операции делаются. Мы все были интересны друг другу. Лично я с жадностью, как губка,

впитывал все эти разговоры, любую новую информацию. Все члены нашего содружества были очень образованными, эрудированными людьми. И в целом мы были близки по мировоззрению, по системе ценностей, людьми «одной группы крови». Это определение прижилось в нашем кругу. Мы и сейчас можем сказать про кого-то – «он не нашей группы крови». И все поймут, что имеется в виду.

На глазах близких друзей происходил карьерный рост Евгения Максимовича – он стал академиком, постепенно занимал всё более высокие должности, но для друзей он не менялся. Ему можно было позвонить со своими проблемами и ночью, и рано утром. Он всегда был доступен, очень отзывчив и доброжелателен. Другое дело, что мы никогда не злоупотребляли нашими добрыми отношениями, старались не обременять друг друга мелкими проблемами. Но если в серьезной ситуации нужна была поддержка, если, не дай бог, случалась беда (к сожалению, в нашем содружестве некоторые, в том числе Евгений Максимович, потеряли детей), он всегда первым приходил на помощь и был рядом всё время. Мы были друг другу интересны и дороги. Но корыстных интересов в наших отношениях не было никогда или почти никогда. Может, и в нашей «команде» на время появлялись случайные люди, но они задерживались ненадолго. Несколько поредели ряды после того, как Евгений Максимович ушел с должности премьер-министра. Тогда некоторые «товарищи» тоже ушли. Наверное, в поисках дружбы с другими премьер-министрами. Но бог им судья, речь не о них.

Евгений Максимович любил классическую музыку, и это тоже нас объединяло. Мы довольно часто ходили вдвоем в консерваторию, там особая атмосфера, своя публика, «консерваторские» люди, которые регулярно ходят туда многие годы и даже десятилетия. Нам нравился сам этот ритуал – сходить в консерваторию. Тем

более что Евгений Максимович был членом попечительского совета Московской консерватории. Думаю, что его пригласил туда Александр Соколов, бывший министр культуры, ректор консерватории и очень приятный человек. Вообще вокруг Евгения Максимовича всегда собирались исключительно порядочные люди. В нем видели своего лидера, опору.

Еще одна важная деталь: Евгений Максимович много занимался благотворительностью. Он этого никогда не афишировал, но делал в этом направлении много. Иногда отдавал на благотворительность полученные им премии. А если уж кто-то из знакомых уезжал по делам в Тбилиси, то Евгений Максимович обязательно просил передать деньги и прилагал список. Среди этих людей были не только родственники.

И наконец, несмотря на то что Евгений Максимович никогда не занимался спортом и особо спортивным телосложением также не отличался, он прекрасно плавал и любил это делать подолгу. Даже будучи уже не совсем здоровым человеком, когда мы приезжали на море, он плавал столько, что утомлял не только меня, тоже уже немолодого человека, но и прикрепленных ребят-охранников. И никто из нас не решался ему сказать: «Евгений Максимович, может быть, хватит, может, вернемся на берег?» Мы обычно даже шутили, что он плавает лучше и больше, чем ходит.

Вот таким был Евгений Максимович Примаков, наш дорогой человек, великий и при этом очень простой, великий и при этом очень скромный, великий и открытый для всех.

Вечная ему память!

«Вообще вокруг Евгения Максимовича всегда собирались исключительно порядочные люди»

Архимандрит СЕРГИЙ (Стуров)

Сопредседатель Фонда Патриарха Тихона

Он вернул России величие

По милости и воле Божией мне довелось довольно часто в разные годы общаться с Евгением Максимовичем Примаковым. Первые наши встречи относятся к концу тех уже далеких позднесоветских перестроечных 1980-х, когда я только начинал свою службу в качестве Благочинного Великолукского округа Псковской епархии. Тогда Евгений Максимович многократно приезжал в Великие Луки вместе с руководством Издательского дома «Экономическая газета», с которым он тесно сотрудничал как автор, публиковавшийся в еженедельнике «Экономика и жизнь» и других изданиях холдинга, и общественный деятель, директор крупного академического института. Евгений Максимович энергично и многоаспектно, в том числе денежными пожертвованиями, помогал нам во многих наших богоугодных начинаниях. Это были и поддержка памяти замечательного писателя-великолучанина Ивана Васильева, и обустройство мемориалов героев Великой Отечественной, павших в страшных сражениях на Псковщине. И, конечно, восстановление – с возвращением в лоно Русской Православной Церкви – разрушенных храмов,

в том числе весьма значимых для России и для всего Русского мира в целом. В одном из великолукских храмов в свое время крестился будущий Патриарх Московский и Всея Руси Тихон и служили родители этого праведника. Кстати, напомним, что будущий Патриарх Тихон нес Слово Божие и за океаном. И соответствующие духовные заслуги его вынужден был признать и отметить даже Конгресс США – особой государственной наградой, по статусу вручаемый только американским гражданам.

В конце «лихих» 1990-х и позже мои контакты с Евгением Максимовичем продолжались главным образом в рамках Клуба православных предпринимателей, работавшего под эгидой Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Президентом этой организации являлся наш с Евгением Максимовичем общий друг – глава Издательского дома «Экономическая газета» Юрий Васильевич Якутин, инициатор и научный редактор уникальной книжной серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность». В качестве почетного члена клуба президент Торгово-промышленной палаты РФ Е.М. Примаков активно, с присущей ему творческой энергией и опираясь на свои незаурядные позиции в предпринимательском сообществе участвовал в реализации формулировавшихся Святейшим Патриархом Алексием II задач по развертыванию в стране издания высокодуховной историко-патриотической и собственно православной литературы.

Вспоминаются также другие эпизоды наших взаимоотношений, включая беседы в ходе презентаций выпущенных в 2011–2012 годах тем же издательским домом книг Николая Ивановича Рыжкова об эконо-

«Академик Примаков высокопрофессионально и оригинально высвечивал малоизвестные страницы героической и трагической военной истории России»

мических факторах Великой Победы («Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы» и «Великая Отечественная: ленд-лиз»). Академик Примаков высокопрофессионально и оригинально высвечивал малоизвестные страницы героической и трагической военной истории России. В памяти остался его рассказ о проблеме расчетов по ленд-лизу в послевоенные десятилетия. С ней Евгений Максимович на практике сталкивался в 1996–1999 годах в качестве министра иностранных дел РФ и главы российского правительства. По словам Евгения Максимовича, в результате длительных переговоров срок оплаты задолженности был продлен американцами до 2030 года, притом что еще в 1972 году Соединенные Штаты списали ленд-лизозовские долги всем получателям поставок, кроме Советского Союза, внесшего главный вклад в разгром фашизма и понесшего беспрецедентные, чудовищные потери.

Важных встреч было немало, но хотелось бы особо отметить упомянутые выше первые, случившиеся на древней, овечьей русской славой псковской земле. Именно тогда, возможно, Евгений Максимович получил то благословение на великие деяния во имя Родины, тот мощный духовный импульс, которые впоследствии помогли ему стать столь значительным персонажем современной российской и всемирной истории. Рискну предположить: без этого импульса, без обретенного в Великих Луках духовно-патриотического заряда вряд ли состоялась бы «петля Примакова» – поразивший мир разворот премьерского самолета над Атлантикой в марте 1999 года, что не только продемонстрировало накал протеста россиян против натовских бомбардировок братской нам Сербии, но и ознаменовало начало перелома в российской внешней политике, исходный пункт утверждения в ней приоритета отстаивания национальных интересов. И главное, вряд ли стала бы возможной та разумная, отчетливо

государственническая внутренняя социально-экономическая политика постдефолтного правительства Е.М. Примакова – Ю.Д. Маслюкова, которая, сломав, казалось бы, прочно утвердившуюся сатанинскую либеральную управленческую традицию, на рубеже 1998–1999 годов отодвинула экономику страны от самого края пропасти и обеспечила предпосылки нашего вставания с колен.

С Божьей помощью и благодаря своему подвижническому труду Евгений Максимович Примаков сумел сделать всё, чтобы вернуть Отчизне величие. И я благодарю Бога за счастье общения с этим выдающимся ревнителем России.

БОРДЮГОВ

Геннадий Аркадьевич

Руководитель Международного совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI)

РЫБАКОВ

Александр Михайлович

Советник, Центр международной торговли

Уроки Примакова.
Вместо заключения

Становится ли «неизвестный Примаков» гораздо более известным и понятным после знакомства с опубликованными здесь впервые воспоминаниями? Нам кажется, и да и нет. Да – потому что люди, близко знавшие его, делятся фактами, о которых практически никогда и нигде раньше не говорилось. Нет – потому что эти многочисленные факты в принципе ничего не меняют в нашем восприятии Примакова. Уточнения, детали, филигранные прориси его биографии – в данном случае не в счет. Они лишь подтверждают сложившийся и как бы по умолчанию разделяемый всеми оценочный консенсус роли Евгения Максимовича в нашей недавней истории. Налицо небывалый, буквально парадоксальный случай: абсо-

**Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.**

Евгений Примаков

«И кстати, именно в наше время – жесткое, бескомпромиссное, не оставляющее возможности переждать, отсидеться, но требующее от каждого максимального самоопределения – роль Примакова как политического гуру, авторитета, кому можно без сомнения довериться и принять его наставления как руководство к действию, еще больше усиливается»

лютно правильный и абсолютно безупречный политик в «лихие» 1990-е годы и не менее – если не более – авторитетный, взвешенный, умудренный в до сих пор до конца непонятные нулевые и тем более в оставляющие много вопросов 2010-е. И кстати, именно в наше время – жесткое, бескомпромиссное, не оставляющее возможности переждать, отсидеться, но требующее от каждого максимального самоопределения – роль Примакова как политического гуру, авторитета, кому можно без сомнения довериться и принять его наставления как

руководство к действию, еще больше усиливается. То есть Евгений Максимович оказывается незаменимым чуть ли уже не четверть века. Возможно ли такое?

По-видимому, секрет тут кроется как раз в том, о чем почему-то до сих пор не говорят ни биографы самого Е.М. Примакова, ни вообще историки ранней постсоветской эпохи, ни все те, кто лично знал его или работал с ним. Не говорят не по какому-то преднамеренному умыслу, а потому, что не считают данное обстоятельство чем-то значимым – на фоне быстрого и успешного преодоления последствий дефолта или знаменитой петли над Атлантикой. Рядом с такими «подвигами Геракла» как-то даже неудобно признаться в банальной истине: просто-напросто Примаков был особенный, другой, не как все и вел себя наперекор тем негласным правилам, которые тогда только сложились, а спустя несколько лет стали чем-то само собой разумеющимся. Вот почему в нашей памяти он такой од-

нозначно положительный и светлый, несмотря на то что жил и действовал в то окаянное время.

В чем же эта особенность Примакова, его непохожесть на подельников-современников? Иными словами, чему можем поучиться у него мы, живущие в не менее сложные времена? Может быть, попытка спроецировать эти уроки на теперешнюю действительность откроет нам глаза на многое из того, что мы перестали замечать.

Первый урок, преподнесенный нам Примаковым, – это убедительное доказательство несостоятельности одного утверждения, которое принимается по умолчанию и даже не обсуждается. Это утверждение о невозможности делать большую политику в белых перчатках. Примаков же продемонстрировал прямо противоположное – что это не только допустимо, но именно так и должно быть, что лиц, занимающих самые высокие посты, никто не освобождал от необходимости следовать моральным нормам, обязательным для всех остальных. Сегодня подобная установка кажется не просто каким-то анахронизмом, но чем-то вообще неестественным, сказочным, невероятным. Невозможно поверить в то, что лицо, доросшее до премьерского поста, в принципе смогло сделать такую карьеру – и не замараться. Скажем больше – попытки представить Примакова нравственно безупречным в нашей действительности могут возыметь даже прямо противоположный эффект: мол, нет сомнения, молодец, правильно все делал, олигархов поприжал, спас народ от дефолта, а честь страны – от поругания, развернувшись над Атлантикой, но зачем небылицы-то рассказывать? Поэтому, чтобы не повергать в смущение наши представления о том, что может быть и чего быть в принципе не может ни при каких обстоятельствах, переформулируем этот первый урок иначе – как верность раз и навсегда выработанному имиджу, как стойкая последовательность в преподнесении себя окружаю-

щим, как неукоснительное следование принципам – и на публике, и в закрытом режиме.

Следующий урок – уже не из эфемерной и по большей части непонятной ныне области представлений о чести и достоинстве, а из самой что ни на есть настоящей политики. Хотя опосредованно этот урок снова упорно вытаскивает нас все туда же – к каким-то принципам, которые непонятно зачем нужно соблюдать. Если мы посмотрим на стремительное возвышение Примакова, начавшееся при Горбачеве и завершившееся премьерским креслом, то заметим одну совершенно нетипичную по нынешним временам вещь. От должности к должности он переходил, как рыцарь, один – без эскорта из «имэмовских», «ясеневских», «мидовских» или каких-либо еще. С ним повсюду следовали только два самых близких его помощника – своеобразные оруженосцы, если продолжить аналогию с рыцарскими временами. Преднамеренный отказ от «своих» может себе позволить лишь тот, кто абсолютно уверен в собственной правоте и собственных силах и готов взять на себя всю ответственность. Сейчас наоборот действуют команды. И при этом подобный инстинкт объясняется очень просто: дескать, по-другому нельзя – если ты вне стаи, то другая стая тебя просто загрызет. Но Примакова почему-то никто не загрыз. Другие времена были? Наверяд ли – политика всегда делалась и делается по одним и тем же лекалам. Просто слабые и неуверенные нуждаются в стае – для защиты и для переложения на нее ответственности, если вдруг в том возникнет необходимость. Сильные же и независимые в таком окружении не нуждаются. Да и разбрасываться своей ответственностью они как-то не привыкли.

Еще один урок Примакова, на первый взгляд, ломает его образ политика-одиночки, не нуждающегося в свите: всюду, где только он ни оказывался, он тут же начинал намеренно собирать вокруг себя единомыш-

ленников либо делать единомышленниками тех, кто ранее таковыми не являлся. Однако несоответствие данной установки ярко выраженному административному индивидуализму – иллюзорное. Приходить на новое место со своей командой – совсем не то же самое, что обрастать ею на этом самом новом месте с чистого листа. Последнее совсем по-другому мотивируется. Команда единомышленников, причем команда по возможности максимально широкая, нужна не для обеспечения собственной безопасности, а чтобы гарантировать невозможность – или, во всяком случае, крайнюю затруднительность – разрушить, обернуть вспять сделанное, достигнутое, сотворенное этой командой. Собственно, именно в этом и был смысл создания широкой коалиции с левыми силами в антикризисном кабинете Примакова. Именно коалиция обеспечила продавливание пакета мер, предполагавших основательное возвращение государства в экономику и незамедлительно породивших многочисленных и притом влиятельных оппонентов такого курса. Однако помимо силового эффекта коалиция – это еще и способ достижения и поддержания общественного консенсуса по жизненно важным вопросам развития страны. А значит – и способ получения кредита доверия от народа. Примакову был выдан такой кредит.

Сформулируем другой урок: политик высокого уровня обязан быть дальновидным и аккуратным. Семь раз отмерь – один отрежь. А при обострении отношений с партнером предпочтительней уклоняться от инвектив в свой адрес, нежели выступать зачинщиком, задирой, забиякой. Если вспомнить все ту же петлю над Атлантикой, то что тогда, по сути, сделал Е.М. Примаков? Да ничего особенного – просто не полетел в Америку. А что сделала Америка? На весь мир забрала оружием и развязала войну против Сербии. И кто при таком раскладе оказался победителем, а кто сел в лужу, хотя бы даже и после видимой удачи, при

«Все дипломатические победы были добыты в том числе и его виртуозным джентльменским отношением к тем, перед кем ему приходилось отстаивать интересы России»

доведении до конца своего сценария, – понятно. Недеяние в таком случае может оказаться посерьезнее, чем любое действие.

И, наконец, обозначим, пожалуй, самый важный урок, относящийся к тому, что можно условно назвать правильным международным поведением. Сейчас часто употребляют по-

нятие – доктрина Примакова. Суть этой доктрины заключается в выжимании из абсолютно любой ситуации максимума полезного для своей страны. Именно так поступал Е.М. Примаков, решая вопросы большой международной политики в качестве главы СВР, министра иностранных дел и председателя правительства. Но не надо забывать и важного составного элемента этой доктрины: да, выжимать максимум возможностей, но делать это с неукоснительным учетом интересов партнеров, принимая во внимание полный расклад сил в том или ином регионе и изо всех сил удерживая при этом паритет интересов ведущих мировых игроков. Примаков знал, что уступками и компромиссами можно добиться очень многого. Он понимал, что интересы страны лишь тогда будут по-настоящему обеспечены, когда ты отстаиваешь их филигранной игрой, отточенными действиями, выверенными шагами, постоянными реверансами в сторону партнеров, а не уподобляешься слону в посудной лавке. К тем, кто действовал прямолинейно, уперто и не желал учитывать ничьих интересов, Евгений Максимович относился с иронией и даже с сочувствием, искренне сожалея о том, как много проигрывают такие политики и сколько они недобирают, упускают, как многим рискуют. Все дипломатические победы были добыты в том числе и его виртуозным джентльменским отношением к тем,

перед кем ему приходилось отстаивать интересы России. Насколько полезным был бы хотя бы мизерный учет опыта этой примаковской дипломатии теми, кто ныне своими неуклюжими действиями создает нашей стране проблемы, а потом пытается их героически преодолеть!

В той или иной степени все перечисленные уроки названы авторами настоящей книги – людьми, «выучившими» их благодаря наставничеству, учительству Примакова: чаще – доброму и проникновенному; значительно реже – строгому и взыскательному; но всегда – искреннему и жертвенному со стороны самого Евгения Максимовича. Но в любом случае эти воспоминания, собранные под одной обложкой, понуждают иначе, по-новому взглянуть на личность Примакова. Остановиться. Задуматься. Взглянуть на окружающий мир незамутненным, свежим взглядом. По-примаковски.

Политические гении заставляют прислушиваться к преподносимым ими урокам...

21 июня в Центре международной торговли прошла презентация десяти томного собрания сочинений Евгения Максимовича Примакова, подготовленного ТПП РФ совместно с НИЦ АИРО-XXI. «Место проведения сегодняшней презентации выбрано неспроста. Большинство из Вас были участниками “Меркурий-клуба”, и Евгений Максимович любил проводить их здесь. Он вообще любил Центр международной торговли. Это последнее место его работы – он был бессменным президентом “Меркурий-клуба” с момента его создания в 2002 году. Последние годы его штаб-квартира располагалась в ЦМТ, а в этом зале [“Ладога”] проходили все заседания “Меркурий-клуба”, – подчеркнул президент ТПП РФ Сергей Каптерин, открывая презентацию собрания сочинений.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.

В первый том Собрания сочинений вошли книги «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978) и «Восток после краха колониальной системы» (1982), написанные Е.М. Примаковым во время работы директором Института востоковедения АН СССР. Обе книги содержат широкий анализ событий и процессов, которые происходили на Ближнем Востоке и в развивающихся странах Азии и Африки в 1950–1970-е годы, а также той роли, которую они играли в мировой политике и экономике.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.

Во второй том Собрания сочинений Е.М. Примакова вошли книги «История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов» (1985) и «Война, которой могло не быть» (1991). Первая работа посвящена анализу предпосылок и последствий Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года и рассмотрению ключевых моментов ближневосточной политики США в 1970–1980-е годы. Вторая работа представляет собой хронологическое описание развития событий в ходе войны в Персидском заливе 1990–1991 годов.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.

В книге «Годы в большой политике», включенной в данный том и впервые опубликованной в 1999 году, автор пишет о своей работе в Институте мировой экономики и международных отношений, в Службе внешней разведки и в Министерстве иностранных дел, а также предлагает личный анализ событий внутреннего и внешнеполитического характера в 1980-х и 90-х годах.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.

В книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)», включенной в данный том, автор характеризует основные политические процессы, которые меняли лицо ближневосточного региона во второй половине XX – начале XXI века, а также описывает и анализирует ряд исторических эпизодов и значительных событий, в которых ему довелось выступить не только свидетелем, но и участником.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.

В том включены две книги. В первой из них, «Восемь месяцев плюс», вышедшей в 2001 году, рассказывается о пребывании Е.М. Примакова во главе правительства России в 1998–1999 годах. В другой книге, «Мир после 11 сентября», увидевшей свет в 2002 году, дан геополитический анализ событий, связанных с этой трагедией, коренным образом изменившей обстановку в мире.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.

В книге «Минное поле политики», включенной в данный том и впервые вышедшей в 2007 году, автор пишет о своей жизни с раннего детства и вплоть до начала XXI века. В книге «Мир без России?», также включенной в данный том и впервые опубликованной в 2009 году, через призму личного восприятия рассказывается о тех внешнеполитических вызовах, которые стоят перед современной Россией, и о способах оптимального реагирования на них.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.

В книгах «Мысли вслух» и «Россия: надежды и тревоги» речь идет об актуальных политических проблемах, в том числе об экономической и политической модернизации России и о проблемах Ближнего Востока. Их предлагается решать с учетом как основных научных принципов политологии, так и с учетом коренных интересов России. Большое внимание уделено личному участию Е.М. Примакова в мировых событиях.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.

В девятый том Собрания сочинений Е.М. Примакова включены его выступления, доклады, интервью, эссе, охватывающие период с 2002 по 2014 год. Большинство текстов публикуется впервые. Внимание автора сосредоточено на текущих задачах экономической модернизации России, связанных с созданием условий, благоприятствующих развитию малого и среднего предпринимательства в стране. В книге затрагиваются проблемы инновационной, налоговой, тарифной политики, вопросы разработки законодательной базы для стимулирования предпринимательской деятельности, организации институтов, способствующих поддержке малого и крупного бизнеса и т. д.

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.

В данном томе собраны лекции, доклады, интервью, выступления, а также статьи Е.М. Примакова, опубликованные в различных изданиях и на страницах прессы. В них рассматривается широкий круг внутренних и внешнеполитических проблем, в первую очередь, вызовы, стоящие перед российской экономикой, социальные и культурные аспекты модернизационных процессов. В центре внимания автора – также актуальные внешнеполитические сюжеты, связанные с наиболее острыми проблемами сегодняшнего мира (Сирия, Ирак, Ближний Восток и др.).

Примаков Е.М.

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Библиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.

Данный том содержит вспомогательные справочные материалы, которые дополняют публикацию наследия Е.М. Примакова. Вместе с тем, этот том имеет самостоятельное значение как своеобразная «энциклопедия по Е.М. Примакову» и тем самым может быть полезным как исследователям его богатой биографии и эпохи, в которую он жил, так и всем интересующимся новейшей отечественной историей.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРИМАКОВ
Воспоминания

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 26.09.2016
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 30,0
Тираж 2000 экз. Зак.